

**Редакционный совет научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»**

Председатель совета серии

В. И. Молодин   акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зувев   д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев   канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов   акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола   д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек   д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц   д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв   чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик   д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

А. П. Деревянко   акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер   д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

О. Д. Журавель   д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости   д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич   д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)

С. М. Коткин   д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин   чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки   д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)

Г. Парцингер   д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)

Х. Плиссон   д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон   д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд   д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев   чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун   д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм   д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин   д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «История»

Ответственный редактор

А. В. Дмитриев д-р ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

С. О. Егоров канд. ист. наук (Новосибирский государственный медицинский университет, Россия)

Члены редакционной коллегии

- А. Н. Алексеенко д-р ист. наук, проф. (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)
- В. П. Булдаков д-р ист. наук (Институт российской истории РАН, Москва, Россия)
- В. Фудзимото д-р истории, проф. (Осакский университет экономики и права, Япония)
- Д. Вулф д-р истории, проф. (Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония)
- В. Дённингхаус д-р истории, проф. (Нордост-институт при Гамбургском университете, Люнебург, Германия)
- Л. В. Дериглазова д-р ист. наук, проф. (Томский государственный университет, Россия)
- С. В. Кондратьев д-р ист. наук, проф. (Тюменский государственный университет, Россия)
- А. С. Лавров д-р ист. наук, проф. (Университет Париж – Сорбонна, Париж, Франция)
- Ш. Б. Мухамедов д-р ист. наук (филиал Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина в г. Ташкенте, Республика Узбекистан)
- Г. Г. Пиков д-р ист. наук, д-р культурологии, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- С. Ю. Сапрыкин д-р. ист. наук, проф. (Московский государственный университет, Институт всеобщей истории РАН, Россия)
- Д. Смил д-р истории, проф. (Школа истории колледжа королевы Марии Лондонского университета, Великобритания)
- И. Халфин д-р истории, проф. (Тель-Авивский университет, Израиль)
- П. Холквист д-р истории, проф. (Пенсильванский университет, США)
- В. И. Шишкин д-р ист. наук, проф. (Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

A. S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

S. G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Kh. A. Amirkhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

B. Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

E. E. Voytishek Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

T. Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

A. E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

A. P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

J. Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

O. D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

G. E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

A. K. Kiklevich Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

S. M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

H. Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

H. Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

P. Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

I. V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

T. Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yu. V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “History”

Executive Editor

A. V. Dmitriev Doctor of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

S. O. Egorov Candidate of Sciences (History) (Novosibirsk State Medical University, Russian Federation)

Board Members

- A. N. Alekseenko Doctor of Sciences (History), Professor (S. Amanzholov East-Kazakhstan State University, Ust-Kamenogorsk, the Republic of Kazakhstan)
- V. P. Buldakov Doctor of Sciences (History) (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- W. Fujimoto Doctor of Sciences (History), Professor (Osaka University of Economics and Law, Japan)
- D. Wolff Doctor of Sciences (History), Professor (Hokkaido University, Sapporo, Japan)
- V. Dönninghaus Doctor of Sciences (History), Professor (North-East Institute of University of Hamburg, Lüneburg, Germany)
- L. V. Deriglazova Doctor of Sciences (History), Professor (Tomsk State University, Russian Federation)
- S. V. Kondratiev Doctor of Sciences (History), Professor (Tyumen State University, Russian Federation)
- A. S. Lavrov Doctor of Sciences (History), Professor (Paris-Sorbonne University, Paris, France)
- Sh. B. Mukhamedov Doctor of Sciences (History) (Tashkent Branch of the National University of Oil and Gas “Gubkin University”, Uzbekistan)
- G. G. Pikov Doctor of Sciences (History), Doctor of Culture Science, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- S. Yu. Saprykin Doctor of Sciences (History), Professor (Moscow State University, Institute for World History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)
- J. Smele Doctor of Sciences (History), Professor (Queen Mary’s college of London University, United Kingdom)
- I. Halfin Doctor of Sciences (History), Professor (Tel Aviv University, Israel)
- P. Holquist Doctor of Sciences (History), Professor (University of Pennsylvania, Philadelphia, United States)
- V. I. Shishkin Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

В Е С Т Н И К   Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2023. Том 22, № 1: История

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история

- Шельшей С. С.* Феномен имперского патриотизма в немецких политических памфлетах 1670–1680-х годов 9
- Иванов А. А.* Британские спецслужбы в системе межведомственных противоречий в начале XX века 20

Российская история

- Беляков А. В.* Источники жалованного слова народам Сибири 33
- Багрин Е. А.* Нерчинский приказчик П. Я. Шульгин: воин и дипломат 44
- Скобелев С. Г.* Планы строительства русских острогов в Западном Саяне и вторая Красноярская «шатость» (1718–1720 годы) 57
- Красникова Ю. Н.* Расширение компетенции первого товарища министра Департамента уделов в первой половине XIX века 64
- Шкерин В. А.* История «Записки о сектах, существующих в Пермской губернии» (1827 год) в судьбах автора и его информаторов 78
- Лысенко Ю. А., Жанбосинова А. С.* Подготовка нормативно-правового и организационно-методического обеспечения деятельности первой казахской учительской школы в Оренбургском генерал-губернаторстве (70-е – начало 80-х годов XIX века) 87
- Любезников О. А.* Исаакиевский собор как политическое пространство: трансформация образа и поиск интерпретаций до и после революции 1917 года 98
- Котляров М. В.* Распад СССР в контексте теории институционального насилия 110

Документальные страницы

<i>Зуев А. С.</i> Описание Забайкалья и Приамурья 1681 года	122
<i>Петров С. Г.</i> Воззвания викарных архиереев Томской епархии о помощи голодающим в 1922 году (Бийское и Новониколаевское викариатства)	133
Список сокращений	142
Информация для авторов	143

VESTNIK NSU

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2023, vol. 22, no. 1: History

CONTENTS

World History

- Shelyshev S. S.* The Phenomenon of Imperial Patriotism in German Political Pamphlets of the 1670s – 1680s 9
- Ivanov A. A.* British Special Services in Interdepartmental Contradictions in the Beginning of the 20th Century 20

Russian History

- Belyakov A. V.* Origins of a Granted Word to the Peoples of Siberia 33
- Bagrin E. A.* Nerchinsk Executive Officer P. Ya. Shulgin: Warrior and Diplomat 44
- Skobelev S. G.* Plans for the Construction of Russian Forts in the Western Sayan Mountains and the Second Krasnoyarsk “Rebellion” (“Shatost”) (1718–1720) 57
- Krasnikova Yu. N.* Competence Expansion of the Minister’s First Comrade of the Appanage Department in the First Half of the 19th Century 64
- Shkerin V. A.* History of “Note on Sects Existing in the Perm Governorate” (1827) in the Fate of the Author and His Informants 78
- Lysenko Yu. A., Zhanbosinova A. S.* The Preparation of Regulatory and Organizational-Methodological Support for the Activities of the First Kazakh Teachers’ School in the Orenburg Governorate (1870s – Early 1880s) 87
- Lyubeznikov O. A.* Saint Isaac’s Cathedral as a Political Space: Transformation of the Image and the Search for Interpretations before and after the Russian Revolution of 1917 98
- Kotlyarov M. V.* The Collapse of the USSR in the Context of the Theory of Institutional Violence 110

Documents

<i>Zuev A. S.</i> Description of the Transbaikal and the Amur Region in 1681	122
<i>Petrov S. G.</i> Appeals of the Vicar Bishops of the Tomsk Diocese for Help to the Starving in 1922 (Vicariates of Biysk and Novonikolaevsk)	133
List of Abbreviations	142
Instructions to Contributors	143

Научная статья

УДК 94(430).044

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-9-19

Феномен имперского патриотизма в немецких политических памфлетах 1670–1680-х годов

Софья Сергеевна Шелышей

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

sofya.shelyshey@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7756-1840>

Аннотация

Анализируется имперский патриотизм как особое движение в немецкой публицистике, широко распространившееся в последней трети XVII в. под влиянием внешнеполитических угроз – войн Людовика XIV и австро-турецких войн. Обращение к проимперским мотивам стало реакцией немецких публицистов на захватническую политику Людовика XIV по отношению к западным территориям Империи и на опасность турецкого завоевания восточных земель, в основе которой лежал страх за будущее Империи. Имперский патриотизм проявлялся в трех сюжетах немецких политических памфлетов: формирование негативного образа Франции, консолидация в борьбе с Османской империей и осуждение венгерских восстаний.

Ключевые слова

Леопольд I, войны Людовика XIV, немецкая публицистика, немецкая национальная идея

Для цитирования

Шелышей С. С. Феномен имперского патриотизма в немецких политических памфлетах 1670–1680-х годов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 9–19. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-9-19

The Phenomenon of Imperial Patriotism in German Political Pamphlets of the 1670s – 1680s

Sofya S. Shelyshey

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russian Federation

sofya.shelyshey@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7756-1840>

Abstract

During the reign of Leopold I, the Holy Roman Empire faced serious foreign policy challenges: the wars of the Ottoman Empire and the wars of Louis XIV. Both threats were reflected in German journalism. German publicists came out in defense of the Empire, as a result, a huge number of works with pro-imperial motives appeared. Speaking from the standpoint of imperial patriotism, German publicists strove to create an image of a common danger that threatened not only the entire Empire, but every German. Imperial patriotism was manifested in three topical subjects of German political journalism of the last quarter of the 17th century: French politics, the struggle against the Ottoman Empire and uprisings in Hungary. All three plots were presented from the position of a threat to the existing order. An important component of the negative image of France was its desire to seize the imperial throne and destabilize the internal situation in the Empire. The successes in the struggle against Turkey were demonstrated as the successes of the Empire and the Emperor. The Hungarian uprisings were condemned as a betrayal of the emperor, and therefore of the

Empire. The surge in imperial patriotism was beneficial to the imperial power, which used it to strengthen their authority within the Empire.

Keywords

Leopold I, the wars of Louis XIV, German journalism, German national idea

For citation

Shelyshev S. S. The Phenomenon of Imperial Patriotism in German Political Pamphlets of the 1670s – 1680s. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 9–19. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-9-19

Пребывавший в тени Людовика XIV, император Леопольд I (1658–1705 гг.) долгое время не вызывал особого интереса у историков [Schumann, 2003, S. 14]. В немногочисленных посвященных ему работах он представлялся слабым, неподготовленным и неспособным правителем, по случайности оказавшимся на императорском престоле [Кампманн, 2017, с. 69–70]. На сегодняшний день отношение к Леопольду I коренным образом изменилось. Современная историография считает его одним из выдающихся императоров, при котором Священная Римская империя германской нации пережила возрождение после Вестфальского мира и во многом благодаря которому она существовала еще целое столетие [Шиндлинг, 1997, с. 206]. Его правление пришлось на период восстановления Священной Римской империи после политического, экономического и демографического кризиса первой половины XVII в., которое осложнялось внешнеполитическими вызовами: войнами против Людовика XIV и Османской империи. Внешняя политика Леопольда I была направлена на восстановление утраченных в ходе Тридцатилетней войны (1618–1648) позиций Империи на международной арене и возвращение положения европейского гегемона. Не менее важной задачей Леопольда I было укрепление позиций императорской власти, ослабленной Вестфальским миром, внутри самой Империи [Там же].

Достижению этих целей способствовала активная политическая пропаганда. Леопольд I стремился убедить подданных и союзников в своем величии и могуществе и создать образ сильной и «правильной» императорской власти¹. Особое значение для выполнения этой задачи имела публицистика, важнейшими функциями которой в раннее Новое время были формирование общественного мнения, идеологическое воздействие и связь между обществом и властью.

Публицистическое произведение могло быть кратким или подробным изложением какого-либо политического события либо содержать комментарий, представлять критику политических институтов, деятельности определенных лиц или в целом общественного строя. Немецкая публицистика второй половины XVII – начала XVIII в., представленная такими жанрами, как памфлеты, иллюстрированные листовки, периодика, ежегодники и календари (см. [Faulstich, 1998]), служила источником новостей и формировала коммуникативное пространство Империи [Schumann, 2003, S. 28; North, 2005, S. 239]. Специфика публицистики как исторического источника заключается в том, что она возникает в общественной сфере и выражает мнение определенной социальной группы по важным общественным вопросам. Это речь, обращенная к обществу, к читающей публике, связанная с личностным отношением и восприятием, поэтому публицистические произведения отличаются эмоциональной манерой изложения и частым намеренным искажением реальных фактов. Публицистика являлась реакцией на злободневные сюжеты и представляла мнение узкого слоя, формировавшегося на основе дворянско-бюргерской элиты. Литераторы, как и их читатели, принадлежали к образованным слоям общества, зачастую они занимались политической или экономической деятельностью, служили при дворе императора или немецких князей. Вместе с тем большинство политических трактатов публиковалось анонимно, многие публицисты использовали

¹ О пропаганде власти Леопольда I см.: [Mandlmayr, Vocelka, 1985; Polleross, 1987; Golubeva, 2000; Pons, 2001; Schumann, 2003; Stollberg-Rilinger, 2008; Wrede, 2008]. Развернутая библиография по этой теме представлена в [Schumann, 2003, S. 15].

псевдонимы, поэтому не всегда можно определить территориальное, социальное или профессиональное происхождение автора.

В конце XVII в. событиями, мобилизовавшими общественное мнение Империи и получившими широкое освещение в немецкой публицистике, стали войны против Людовика XIV и Турции [Schmidt, 2004]. В этот период появляется множество публицистических произведений, выступающих в защиту Империи и прославляющих действия императора. Эти сочинения современные исследователи связывают с развитием на рубеже XVII–XVIII вв. имперского патриотизма [Aretin, 1991; Wandruszka, 1993; Blitz, 2000, S. 74–89].

В историографии выделяют несколько волн проявления имперского патриотизма в немецкой публицистике раннего Нового времени, среди них рубеж XV–XVI вв., Тридцатилетняя война и войны против Людовика XIV [Stolleis, 1991, S. 8]. Эти периоды отличаются резким повышением количества произведений с национальным подтекстом и особо частыми отсылками к общегерманским ценностям. Авторы, вне зависимости от конфессионального и территориального происхождения, употребляют обобщающие термины «отечество», «Германия», «немцы», апеллируют к немецким обычаям, языку², моде³, появляются даже такие характеристики, как «настоящий немец». Эти сочинения объединяет чувство принадлежности всех немцев к Империи и представление императора как немецкого правителя, защищающего «немецкую свободу» [Wrede, 2004, S. 455–463], т. е. специфическое устройство Империи и права имперских чинов. Исследователи связывают проявления имперского патриотизма с периодами, когда под угрозой было само существование Империи [Stolleis, 1991, S. 8–9; Wrede, 2004, S. 553–554]. Немецкие публицисты стремились убедить общество сплотиться вокруг императора в борьбе с общим врагом. При этом на первый план выставлялась опасность, угрожавшая не Империи, не политической системе как таковой, а самой немецкой нации, олицетворением которой, по представлению немецких публицистов, являлся данный политический строй.

Резкое увеличение проимперских публицистических произведений могло быть связано с происхождением авторов из среды, непосредственно зависящей от процветания Империи, среди них имперские юристы, профессора, дипломаты [Stolleis, 1991, S. 8]. В соответствии с концепцией социолога Ю. Хабермаса, чья работа «Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества» [2016] положила начало дискуссии о существовании в раннем Новом времени общественного мнения, имперский патриотизм, как особое направление в публицистике, был инициирован и представлен самой властью. На сегодняшний день большинство исследователей придерживается этого подхода и рассматривает публицистику как инструмент в руках господствующих классов, отражавший провластные идеи. Вместе с тем есть и противники теории Ю. Хабермаса (см.: [Schumann, 2003, S. 16–27; Wrede, 2004, S. 54–65]), доказывающие наличие в раннее Новое время как минимум части населения, способной дискутировать и высказывать свое мнение по поводу важнейших политических проблем и событий [Gestrich, 1994]. Существует также компромиссная позиция, согласно которой некоторые политические события могли вызывать большую реакцию в общественном мнении, скрытом и неактивном при обычных обстоятельствах [Schumann, 2003, S. 23]. При таком подходе, широкий общественный резонанс, вызванный агрессивной захватнической политикой Людовика XIV и турецкой угрозой, можно рассматривать как самостоятельное течение, являвшееся острой реакцией немецких публицистов на опасность внешнего завоевания.

Рост поддержки Империи и императора на страницах немецкой публицистики совпал с началом Голландской войны (1672–1678). Наибольшее количество публицистических произведений проимперской направленности вышло в период войны за Пфальцское наслед-

² О борьбе за чистоту языка в немецкой публицистике раннего Нового времени см.: [Медяков, 2005, с. 400–401; Лазарева, 2018].

³ О критике иностранного заимствования в моде в немецкой публицистике раннего Нового времени см.: [Schramm, 1914; Coupe, 1961; Лазарева, 2015; 2018].

ство (1688–1697). После ее завершения, в начале XVIII в., движение имперского патриотизма постепенно пошло на спад. Резкое появление и стремительное развитие имперского патриотизма в 1670–1680-х гг. объясняется тем, что в этот период война затронула непосредственно имперские территории: земли Эльзаса, курфюршества Трир и Пфальц. Наиболее значимыми событиями, получившими особенно широкое освещение в немецкой публицистике, стали первое и второе опустошение французскими войсками Пфальца (1688 и 1693 гг.). Между войнами не меньшую реакцию вызвала оккупация Францией в 1681 г. Страсбурга и нескольких небольших пограничных восточных княжеств в рамках политики «воссоединений». Кроме того, началась Великая Турецкая война 1683–1699 гг., в ходе которой в 1683 г. была осаждена Вена. Эти события формировали чувство опасности, угрожавшей Империи.

Имперский патриотизм в сочинениях публицистов проявлялся в трех проблематиках. Во-первых, он играл важную роль в формировании образа врага-француза. Правление Леопольда I началось в условиях сильного французского влияния в Империи, так как Франция являлась гарантом Вестфальского мира, и антигабсбургски настроенные имперские чины именно в ней, а не в фигуре императора, видели гаранта безопасности и свободы сословий, поэтому предпочитали ориентироваться на Людовика XIV. Однако к 1670-м гг. из-за все более агрессивной политики Людовика XIV Франция в глазах имперских чинов из гаранта безопасности начала превращаться в реальную угрозу свободе сословий [Кампманн, 2017, с. 75], что нашло отражение в немецкой публицистике. С началом боевых действий в 1672 г. на страницах политических памфлетов была провозглашена настоящая война против Франции и ее короля [Burkhardt, 1997, S. 67]. С 1672 г. и вплоть до окончания войны за Испанское наследство (1714 г.) появляется огромное количество сочинений, нацеленных на дискредитацию Франции. Среди публикаций того времени этой теме было посвящено существенно больше произведений, чем какой-либо другой⁴. Немецкие публицисты писали об опустошении и разорении Пфальца и западных германских земель, что «французские кровопийцы» (Anonym, 1676, S. 36), как «свирепые кровожадные псы» (Anonym, 1676, S. 49), набросились на немецкие земли. При этом авторы сконцентрировали свое внимание не только на бесчинствах и жестокости французских солдат, но и на той угрозе, которую Франция, по их мнению, несла Империи. В основе антифранцузской пропаганды лежал постулат о том, что Франция желает заполучить имперский титул и императорский престол (Hosmann, 1675, Bl. B1r). Немецкие публицисты обличали стремление Франции дестабилизировать внутреннее положение Империи с целью низвергнуть власть императора: «Для того, чтобы в конце концов прийти к своей цели, Франция старается разделить курфюрстов и имперские сословия, <...>, сделать так, чтобы они отвернулись от императора» (Anonym, 1676, S. 14). Именно из-за Франции, по мнению немецких авторов, в Империи сохранялось «взаимное недоверие между католиками и протестантами» (Hosmann, 1675, Bl. G1v). Тем самым публицистика выступала против профранцузских настроений в Империи, призывая имперские чины ориентироваться на императора и сплотиться вокруг Леопольда I. Именно император представлялся защитником прав и свобод имперских сословий и блюстителем религиозного мира внутри Империи, а не Франция, гарант Вестфальского мира. Напротив, Франция, как писали немецкие литераторы, стремилась «накинуть на немецкую шею французское ярмо и заменить немецкую свободу тиранией Людовика XIV» (Hosmann, 1675, Bl. G3r), под которой в первую очередь подразумевались «порабощение» французской аристократии и преследования и угнетение протестантов [Wrede, 2005, S. 105; Schmidt, 1999, S. 218–221].

Вторым фактором, который способствовал развитию имперского патриотизма, были турецкие войны. Уже в начале правления Леопольда I имперские войска достигли успехов в непродолжительной войне с Турцией 1663–1664 гг., которые, однако, не были развиты в силу сосредоточения внимания Леопольда I в 1660-х гг. на западе Империи [Гусарова, 2001, с. 165–167; Mandlmayr, Vocelka, 1985, S. 100]. В гораздо более благоприятных условиях

⁴ О реакции немецких публицистов на войны Людовика XIV см.: [Bosbach, 1992; Schillinger, 1999; 2002; Schmidt, 1999, S. 216–233; Wrede, 2004; 2005].

началась Великая Турецкая война 1683–1699 гг. В 1683 г. в битве при Каленберге имперская армия разбила османское войско, осадившее Вену, после чего перешла в наступление, что стало переломным моментом в истории турецких завоевательных войн [Parvev, 2010, S. 138]. С началом войны немецкие публицисты представляли Турцию в первую очередь общеевропейским врагом, «наследственным врагом» всех христиан [Bosbach, 1992, S. 122; Шельшей, 2021, с. 135–137]. Хрестоматийным примером является известное сочинение Абрахама а Санта Клара «Поднимайтесь, поднимайтесь, христиане!», написанное во время осады Вены. В этом памфлете автор призывает к объединению и совместной борьбе христиан против Османской империи. После 1683 г. на первое место выходят заслуги Империи в противостоянии Турции, и идеи имперского патриотизма начинают звучать с особой силой. Снятие осады Вены и дальнейшие успехи имперской армии под предводительством Евгения Савойского вызвали волну проимперских сочинений в немецкой публицистике, обозначивших период так называемой «имперской эйфории» 1683–1740 гг. [Stolleis, 1991, S. 17]. Уходит недоверие к династии Габсбургов, напротив, публицистические сочинения подчеркивают идею единства императора и Империи [Aretin, 1991, S. 25], провозглашают Леопольда I императором немцев [Wrede, 2004, S. 164].

Третьим сюжетом, в котором проявлял себя имперский патриотизм, были венгерские восстания. Особое значение в политической жизни Империи Венгрия получила после 1526 г., когда вследствие поражения венгров в битве при Мохаче часть венгерских земель, сохранивших название королевства Венгрии, отошли под контроль Габсбургов. Венгры сохранили самостоятельные государственные учреждения, однако постепенно австрийские Габсбурги начали проводить политику централизации, направленную на ограничение привилегий и вольностей венгерских сословий. Вместе с жесткой религиозной политикой в землях Габсбургов, нацеленной на возвращение венгров в лоно католицизма, это вызывало недовольство среди местной знати [Гусарова, 2004, с. 129]. В период правления Леопольда I вспыхнули два антигабсбургских восстания – под предводительством венгерского магната Имре Тёкёли в 1678–1688 гг. и князя Ференца II Ракоци в 1703–1711 гг. Оба получили широкое освещение в немецкой публицистике. Авторы воскресили и усилили образ неверных, вероломных, мятежных венгров, складывавшийся, начиная с союза Яноша Запольяи с Османской империей, и получивший продолжение в листовках времен Долгой турецкой войны 1593–1606 гг., осуждавших восстание Иштвана Бочкаи [Ötvös, 1999, S. 266–267]. Немецкие публицисты конца XVII – начала XVIII в. писали о «венгерских недовольных» (*Das getröstete Europa...*, 1684, Bl. C4r), «венгерских мятежниках» (*Franckreich schäme dich...*, 1685, Bl. E1v), «безбожных бунтовщиках» (*Teutschlandes Politischer Fliegen-Wedel...*, 1689, Bd. 1, S. 9). Восстания стали символом варварства (*Franckreich schäme dich...*, 1685, Bl. E3r), невежественности и отсталости венгров.

Наиболее важным мотивом в антивенгерской пропаганде были обвинения в союзе с наследственными общеимперскими врагами – Турцией и Францией. В борьбе против Габсбургов часть венгерского дворянства ориентировалась на турок [Хаванова, 1999, с. 208], что сурово осуждалось в немецкой публицистике. Представления о врагах-турках были настолько укоренены и не поддавались сомнению, что любой, имевший связи с Османской империей, с этим врагом «имени и крови христиан» (*Teutschlandes Politischer Fliegen-Wedel...*, 1689, Bd. 1, S. 10), автоматически дискредитировался в глазах общественности. Поэтому «особая дружба между Турцией и Тёкёли» (*Franckreich schäme dich...*, 1685, Bl. E3r) рассматривалась как предательство венграми всего христианского мира, а самих венгров ставило в один ряд с турками (*Franckreich schäme dich...*, 1685, Bl. E1r) [Ötvös, 1999, S. 275]. Более того, именно венгров обвинили в начавшейся в 1683 г. войне и первых неудачах, из-за которых возникла опасность захвата Вены, так как они встали на сторону турок и пропустили их в Империю (*Franckreich schäme dich...*, 1685, Bl. E3r).

В немецкой публицистике конца XVII – начала XVIII в. союзные связи с Францией, по аналогии с Турцией, также подвергались осуждению. Немецкие публицисты активно писали

о вмешательстве Людовика XIV, который считал помощь И. Тёкёли одной из первоочередных задач французской внешней политики [Медведева, 2001, с. 339]. Главной темой были французские деньги, «неисчислимы суммы» (Europäischer Staats-Rath..., 1690, Bl. O2v), благодаря которым Франция умело использовала венгерских мятежников в борьбе против императора (Teutschlandes Politischer Fliegen-Wedel..., 1689, Bd. 2, S. 11).

Резкая реакция немецких публицистов на события в Венгрии показывает, как императорская власть смогла использовать рост проимперских настроений в своих целях и воздействовать на общественное мнение. Венгерские территории, управляемые Габсбургами, не причислялись к имперским землям, поэтому восстания расценивались как внутреннее дело Австрийского дома. Более того, протестантские политические круги Империи сочувствовали венграм, страдающим от политики контрреформации. Леопольду I было необходимо сломить эти настроения, поэтому наиболее сильным аргументом против венгерских восстаний стали указания на опасность, угрожавшую всей Империи. Немецкая публицистика особо подчеркивала, что венгры, восстав против «своего законного правителя» (Franckreich schäme dich..., 1685, Bl. E3v), воевали не столько против Габсбургов, сколько против императора Священной Римской империи, который в это время вел священную войну против наследственного врага всего христианства. «Гибельный огонь внутреннего восстания» (Teutschlandes Politischer Fliegen-Wedel..., 1689, Bd. 1, S. 39), несомненно, мешал императору консолидировать все силы на борьбу с турецкой угрозой. С такой точки зрения венгерские восстания становились общеимперской проблемой, а венгры – врагами Империи.

Под влиянием опасности, исходившей от Франции, гаранта Вестфальского мира, и традиционного врага, «восточных бестий» (Abraham a Sancta Clara, 1687, S. 47), уничтожающих всё на своем пути, движение имперского патриотизма получило особенно широкое распространение в немецкой публицистике 1670–1680-х гг. При этом проимперские настроения выражались не только в традиционных прославлениях действий императора. Актуальные политические сюжеты, такие как негативный образ Франции, борьба с Османской империей, а также тесно связанная с ними тема венгерских восстаний, в публицистических произведениях представлялись с позиций угрозы для Империи. Имперский патриотизм проявлялся в том, что немецкие публицисты призывали общественность сплотиться вокруг императора, Леопольда I, для защиты существующего политического строя.

Список литературы

- Гусарова Т. П.** Австрийские Габсбурги и проблема борьбы с османами в Европе в 50–70-е гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2. С. 148–187.
- Гусарова Т. П.** Венгрия под властью Габсбургов в XV–XVII вв. Исторические оценки в прошлом и настоящем // Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время (Памяти Владимира Павловича Шушарина). М., 2004. С. 127–138.
- Кампманн К.** Леопольд I: имперская политика, династические цели и испанское наследство // Исторические исследования. 2017. № 7. С. 69–89.
- Лазарева А. В.** «Чужая одежда – плохая надежда»: становление немецкой национальной идеи и борьба против моды в Германии в годы Тридцатилетней войны (1618–1648) // Изв. Смолен. гос. ун-та. 2015. № 1 (29). С. 295–309.
- Лазарева А. В.** Борьба немецких интеллектуалов против французского влияния (1635–1648) // Французский ежегодник. 2018. С. 60–77.
- Медведева К. Т.** Трансильванское княжество между Османской империей и Габсбургами в конце XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2. С. 328–342.

- Медяков А. С.** Национальная идея и национальное сознание немцев (конец XVIII в. – 1871 г.) // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории. М., 2005. С. 394–458.
- Хабермас Ю.** Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир, 2016. 342 с.
- Хаванова О. В.** Венгры и немцы в конце XVIII в.: к вопросу складывания этнокультурных стереотипов // Славяне и их соседи. Средние века – раннее Новое время. М., 1999. Вып. 9: Славяне и немцы. 1000-летнее соседство: мирные связи и конфликты. С. 207–219.
- Шельшей С. С.** Образ «наследственного врага» в немецкой публицистике раннего Нового времени // Средние века. 2021. Т. 82, № 3. С. 131–153.
- Шиндлинг А.** Леопольд I (1658–1705) // Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры: Священная Римская империя, Австрия, Германия. Ростов н/Д, 1997. С. 204–224.
- Aretin K. O. von.** Reichspatriotismus. In: Patriotismus. Hamburg, Meiner, 1991, S. 25–36.
- Blitz H.-M.** Aus Liebe zum Vaterland: die deutsche Nation im 18. Jahrhundert. Hamburg, Hamburger Ed., 2000, 436 S.
- Bosbach F.** Der französische Erbfeind. Zu einem deutschen Feindbild im Zeitalter Ludwigs XIV. In: Feindbilder. Die Darstellung des Gegners in der politischen Publizistik des Mittelalters und der Neuzeit. Köln, 1992, S. 117–139.
- Burkhardt J.** Reichskriege in der frühneuzeitlichen Bildpublizistik. In: Bilder des Reiches: Tagung in Kooperation mit der Schwäbischen Forschungsgemeinschaft und der Professur für Geschichte der Frühen Neuzeit der Katholischen Universität Eichstätt im Schwäbischen Bildungszentrum Kloster Irsee vom 20. März bis 23. März 1994. Sigmaringen, 1997, S. 51–95.
- Coupe W. A.** Broadsheets of the “Alamodezeit”. *German Life and Letters* XIX, 1961, vol. 14, no. 4, pp. 282–292.
- Faulstich W.** Medien zwischen Herrschaft und Revolte: die Medienkultur der frühen Neuzeit (1400–1700). Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1998, 341 S.
- Gestrich A.** Absolutismus und Öffentlichkeit: politische Kommunikation in Deutschland zu Beginn des 18. Jahrhunderts. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1994, 381 S.
- Goloubeva M.** The Glorification of Emperor Leopold I in Image, Spectacle and Text. Mainz, von Zabern, 2000, 254 p.
- Mandlmayr M. C., Vöcelka K.** „Christliche Triumphfreude über herrliche Victorien und stattliche Kriegsprogressen“. Die Eroberung Ofens 1686. Fallstudie über Zahl, Verbreitung und Inhalte propagandistischer Medien in der frühen Neuzeit. *Südost-Forschungen*, 1985, Bd. 44, S. 99–138.
- North M.** Das Reich als kommunikative Einheit. *Historische Zeitschrift*, 2005, Bd. 41, S. 237–247.
- Ötvös P.** Aktualisierung alter Klischees: Die Ungarn auf der „Völkertafel“. In: Europäischer Völkerspiegel. Imagologisch-ethnographische Studien zu den Völkertafeln des frühen XVIII. Jahrhunderts. Heidelberg, 1999, S. 265–282.
- Parvev I.** „Krieg der Welten“ oder „Balance of Power“. Europa und die Osmanen, 1300–1856. In: Auf dem Weg nach Europa: Deutungen, Visionen, Wirklichkeiten. Göttingen, 2010, S. 131–145.
- Polleross F. B.** Sonnenkönig und österreichische Sonne. Kunst und Wissenschaft als Fortsetzung des Krieges mit anderen Mitteln. *Wiener Jahrbuch für Kunstgeschichte*, 1987, Bd. 40, S. 239–256 u. 391–394.
- Pons R.** „Wo der gekrönte Löw hat seinen Kayser-Sitz“: Herrschaftsrepräsentation am Wiener Kaiserhof zur Zeit Leopolds I. Egelsbach, Hänsel-Hohenhausen, 2001, 519 S.
- Schillinger J.** Les pamphlétaires allemands et la France de Louis XIV. Bern, Lang, 1999, 720 p.
- Schillinger J.** Franzosen und Türken in deutschen Flugschriften des XVII. Jahrhunderts. In: Wahrnehmungsgeschichte und Wissensdiskurs im illustrierten Flugblatt der Frühen Neuzeit. Basel, 2002, S. 169–187.

- Schmidt G.** Geschichte des alten Reiches: Staat und Nation in der Frühen Neuzeit, 1495–1806. München, Beck, 1999, 459 S.
- Schmidt G.** Das Reich und Europa in deutschsprachigen Flugschriften. Überlegungen zur räsionierenden Öffentlichkeit und politischen Kultur im XVII. Jahrhundert. In: Europa im XVII. Jahrhundert: ein politischer Mythos und seine Bilder. Stuttgart, 2004, S. 119–148.
- Schramm F.** Schlagworte der Alamodezeit. Straßburg, Trübner, 1914, 120 S.
- Schumann J.** Die andere Sonne: Kaiserbild und Medienstrategien im Zeitalter Leopolds I. Berlin, Akademie Verlag, 2003, 585 S.
- Stollberg-Rilinger B.** Des Kaisers alte Kleider: Verfassungsgeschichte und Symbolsprache des Alten Reiches. München, Beck, 2008, 438 S.
- Stolleis M.** Reichspublizistik und Reichspatriotismus vom 16. zum 18. Jahrhundert. In: Patriotismus. Hamburg, 1991, S. 7–23.
- Wandruszka A.** „Was ist des Deutschen Vaterland?“ Reichspatriotismus und Nationalgefühl vom Dreißigjährigen Krieg bis zum Wiener Kongreß. In: Heiliges Römisches Reich und moderne Staatlichkeit. Frankfurt am Main, 1993, S. 161–168.
- Wrede M.** Das Reich und seine Feinde. Politische Feindbilder in der reichspatriotischen Publizistik zwischen Westfälischem Frieden und Siebenjährigem Krieg. Mainz, von Zabern, 2004, 669 S.
- Wrede M.** Der Kaiser, das Reich, die deutsche Nation und ihre „Feinde“. Nationgenese, Reichsidee und der „Durchbruch des Politischen“ im Jahrhundert nach dem Westfälischen Frieden. *Historische Zeitschrift*, 2005, Bd. 280, Ht. 1, S. 83–116.
- Wrede M.** Türkenkrieger, Türkensieger. Leopold I. und Ludwig XIV. als Retter und Ritter der Christenheit. In: Bourbon, Habsburg, Oranien. Konkurrierende Modelle im dynastischen Europa um 1700. Köln, 2008, S. 149–165.

Список источников

- Abraham a Sancta Clara.** Auff, auff ihr Christen! Das ist: ein bewögliche Anfrischung der christlichen Waffen wider den türkischen Blut-Egel. Salzburg, 1687, 102 S.
- Anonym [M. S. Z.].** Frantzösischer Soldaten-Teufel, Beschrieben und Auff den Schauplatz Teutschlandes auffgeführt und vorgestellt Von M. S. Z. Einen alten Teutschen aufrichtigen Patrioten. 1676, 79 [i.e. 70] S.
- Das getröstete Europa oder Die Bündnussen und Kriegs-Geschäfte, geschehen bey Außgang deß 1683. und Anfang deß 1684. Jahrs. 1684, [20] Bl.
- Europäischer Staats-Rath oder Gründlicher Bericht Wie sich Die Hohen Potentaten in Europa Gegen Die Monarchische Einbildungen des Königes in Franckreich zu verhalten haben. 1690, [68] Bl.
- Franckreich schäme dich! Das ist: Heimlich und unverhoffte Entdeckung derer Französischen, fast an allen Europæischen Höfen geschmiedeten und sehr übel gelungenen Rathschlägen lesenswürdig der Curieusen Welt vor Augen gestellt. 1685, [28] Bl.
- Hosmann G.** Der abgezogene frantzösische Staats-Rock und teutsche Schutzmantel das ist der bißhero der gantzen Welt verkauffte, nunmehr aber redlich entlarvte frantzösische Blaue Dunst und deß fast schwachscheinenden Teutschlands Erhaltung-Kunst. 1675, [28] Bl.
- Teutschlands Politischer Fliegen-Wedel wider die Französische Mucken. 1689, Bd. 1, 76 S.; Bd. 2, 112 S.

References

- Aretin K. O. von.** Reichspatriotismus. In: Patriotismus. Hamburg, Meiner, 1991, S. 25–36.
- Blitz H.-M.** Aus Liebe zum Vaterland: die deutsche Nation im 18. Jahrhundert. Hamburg, Hamburger Ed., 2000, 436 S.

- Bosbach F.** Der französische Erbfeind. Zu einem deutschen Feindbild im Zeitalter Ludwigs XIV. In: Feindbilder. Die Darstellung des Gegners in der politischen Publizistik des Mittelalters und der Neuzeit. Köln, 1992, S. 117–139.
- Burkhardt J.** Reichskriege in der frühneuzeitlichen Bildpublizistik. In: Bilder des Reiches: Tagung in Kooperation mit der Schwäbischen Forschungsgemeinschaft und der Professur für Geschichte der Frühen Neuzeit der Katholischen Universität Eichstätt im Schwäbischen Bildungszentrum Kloster Irsee vom 20. März bis 23. März 1994. Sigmaringen, 1997, S. 51–95.
- Coupe W. A.** Broad sheets of the “Alamodezeit”. *German Life and Letters* XIX, 1961, vol. 14, no. 4, pp. 282–292.
- Faulstich W.** Medien zwischen Herrschaft und Revolte: die Medienkultur der frühen Neuzeit (1400–1700). Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1998, 341 S.
- Gestrich A.** Absolutismus und Öffentlichkeit: politische Kommunikation in Deutschland zu Beginn des 18. Jahrhunderts. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1994, 381 S.
- Goloubeva M.** The Glorification of Emperor Leopold I in Image, Spectacle and Text. Mainz, von Zabern, 2000, 254 p.
- Gusarova T. P.** Avstriiskie Gabsburgi i problema bor’by s osmanami v Evrope v 50–70-e gg. XVII v. [Austrian Habsburgs and the Problem of the Struggle against the Ottomans in Europe in the 1650s – 1670s]. In: Osmanskaya imperiya i strany Tsentral’noi, Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Evropy v XVII v. [The Ottoman Empire and the Countries of Central, Eastern and Southeastern Europe in the 17th Century]. Moscow, 2001, pt. 2, pp. 148–187. (in Russ.)
- Gusarova T. P.** Vengriya pod vlast’yu Gabsburgov v XV–XVII vv. Istoricheskie otsenki v proshlom i nastoyashchem [Hungary under the Rule of the Habsburgs in the 15th – 17th Centuries. Historical Assessments in the Past and Present]. In: Vengry i ikh sosedi po Tsentral’noi Evrope v Srednie veka i Novoe vremya (Pamyati Vladimira Pavlovicha Shusharina) [Hungarians and their Neighbors in Central Europe in the Middle Ages and Modern Times (In Memoriam of Vladimir Pavlovich Shusharin)]. Moscow, 2004, pp. 127–138. (in Russ.)
- Habermas J.** Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery: issledovaniya otnositel’no kategorii burzhuaznogo obshchestva [Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft]. Moscow, Ves’mir, 2016, 342 p. (in Russ.)
- Kampmann Ch.** Leopold I: imperskaya politika, dinasticheskie tseli i ispanskoe nasledstvo [Leopold I: Imperial Policy, Dynastic Claims and Spanish Succession]. *Istoricheskie issledovaniya* [History Studies], 2017, no. 7, pp. 69–89. (in Russ.)
- Khavanova O. V.** Vengry i nemtsy v kontse XVIII v.: k voprosu skladyvaniya etnokul’turnykh stereotipov [Hungarians and Germans at the End of the 18th Century: On the Question of the Formation of Ethnocultural Stereotypes]. In: Slavyane i ikh sosedi. Srednie veka – rannee Novoe vremya [Slavs and their Neighbors. The Middle Ages – Early Modern Times]. Moscow, 1999, iss. 9: Slavyane i nemtsy. 1000-letnee sosedstvo: mirnye svyazi i konflikty [Slavs and Germans. A 1000-Year-Old Neighborhood: Peaceful Ties and Conflicts], pp. 207–219. (in Russ.)
- Lazareva A. V.** Bor’ba nemetskikh intelektualov protiv frantsuzskogo vliyaniya (1635–1648) [The Struggle of German Intellectuals against French Influence (1635–1648)]. *Frantsuzskii ezhegodnik* [Annual of French Studies], 2018, pp. 60–77. (in Russ.)
- Lazareva A. V.** “Chuzhaya odezhda – plokhaya nadezhda”: stanovlenie nemetskoi natsional’noi idei i bor’ba protiv mody v Germanii v gody Tridsatiletnei voyny (1618–1648) [“Borrowed Garments Never Fit Well”. The Formation of the German National Idea and the Fight against Fashion in Germany during the Thirty Years War (1618–1648)]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Smolensk State University], 2015, no. 1 (29), pp. 295–309. (in Russ.)
- Mandlmayr M. C., Vocolka K.** „Christliche Triumphfreude über herrliche Victorien und stattliche Kriegsprogressen“. Die Eroberung Ofens 1686. Fallstudie über Zahl, Verbreitung und Inhalte

- propagandistischer Medien in der frühen Neuzeit. *Südost-Forschungen*, 1985, Bd. 44, S. 99–138.
- Medvedeva K. T.** Transil'vanskoe knyazhestvo mezhdru Osmanskoi imperiei i Gabsburgami v kontse XVII v. [Transylvanian Principality between the Ottoman Empire and the Habsburgs at the End of the 17th Century]. In: Osmanskaya imperiya i strany Tsentral'noi, Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Evropy v XVII v. [The Ottoman Empire and the Countries of Central, Eastern and Southeastern Europe in the 17th Century]. Moscow, 2001, pt. 2, pp. 328–342. (in Russ.)
- Medyakov A. S.** Natsional'naya ideya i natsional'noe soznanie nemtsev (konets XVIII v. – 1871 g.) [The National Idea and National Consciousness of the Germans (Late 18th Century – 1871)]. In: Natsional'naya ideya v Zapadnoi Evrope v Novoe vremya. Ocherki istorii [National Idea in Western Europe in Modern Times. History Essays]. Moscow, 2005, pp. 394–458. (in Russ.)
- North M.** Das Reich als kommunikative Einheit. *Historische Zeitschrift*, 2005, Bd. 41, S. 237–247.
- Ötvös P.** Aktualisierung alter Klischees: Die Ungarn auf der „Völkertafel“. In: Europäischer Völkerspiegel. Imagologisch-ethnographische Studien zu den Völkertafeln des frühen XVIII. Jahrhunderts. Heidelberg, 1999, S. 265–282.
- Parvev I.** „Krieg der Welten“ oder „Balance of Power“. Europa und die Osmanen, 1300–1856. In: Auf dem Weg nach Europa: Deutungen, Visionen, Wirklichkeiten. Göttingen, 2010, S. 131–145.
- Polleross F. B.** Sonnenkönig und österreichische Sonne. Kunst und Wissenschaft als Fortsetzung des Krieges mit anderen Mitteln. *Wiener Jahrbuch für Kunstgeschichte*, 1987, Bd. 40, S. 239–256 u. 391–394.
- Pons R.** „Wo der gekrönte Löw hat seinen Kayser-Sitz“: Herrschaftsrepräsentation am Wiener Kaiserhof zur Zeit Leopolds I. Egelsbach, Hänsel-Hohenhausen, 2001, 519 S.
- Schillinger J.** Franzosen und Türken in deutschen Flugschriften des XVII. Jahrhunderts. In: Wahrnehmungsgeschichte und Wissensdiskurs im illustrierten Flugblatt der Frühen Neuzeit. Basel, 2002, S. 169–187.
- Schillinger J.** Les pamphlétaires allemands et la France de Louis XIV. Bern, Lang, 1999, 720 p.
- Schindling A.** Leopold I (1658–1705) [Leopold I (1658–1705)]. In: Schindling A., Ziegler W. Kaizery: Svyashchennaya Rimskaya imperiya, Avstriya, Germaniya [Die Kaiser der Neuzeit 1519–1918. Heiliges Römisches Reich, Österreich, Deutschland]. Rostov on Don, 1997, pp. 204–224. (in Russ.)
- Schmidt G.** Geschichte des alten Reiches: Staat und Nation in der Frühen Neuzeit, 1495–1806. München, Beck, 1999, 459 S.
- Schmidt G.** Das Reich und Europa in deutschsprachigen Flugschriften. Überlegungen zur räsionierenden Öffentlichkeit und politischen Kultur im XVII. Jahrhundert. In: Europa im XVII. Jahrhundert: ein politischer Mythos und seine Bilder. Stuttgart, 2004, S. 119–148.
- Schramm F.** Schlagworte der Alamodezeit. Straßburg, Trübner, 1914, 120 S.
- Schumann J.** Die andere Sonne: Kaiserbild und Medienstrategien im Zeitalter Leopolds I. Berlin, Akademie Verlag, 2003, 585 S.
- Shelyshev S. S.** Obraz „nasledstvennogo vruga“ v nemetskoj publitsistike rannego Novogo vremeni [The Image of the “Hereditary Enemy” in the German Journalism of the Early Modern Period]. *Srednie veka [The Middle Ages]*, 2021, vol. 82, no. 3, pp. 131–153. (in Russ.)
- Stollberg-Rilinger B.** Des Kaisers alte Kleider: Verfassungsgeschichte und Symbolsprache des Alten Reiches. München, Beck, 2008, 438 S.
- Stolleis M.** Reichspublizistik und Reichspatriotismus vom 16. zum 18. Jahrhundert. In: Patriotismus. Hamburg, 1991, S. 7–23.
- Wandruszka A.** „Was ist des Deutschen Vaterland?“ Reichspatriotismus und Nationalgefühl vom Dreißigjährigen Krieg bis zum Wiener Kongreß. In: Heiliges Römisches Reich und moderne Staatlichkeit. Frankfurt am Main, 1993, S. 161–168.

- Wrede M.** Das Reich und seine Feinde. Politische Feindbilder in der reichspatriotischen Publizistik zwischen Westfälischem Frieden und Siebenjährigem Krieg. Mainz, von Zabern, 2004, 669 S.
- Wrede M.** Der Kaiser, das Reich, die deutsche Nation und ihre „Feinde“. Nationgenese, Reichsidee und der „Durchbruch des Politischen“ im Jahrhundert nach dem Westfälischen Frieden. *Historische Zeitschrift*, 2005, Bd. 280, Ht. 1, S. 83–116.
- Wrede M.** Türkenkrieger, Türkensieger. Leopold I. und Ludwig XIV. als Retter und Ritter der Christenheit. In: Bourbon, Habsburg, Oranien. Konkurrierende Modelle im dynastischen Europa um 1700. Köln, 2008, S. 149–165.

List of Sources

- Abraham a Sancta Clara.** Auff, auff ihr Christen! Das ist: ein bewögliche Anfrischung der christlichen Waffen wider den türckischen Blut-Egel. Salzburg, 1687, 102 S.
- Anonym [M. S. Z.]** Frantzösischer Soldaten-Teufel, Beschrieben und Auff den Schauplatz Teutschlands auffgeführt und vorgestellt Von M. S. Z. Einen alten Teutschen aufrichtigen Patrioten. 1676, 79 [i.e. 70] S.
- Das getröstete Europa oder Die Bündnissen und Kriegs-Geschäfte, geschehen bey Außgang deß 1683. und Anfang deß 1684. Jahrs. 1684, [20] Bl.
- Europäischer Staats-Rath oder Gründlicher Bericht Wie sich Die Hohen Potentaten in Europa Gegen Die Monarchische Einbildungen des Königes in Franckreich zu verhalten haben. 1690, [68] Bl.
- Franckreich schäme dich! Das ist: Heimlich und unverhoffte Entdeckung derer Französischen, fast an allen Europæischen Höfen geschmiedeten und sehr übel gelungenen Rathschlägen lesenswürdig der Curieusen Welt vor Augen gestellt. 1685, [28] Bl.
- Hosmann G.** Der abgezogene frantzösische Staats-Rock und teutsche Schutzmantel das ist der bißhero der gantzen Welt verkauffte, nunmehr aber redlich entlarvte frantzösische Blaue Dunst und deß fast schwachscheinenden Teutschlands Erhaltungs-Kunst. 1675, [28] Bl.
- Teutschlands Politischer Fliegen-Wedel wider die Französische Mucken. 1689, Bd. 1, 76 S.; Bd. 2, 112 S.

Информация об авторе

Софья Сергеевна Шельшей, аспирант
WoS Researcher ID GXZ-8928-2022

Information about the Author

Sofya S. Shelyshey, Postgraduate Student
WoS Researcher ID GXZ-8928-2022

*Статья поступила в редакцию 14.12.2021;
одобрена после рецензирования 31.01.2022; принята к публикации 08.05.2022
The article was submitted on 14.12.2021;
approved after reviewing on 31.01.2022; accepted for publication on 08.05.2022*

Научная статья

УДК 355.404.52

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-20-32

Британские спецслужбы в системе межведомственных противоречий в начале XX века

Андрей Александрович Иванов

Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины
Санкт-Петербург, Россия

ivanovaa85@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4097-9447>

Аннотация

В современных условиях остро стоит проблема объективности принимаемых политическими деятелями решений ввиду того, что у ответственных лиц часто отсутствует необходимая для этого достоверная информация. С начала XX в. в Великобритании получение и интерпретация этой информации относится к компетенции разведывательных органов, поэтому от эффективности их работы и качества взаимодействия с иными ведомствами часто зависел успех военно-политических операций. Гипотеза исследования состоит в том, что возможности спецслужб влиять на процесс принятия политических решений часто связаны не столько с эффективностью информационно-аналитической работы, сколько со способностью преодолеть сопротивление иных государственных ведомств, стремящихся к монополизации информационных каналов в правительстве.

Ключевые слова

разведка, спецслужбы, конфликт, принятие решений, объективность, оппортунизм

Для цитирования

Иванов А. А. Британские спецслужбы в системе межведомственных противоречий в начале XX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 20–32. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-20-32

British Special Services in Interdepartmental Contradictions in the Beginning of the 20th Century

Andrey A. Ivanov

St. Petersburg State University of Veterinary Medicine
St. Petersburg, Russian Federation

ivanovaa85@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4097-9447>

Abstract

In modern conditions, the problem of the objectivity of decisions taken by politicians is acute, due to the fact that responsible persons often lack reliable information. Since the beginning of the 20th century, the receipt and interpretation of this information has been within the competence of intelligence agencies, therefore, the success of military-political operations often depends on the effectiveness of their work and the quality of their interaction with other departments. The hypothesis of the study is that, under certain conditions, the ability of special services to influence the political decision-making process is often associated not only with the effectiveness of analytical work, but more with the ability to overcome the resistance of other government agencies seeking to monopolize information channels in the government. The example of the secret services of the British Empire in this respect is valuable as far as the victory in the

© Иванов А. А., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 20–32

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 20–32

Great War made the apparatus of this state an object of interest of some other countries, which wanted to bring the level of efficiency and working principles of their security structures in line with the British. Accordingly, not only the advantages of the British secret services, but also their shortcomings, manifested, among other things, in the bias of assessments and distortion of the content of intelligence reports, became widespread in the world.

Keywords

intelligence, secret services, conflict, decision-making, objectiveness, opportunism

For citation

Ivanov A. A. British Special Services in Interdepartmental Contradictions in the Beginning of the 20th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 20–32. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-20-32

Начальной точкой формирования независимых в структурном отношении и профессиональных спецслужб в Британии послужила англо-бурская война, а точнее – ее весьма противоречивые для вооруженных сил Империи итоги. В августе 1902 г. по распоряжению военного министра Дж. Бродрика была создана комиссия для изучения данного конфликта, и почти все опрошенные ей офицеры, принимавшие участие в боевых действиях, указывали на низкое качество работы разведки. Вероятно, общее мнение по данному вопросу в 1907 г. высказал капитан Г. Ричмонд, по словам которого, «департамент разведки не имеет четких функций», а его сотрудники «проводят время, делая вырезки из иностранных газет» [Seligman, 2006, p. 14].

Основываясь на подобных фактах, подполковник Дж. Эдмондс в одной из лекций перед офицерами британской армии в январе 1908 г. прямо заявил, что «в европейской войне, если мы когда-нибудь в нее вступим, потребуются гораздо большая бдительность, лучшее наблюдение за противником и большая секретность, чем против врагов, с которыми нам раньше приходилось сталкиваться»¹. На этом фоне утверждение начальника «европейской секции» Военного министерства Э. Гличена, датированное февралем 1908 г., что его ведомство может лишь надеяться на получение каких-либо разведданных из Германии в течение «ближайших трех или четырех месяцев» [Ibid., p. 12], явно показывало неготовность разведывательного аппарата Британской империи к предстоящей войне спецслужб.

Характеризуя этот период развития британских органов государственной безопасности, историк Х. Тревор-Ропер констатировал, что работа спецслужб на тот момент чаще сводилась «к пассивному получению информации, нежели ее активному сбору» [Trevor-Roper, 1968, p. 69]. Необходимость исправления сложившегося положения дел была очевидна многим влиятельным офицерам и политикам – так, в 1909 г. полковник Э. Халдейн в лекции для слушателей командных курсов по разведке «Японская и русская разведывательные системы», анализируя опыт войны 1904–1905 гг., указывал, что приоритетным в подготовке будущей войны должен быть как шпионаж, так и защита от него – эффективная цензура, надзор за иностранцами, сокрытие сведений о сосредоточении войск и т. д. [Siegel, 2005, p. 133–135].

В результате на основании рекомендаций Комитета имперской обороны в 1909 г. создается Бюро секретной службы (БСС), которое в 1910 г. было разделено на разведку под управлением капитана М. Смита-Камминга и контрразведку во главе с капитаном В. Келлом. Положение этих новых ведомств в структуре государственного аппарата оказалось двояким.

Дело в том, что альтернативой созданию БСС на тот момент являлся проект генерала Дж. Макдоноу, возглавлявшего разведку Военного министерства (и являвшегося, по мнению У. Черчилля, «лучшим офицером разведки в Европе» [Stafford, 1999, p. 30]), по расширению возможностей подведомственной ему службы в области ограничения свободы прессы, перлюстрации частной корреспонденции, регистрации иностранцев, организации слежки за передвижениями офицеров армии и флота и т. д. Хотя мотивировалось всё это необходимостью

¹ Public Records Office (PRO). WO/106/6149.

борьбы со шпионажем в преддверии войны, такие предложения были равнозначны легализации вмешательства Военного министерства во внутривластные процессы. А судя по высказываниям британских политиков, в число приоритетных задач для них входило как раз ограничение вмешательства военной элиты в процедуру принятия решений на государственном уровне. В частности, Д. Ллойд Джорджу принадлежит утверждение, что «не военные специалисты, а именно правительства должны принять на себя ответственность за политическое и стратегическое ведение войны» (Lloyd George, 1933, p. 938). Впоследствии из-за такого рода высказываний один из авторитетных сотрудников Оперативного отдела Генштаба генерал-майор Ф. Б. Морис подверг критике премьер-министра, неверно оценившего военно-стратегическую ситуацию 1916–1917 гг. якобы из-за «инстинктивного недоверия мнению военных» (Maurice, 1922, p. 12–13).

Вероятно, именно на секретные службы Д. Ллойд Джордж возлагал надежды в вопросах ограничения влияния генералитета на принятие политических решений, отсюда, по признанию современников, британскими спецслужбами обращалось «больше внимания на “дипломатическую” разведку, чем на чисто военные и морские дела» [Вудхолл, 1938, с. 7]. Можно предположить, что ведомство М. Смит-Камминга мыслилось как перспективный источник объективной информации для Кабинета по широкому кругу вопросов, способный составить конкуренцию информационно-аналитическим подразделениям Военного министерства и Адмиралтейства. Фактически реформирование системы государственной безопасности должно было привести не столько к обособлению органов, связанных с разведывательной деятельностью, сколько к превращению их в один из субинститутов политической системы.

С другой стороны, ни финансовые, ни особенно кадровые возможности Бюро секретной службы поначалу совершенно не соответствовали масштабу возложенных на него задач. Дело в том, что разведчики и контрразведчики постоянно получали разноплановые задания от различных правительственных структур, охватывавшие вопросы военно-технического, экономического, политического и иного характера. Для выполнения этих заданий требовалось привлечение агентов достаточно высокой квалификации, поиском которых М. Смит-Камминг и В. Келл были вынуждены заниматься самостоятельно. В результате первая новообразованная заграничная резидентура БСС (в Брюсселе) была создана лишь к 1913 г. [Davies, 2004, p. 56], а в составе контрразведывательной секции к 1914 г. насчитывалось всего 14 сотрудников (их которых лишь четверо являлись оперативными агентами с офицерскими званиями).

Хотя с формальной точки зрения генерал Дж. Макдоноу оказывал консультативную помощь руководству БСС и время от времени рекомендовал кандидатуры агентов для вербовки, на деле его взаимодействие с Бюро носило довольно ограниченный характер. К примеру, несмотря на неоднократные просьбы, М. Смит-Каммингу не было предоставлено право работать с документами военной разведки, даже непосредственно связанными с выполнением порученных ему заданий, в чем он усматривал недобросовестную конкуренцию со стороны коллег, стремившихся сузить влияние его ведомства [Judd, 1999, p. 115].

Взаимоотношения специальных служб с МИД также складывались не лучшим образом. Дело в том, что для создания сети заграничных резидентур руководство британских спецслужб, на тот момент крайне ограниченных в ресурсах, нередко было вынуждено привлекать многочисленных консульских агентов, которые одновременно оказывались в подчинении и разведки, и МИДа. Это не только создавало сложности руководства такими сотрудниками, но и придавало противоречивость их деятельности.

В этой связи интересно, что некоторые британские посланники прямо писали в Лондон о необходимости закрытия подчиненных им консульств в небольших городах – из-за отсутствия достаточного объема своей непосредственной работы местные сотрудники активизировали шпионскую деятельность, но, не имея специальной подготовки, часто обнаруживали себя, заставляя послов улаживать возникающие на этой почве скандалы. Когда в 1909 г. в МИД было направлено предложение Адмиралтейства о создании на территории Германии

постоянно действующей сети консульского шпионажа, реакция последовала крайне негативная [Hiley, 1983, p. 875–876].

В результате возникла достаточно необычная по современным меркам ситуация, когда Министерство иностранных дел стало отказывать в выдаче официальных разрешений на совершение зарубежных поездок британским агентам, вовлеченным в разведывательную работу, чтобы в случае поимки их действия можно было представить как проявление частной инициативы. Любопытно, что в это же время сотрудники МИД регулярно обращались к рядовым гражданам (журналистам, торговцам, ученым) с предложением собирать сведения политического характера во время их путешествий (без какой-либо оплаты и не рассчитывая на помощь правительства в случае ареста) [Satia, 2008, p. 25, 29–30]. По сути, это представляло собой попытку сохранить статус политической разведки как бессистемной деятельности, базирующейся в основном на энтузиазме и патриотизме.

Отсюда ключевая задача спецслужб в предвоенный период лежала даже не в организационно-методической, а больше в социально-психологической плоскости. Как выразился по этому поводу лорд М. Хэнки, необходимо было изменить отношение государственных деятелей к госбезопасности и превратить шпионаж из деятельности романтизированной, в деятельность научно-обоснованную [Hankey, 1961, p. 115], чему и сопротивлялись некоторые английские чиновники. Иными словами, на этапе становления секретные службы Британской империи были вынуждены в процессе институционализации преодолевать сопротивление весьма инертного государственного механизма.

Начало Первой мировой войны привело к изменению ситуации – в частности, финансирование спецслужб заметно возросло. Если накануне конфликта годовые ассигнования на разведку составляли всего 50 тысяч фунтов, то в 1914 г. из бюджета выделялось уже 110 тысяч, а к концу войны ежегодные затраты превышали миллион фунтов [Madeira, 2014, p. 75]. Соответственно был расширен штат (появились подразделения, ответственные за сбор информации, служба связи, аналитические отделы и т. д.), и увеличился объем работы, а влияние в правительстве усилилось. Для сравнения: если в Германии сотрудники МИД постоянно вмешивались в работу специальных служб, стараясь не допускать расширения их влияния за пределы военной сферы [Richter, 2010, p. 26–27], то в Великобритании, напротив, сотрудники разведки позволяли себе вмешиваться в работу Министерства иностранных дел [Larsen, 2010].

Изменения во взаимоотношениях разведчиков и дипломатов после начала мировой войны отразились и в корректировке методов конспирации секретных агентов. Хотя наиболее распространенным прикрытием для них выступали консульства, с 1914 г. всё большей популярностью пользовалось причисление разведчиков к категории вольноопределяющихся ВМФ, поэтому наличие в документах пометки «RNVR» («Royal Naval Volunteer Reserve») напротив фамилий участников войсковых операций для исследователей часто служит маркером интереса спецслужб к этим событиям.

Между тем, несмотря на изменение уровня финансирования и расширение агентурной сети, качество разведывательного и контрразведывательного обеспечения британских военно-политических операций в период Первой мировой войны, по мнению историков, было довольно низким. Так, проведенное Ф. Найтли исследование деятельности английской разведки в Советской России накануне Гражданской войны позволяет понять, что она была неэффективна практически по всем статьям – некачественными были методы и сбора информации, и ее передачи, и анализа [Knightley, 2004, p. 163]. Вторит ему и К. Вильямс: из проанализированных им документов Национального архива Великобритании и Имперского военного музея выходило, что в годы мировой войны английские «разведсводки часто основывались на иррациональных идеях, вводивших политиков в заблуждение» [Williams, 2002, p. 2].

С выводами указанных авторов сложно не согласиться, если учесть, что в условиях глобального вооруженного конфликта задача спецслужб состоит не только в поиске и обработке

информации или пресечении деятельности вражеских агентов, но и в обеспечении нормального функционирования аппарата военного управления, препятствии торможению динамики его развития. С этой точки зрения, эффективность разведывательных и контрразведывательных служб не может быть оценена через призму числа пойманных шпионов или перехваченных секретных документов. Напротив, показателем качества работы органов безопасности должна служить эффективность функционирования тех институтов, которые спецслужбы призваны охранять.

Например, в начале Первой мировой войны в Британии был арестован 31 немецкий агент (всего за годы войны – около 120 агентов), а наблюдение велось еще за 25 000 подозрительных лиц, что позволило некоторым авторам утверждать, будто «британская разведка держала немецкий шпионаж под контролем» [Panayi, 1991, p. 183]. Однако при ближайшем рассмотрении это утверждение не совсем соответствует действительности. Во-первых, значительная часть арестованных по подозрению в шпионаже была отпущена на свободу из-за отсутствия доказательств – за год таковых могло быть 30–50 % от общего числа задержанных по «шпионским» делам. Во-вторых, если сопоставить количество немецких агентов, чья деятельность была пресечена английскими спецслужбами, с общей численностью разведчиков, действовавших на Британских островах, то их число на протяжении Первой мировой войны было больше как минимум в 2–2,5 раза [Boghardt, 2005, p. 149]. При этом эффективно использовавшиеся на начальном этапе конфликта инструменты цензуры и радиоперехвата к 1916 г. уже не давали результата, и подчиненные В. Келла не могли должным образом препятствовать передаче немецкими агентами собранных сведений в Генштаб.

К тому же рекомендации военному кабинету часто делались В. Келлом не на основании фактов, а больше на базе научно-теоретических представлений или идеологических догматов. Так, глава контрразведки (вероятно, в силу его радикальной германофобии) во многих меморандумах правительству постоянно преувеличивал угрозу немецкого вторжения на Британские острова, хотя располагал сведениями, которые этому полностью противоречили [Northcott, 2015, p. XIV].

Что касается оценки качества работы разведки, то здесь стоит сопоставить уровень финансирования спецслужб и процент потерь британской армии на фронтах мировой войны. Если ассигнования на разведку с 1914 по 1917 г. выросли в 6,2 раза (а значит, увеличились и возможности спецслужб по использованию секретной агентуры, техническая оснащенность, численность штатных агентов), то потери вооруженных сил за тот же период выросли с 4,5 до 10,8 % от общего числа мобилизованных. Иначе говоря, рост ресурсов спецслужб напрямую не коррелировал с повышением эффективности их работы по обеспечению потребностей армии.

Вообще, в ситуации, когда на спецслужбы были возложены обязанности не только по поиску, проверке и обработке информации, но и по формулировке рекомендаций главе государства, учитывающих широчайший спектр возможных факторов и последствий, даже профессионалы в области агентурной работы, столкнувшись с необходимостью модернизации своих подразделений, оказались неспособны выработать единый подход к организации работы ведомств, ответственных за обеспечение госбезопасности. Офицерам нужно было регулярно определять, какой из наборов весьма противоречивых данных следует доводить до правительства и какую стратегию поведения рекомендовать. К выполнению этой задачи разведывательный аппарат Британии оказался совершенно не готов. Большинство офицеров разведки попросту не были обучены основам разведывательного анализа и оказывались подчас не в состоянии отличить достоверные и актуальные сведения, полученные по агентурным каналам, от различных вымыслов и фальсификаций. Достаточно сказать, что из 656 информаторов, завербованных британской разведкой для обеспечения армейской группировки в Палестине, 608, как оказалось, передавали ложные сведения [Sheffy, 1998, p. 70]. Как следствие, вышестоящему начальству часто попадали в руки «сырые» разведданные, качество обработки которых зависело от личных талантов конкретного руководителя.

М. Смит-Камминг, конечно, снабжал подчиненных указаниями по действию в конкретных ситуациях, грозивших масштабными военно-политическими последствиями, но в целом не возражал против их самостоятельности. Хотя многие оперативные агенты разведки не имели должной квалификации для проведения самостоятельных операций, находясь вдалеке от Лондона и не располагая возможностью вступать в регулярные консультации с начальством, в своей деятельности они часто руководствовались личной инициативой. Доходило до того, что разведчики даже сами были вынуждены разрабатывать себе инструкции по ведению агентурной работы [Smith, 2010, p. 171, 383–399], поскольку центральные органы таких документов не предоставляли. Лишь после битвы на Сомме агентов стали обучать в разведшколах по специально разработанным программам.

Зная об этой проблеме, армейские командиры и члены правительства уже с 1916 г. стали попросту игнорировать информацию, поступающую по разведывательным каналам. Более того, если в распоряжении политического лидера оказывались несколько наборов противоречащих друг другу данных, верным признавались те сведения, которые соответствовали личным или идеологическим воззрениям этого чиновника. Именно так получилось с восстанием в Ирландии в 1916 г. – информация о его подготовке была своевременно доведена разведкой до ответственных лиц, однако эти сообщения оказались проигнорированы [Sloan, 2013, p. 491]. Аналогичным образом командующий британскими войсками на Ближнем Востоке генерал Дж. Никсон не принимал во внимание при планировании боевых операций разведданные не только от британских спецслужб, но и от их египетских и российских коллег [Crowley, 2004, p. 345].

В этой связи весьма любопытным представляется то обстоятельство, что к ведомству В. Келла у членов британского правительства практически не было нареканий, в отличие от разведки. Скажем, в 1917 г. генерал Дж. Макдоноу, в очередной раз выступая с критикой подчиненных М. Смита-Камминга, указывал на слабую организацию работы его агентов в сравнении как раз с ведомством В. Келла [Judd, 1999, p. 382, 389].

Несмотря на то что глава контрразведки не всегда был доволен точкой зрения некоторых сотрудников Министерства внутренних дел (например, Дж. Ф. Мойлана) на свои инициативы в области обеспечения безопасности стратегических объектов, эти предложения, как правило, всё же принимались, хоть и с определенными корректировками. Что касается М. Смита-Камминга, то его идеи, даже касавшиеся вопросов непосредственной работы разведки, чаще не находили отклика в правительственных кругах. Для понимания причин такого дисбаланса, стоит учитывать специфику имевшей место системы принятия решений в британском кабинете – при наличии нескольких компромиссных вариантов решения какой-либо проблемы, спор нередко решался в пользу точки зрения, предлагаемой политиком или чиновником, который на тот момент обладал большим авторитетом в рамках дискуссионной группы.

Можно предположить, что, несмотря на сопоставимый (и довольно низкий) уровень эффективности служб М. Смита-Камминга и В. Келла, отношение к ним со стороны правительственных структур определялось, по большей части, бюрократическими соображениями и борьбой за распределение сфер влияния. Если область применения контрразведки ограничивалась вопросами внутривнутриполитического характера, где потенциальным конкурентом могло быть разве что МВД, то разведка была прямо связана с принятием внешнеполитических решений, и рост ее влияния мог быть равносильным нарушению сложившейся схемы взаимоотношений в этой области между Военным министерством, МИД, Адмиралтейством, Министерством колоний и Торговой палатой. В итоге в ходе реорганизации 1915–1916 гг., разведывательная секция Бюро секретной службы (под названием MI1c) передается в ведение Военного министерства, пусть и с сохранением некоторой автономии от военной разведки в оперативных и финансовых вопросах.

Соответственно, М. Смит-Камминг на протяжении Первой мировой войны был вынужден сталкиваться с неоднократными попытками разных ведомств каким-либо образом поставить разведку под контроль или ограничить ее полномочия. На завершающем этапе конфликта

большое внимание этому вопросу стало уделять руководство Министерства иностранных дел, и тому есть достаточно простое объяснение. В частности, еще Р. М. Уорманом было высказано мнение, что в последние два года мировой войны главное внешнеполитическое ведомство Британской империи находилось в состоянии «упадка» [Warman, 1972], поэтому не могло оказывать значимого влияния на процесс принятия правительственных решений – из этой сферы МИД был постепенно вытеснен Военным министерством.

Как следствие, в стремлении показать правильность именно своей стратегии, действия данных ведомств носили подчас не просто разнонаправленный, а диаметрально противоположный характер. К примеру, эта ситуация ярко проявилась в так называемом «русском вопросе»: пока сотрудники МИД пытались налаживать дружественные отношения с Советом Народных Комиссаров, подчиненные подполковника Т. Кейса из военной разведки в начале 1918 г. вступили в контакт с банкиром К. И. Ярошинским для выработки схемы финансирования антибольшевистских сил². Между министерствами наметился острый конфликт, и секция МИС оказалась его заложником.

В частности, созданное в 1918 г. в структуре МИД изначально для ведения пропаганды и обзора прессы Бюро политической разведки (БПР), по мысли его основателя лорда Ч. Хардинга, должно было трансформироваться в межведомственный аналитический центр по обработке всей информации, собранной разведывательными структурами Военного министерства, Адмиралтейства и Министерства внешней торговли [Goldstein, 1988]. Этот шаг поначалу не встретил особого сопротивления М. Смита-Камминга, занятого попытками сохранить независимость МИС от военной разведки. Однако в дальнейшем давление со стороны МИД на его ведомство стало усиливаться. К примеру, в мае 1918 г. британский дипломат и журналист Б. Пэрс выдвинул идею создания в структуре Министерства иностранных дел отдельного департамента, призванного взять на себя управление всей разведывательной работой в России. Данную идею можно было трактовать, как попытку вторжения в компетенцию спецслужб со стороны дипломатов, вероятно, с целью изменить баланс сил между ведомствами, вовлеченными в процесс принятия внешнеполитических решений, в пользу МИД.

Может показаться, что момент для такого предложения был выбран весьма удачно, поскольку Д. Ллойд Джорджа крайне интересовало положение дел в России после революции, а информация, поступающая по разведывательным каналам, на тот момент не позволяла однозначно установить возможные направления развития ситуации. Достаточно сказать, что в документах британской разведки 1917–1919 гг. по вопросу об отношении к партии большевиков практически не прослеживается какая-либо эволюция взглядов³, хотя политический курс РСДРП(б) по целому ряду вопросов претерпел за это время изменения.

Тем не менее, главная разведывательно-аналитическая структура МИД (Бюро политической разведки) не имела Россию в качестве приоритетного направления для изучения – ей сотрудники Бюро посвятили всего пять докладов (7 % от общего числа). Регионом их специализации скорее был Ближний Восток, событиям на котором агенты посвятили четверть своих отчетных документов [Ibid., p. 281–282]. И даже при этом на конференции в Сен-Жан-де-Морьен (апрель 1917 г.), посвященной судьбе территорий Османской империи, Д. Ллойд Джорджа сопровождали не дипломаты, а генерал Дж. Макдоноу из военной разведки. Отсюда следует, что поручать именно дипломатической службе сбор и обработку разведывательной информации об эскалации внутривосточного конфликта в революционной России было бы контрпродуктивно в силу отсутствия у сотрудников БПР интереса к этим процессам и недостаточного доверия к ним со стороны премьер-министра.

В этих обстоятельствах для сохранения хотя бы относительной независимости и самостоятельности сотрудникам МИС требовалось как минимум показать свои преимущества

² PRO. FO 371/2784.

³ См.: PRO. CAB/24/68, CAB/24/78, CAB/24/81, CAB/24/101.

в разработке рекомендаций Кабинету по международным вопросам, но справиться с этой задачей было непросто, есть учесть, что качество работы секретных служб на деле не соответствовало потребностям армии и правительства. В итоге разведчики подчас старались не столько показать собственную значимость, сколько дискредитировать оппонентов из состава МИД. Скажем, существует вполне обоснованная точка зрения, что подготовленная британскими агентами операция по аресту членов Совнаркома в августе – сентябре 1918 г. («заговор Локкарта») была спланирована и организована таким образом, чтобы в случае провала выставить виновными в нем сотрудников МИД, а не офицеров разведки. В частности, офицер С. Рейли, курировавший в Москве целую сеть оперативников, занимавшихся сбором разведанных и антисоветским саботажем, получил от М. Смита-Камминга прямое указание использовать дипломата Р. Б. Локкарта как прикрытие своей деятельности [Long, 1995, p. 1228–1229].

Эти эпизоды показательны в том отношении, что позволяют понять причины борьбы Министерства иностранных дел и Военного министерства за контроль над секцией MI1c, не отличавшейся высокой эффективностью работы. Борьба фактически велась за монополизацию информационно-аналитического обеспечения процесса принятия политических решений через подчинение разведывательных органов.

За годы Первой мировой войны сотрудникам спецслужб стало очевидно, что государственные чиновники имеют обыкновение менять собственную точку зрения при малейшем изменении ситуации, поэтому склонить их к принятию эффективных (с точки зрения разведчиков) решений было проще, если предоставлять сведения таким образом и в такой форме, чтобы создать безальтернативную картину происходящих событий. В угоду этому обстоятельству объективностью оценок нередко приходилось жертвовать. Проверить же качество предоставляемых сведений и рекомендаций члены британского кабинета не могли. По сути, действия британских спецслужб вполне соответствовали понятию «оппортунистическое поведение», как его определил лауреат Нобелевской премии О. И. Уильямсон: «предоставление неполной или искаженной информации, особенно когда речь идет о преднамеренном обмане, введении в заблуждение, искажении и сокрытии истины или других типах запутывания партнера» [Williamson, 1975, p. 26].

Так, в статье «Пропаганда и первая Холодная война в Северной России: 1918–1919» Э. Локли утверждал, что в годы Первой мировой войны солдаты и офицеры британских экспедиционных войск Россию подвергались сильнейшей идеологической обработке со стороны английской разведки [Lockley, 2003] – вероятно, и воздействие на британских политиков в данный период можно описать в тех же терминах.

Так, значительная часть фактов и рекомендаций, которые поступали от секретных агентов, но не соответствовали представлениям руководства разведки, легко оставались без внимания. При этом в рамках установившегося алгоритма анализа разведанных, сотрудники центрального аппарата спецслужб получили возможность по мере надобности актуализировать те или иные сюжеты в сводках и отчетах, ограничивая спектр возможных альтернатив реагирования на них уже на уровне внутриведомственного анализа. Даже при расхождении данных от органов разведки и реального положения дел на фронте или в тылу избранная руководством спецслужб стратегия отражения этих событий не менялась, вероятно, из-за страха утратить доверие членов кабинета (а вместе с ним и финансовое обеспечение).

В качестве примера можно привести отчеты о Месопотамской кампании против вооруженных сил Османской империи. Органы разведки на протяжении 1914–1915 гг. перманентно указывали, что местное арабское население на данном театре военных действий будет доброжелательно относиться к британской армии и окажет полную поддержку в борьбе с турецкими войсками. В реальности английские генералы встречали со стороны арабов иное, куда менее благожелательное отношение [Crowley, 2004, p. 343], что лишь подрывало доверие к спецслужбам со стороны армейских командиров, Генерального штаба и министров. Весьма интересны в этом плане и отчеты главы британской резидентуры в иранском

Мешхеде полковника Е. А. Редла⁴. К примеру, в отчете от 6 июля 1918 г. офицер указывал: из донесений его агента в Туркестане капитана Р. Джарвиса следовало, что английское военное вмешательство в регионе будет «незаменимым». Тем не менее, при изучении сводок, составленных вышеупомянутым капитаном Р. Джарвисом, становится видно, что он придерживался прямо противоположной позиции. По его мнению, англичане к лету 1918 г. уже опоздали как-то «помешать германским планам» на Ближнем Востоке (Moberly, 1987, p. 347).

Такого рода искажения в работе разведки к концу Первой мировой войны превратились в норму, поэтому, не имея возможности доверять разведсводкам, уже к 1917 г. члены кабинета были вынуждены включать в состав дипломатических миссий своих доверенных лиц не из числа государственных служащих во избежание фильтрации информации.

Показателен в этом плане пример Д. Дэйвиса – парламентского секретаря британского премьер-министра, принимавшего участие в межсоюзнической конференции в Петрограде. Исследуя данный эпизод истории российско-британских отношений, А. А. Улунян обратил внимание, что Д. Дэйвис был не самой подходящей фигурой для исполнения функции информирования кабинета о событиях в России, поскольку не имел ни опыта разведывательной или дипломатической работы, ни сколько-нибудь соответствовавшего этой деятельности образования [Улунян, 2016, с. 194–197]. Однако близость к Д. Ллойд Джорджу являлась важнейшим преимуществом Д. Дэйвиса перед другими возможными кандидатами, так как премьеру был необходим независимый от межведомственных противоречий источник сведений, которому он смог бы доверять.

В ситуации, когда ни один государственный орган не обладал монополией на информационно-аналитическое обеспечение решений Кабинета, создание безальтернативной картины событий в годы Первой мировой войны могло обеспечиваться лишь за счет совпадения точек зрения между представителями ключевых структур – разведки, МИД и Военного министерства на каждом конкретном участке фронта. Скажем, интервенция в России стала возможной во многом благодаря совпадению образа ситуации в стране у трех ключевых фигур, имевших влияние в Лондоне: от армии – генерала Ф. Пуля, от военной разведки – подполковника К. Д. М. Торнхилла, от МИДа – консула О. Ф. Линдлея. В иных регионах такого единодушия добиться было непросто, хотя бы из-за куда большего числа действующих лиц. Так, на Ближнем Востоке в 1914–1918 гг. относительно равным влиянием обладали 18 различных военных и гражданских чиновников [Townshend, 2011, p. 262].

Таким образом, можно понять, что сложившаяся к началу Первой мировой войны в Британии система обеспечения политических деятелей актуальными сведениями отличалась рядом изъянов. Заметное расширение штатов спецслужб, увеличение уровня их финансирования и негласный характер деятельности в условия подготовки к вооруженному конфликту и на его начальном этапе привели не только к общей институционализации разведки и контрразведки, но и к повышению уровня их автономности. При этом в условиях активных боевых действий на разных фронтах государственный аппарат Британской империи был крайне заинтересован в эффективной работе спецслужб, способных оперативно добывать и обрабатывать информацию не только военного, но и гражданского характера. Отсюда концентрация разведслужб на освещении и анализе политической жизни неминуемо делала актуальным вопрос о взаимодействии и разграничении сфер с другими ведомствами (МИД, Военным министерством, Адмиралтейством), создавая почву для конфликта интересов.

В ситуации нарастания межведомственных противоречий, обусловленных не столько стремлением приблизить победу в войне, сколько борьбой за влияние в Кабинете между ведомствами и отдельными чиновниками, спецслужбы становятся одним из объектов этой борьбы. Будучи важнейшим инструментом системы информационно-аналитического обеспечения принятия политических решений, британские разведывательные органы регулярно

---

⁴ PRO. WO 157/1259

сталкиваются с проектами по их интеграции в различные министерства. Интересно, что в тот же период схожая ситуация наблюдалась в Советской России, с той лишь разницей, что «передел» сферы государственной безопасности коснулся не столько разведки, сколько контрразведки.

В попытке сохранить независимый статус при отсутствии приемлемого качества работы руководство секции MI1с начинает произвольным образом корректировать содержание разведсводок, чтобы создать как минимум видимость своей эффективности. В дальнейшем эта схема неоднократно применялась в различных политических кризисах и конфликтах XX в. – причем как внешне-, так и внутривнутриполитических. Достаточно вспомнить, к примеру, известное «письмо Зиновьева», опубликованное в британской прессе в 1924 г. и содержавшее призывы председателя Исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьева к активизации работы английских коммунистов по разложению армии и флота путем агитации. С точки зрения современных авторов, «письмо» было написано при непосредственном участии спецслужб Британской империи, а именно офицера разведки Д. Мортон, для дискредитации лейбористов перед выборами в парламент [Bennett, 2006]. Именно такие эпизоды и сделали актуальным построение системы общественного контроля за секретными службами.

Список литературы

- Вудхолл Э. Разведчики мировой войны. М.: Воениздат, 1938. 142 с.
- Улунян А. А. Политическая разведка или политическое лоббирование? Доклад майора Дэвида Дэйвиса (март 1917 года) // Медиафорум. 2016. Т. 1, № 3–4. С. 194–197.
- Bennett G. Churchill's Man of Mystery: Desmond Morton and the World of Intelligence. London, Routledge, 2006, 432 p.
- Boghardt T. Spies of the Kaiser: German Covert Operations in Great Britain during the First World War Era. Houndmills, Palgrave Macmillan, 2005, 238 p.
- Crowley P. T. British Army Operational Lessons of the Mesopotamia Campaign, 1914–1918. *Defence Studies*, 2004, vol. 4, iss. 3, pp. 335–360. DOI 10.1080/1470243042000344795
- Davies P. H. J. MI6 and the Machinery of Spying. London, Frank Cass, 2004, 390 p. DOI 10.4324/9780203503720
- Goldstein E. The Foreign Office and Political Intelligence, 1918–20. *Review of International Studies*, 1988, vol. 14, iss. 4, pp. 275–288. DOI 10.1017/S0260210500113154
- Hankey M. The Supreme Command 1914–1918. London, Allen and Unwin, 1961, vol. 1, 454 p.
- Hiley N. P. The Failure of British Espionage against Germany, 1907–1914. *The Historical Journal*, 1983, vol. 26, iss. 4, pp. 835–862. DOI 10.1017/S0018246X00005094
- Judd A. The Quest for C: Mansfield Cumming and the Founding of the Secret Service. London, Harper Collins, 1999, 501 p.
- Knightley P. The First Casualty. Baltimore, John Hopkins Uni. Press, 2004, 608 p.
- Larsen D. British Intelligence and the 1916 Mediation Mission of Colonel Edward M. House. *Intelligence and National Security*, 2010, vol. 25, iss. 5, pp. 682–704. DOI 10.1080/02684527.2010.537123
- Lockley A. Propaganda and the First Cold War in North Russia, 1918–1919. *History Today*, 2003, vol. 53, iss. 9, pp. 46–53.
- Long J. W. Searching for Sidney Reilly: The Lockhart Plot in Revolutionary Russia, 1918. *Europe-Asia Studies*, 1995, vol. 47, iss. 7, pp. 1225–1241. DOI 10.1080/09668139508412316
- Madeira V. Britannia and the Bear: The Anglo-Russian Intelligence Wars, 1917–1929. Woodbridge, Boydell Press, 2014, 340 p.
- Northcott C. MI5 at War 1909–1918: How MI5 Foiled the Spies of the Kaiser in the First World War. Ticehurst, Chevron Publishing Limited, 2015, 300 p.
- Panayi P. Enemy in our Midst: Germans in Britain during the First World War. Oxford, Berg, 1991, 312 p.

- Richter L.** Military and Civil Intelligence Services in Germany from World War I to the End of the Weimar Republic. In: *Secret Intelligence in the Twentieth Century*. London, 2010, pp. 1–22. DOI 10.4324/9780203498859
- Satia P.** Spies in Arabia. The Great War and the Cultural Foundations of Britain's Covert Empire in the Middle East. Oxford, Oxford Uni. Press, 2008, 472 p.
- Seligman M. S.** Spies in Uniform. British Military and Naval Intelligence on the Eve of the First World War. Oxford, Oxford Uni. Press, 2006, 272 p.
- Sheffy Y.** British Military Intelligence in the Palestine Campaign, 1914–1918. London, Frank Cass, 1998, 400 p.
- Siegel J.** Training Thieves: The Instruction of “Efficient Intelligence Officers” in Pre-1914 Britain. In: *Intelligence and Statecraft: The Use and Limits of Intelligence in International Society*. London, 2005, pp. 127–138.
- Sloan G.** The British State and the Irish Rebellion of 1916: An Intelligence Failure or a Failure of Response. *Intelligence and National Security*, 2013, vol. 28, iss. 4, pp. 453–494. DOI 10.1080/02684527.2012.735079
- Smith M.** SIX: A History of Britain's Secret Intelligence Service. London, Dialogue, 2010, pt. 1: Murder and Mayhem, 1909–1939, 400 p.
- Stafford D.** Churchill & Secret Service. New York, The Overlook Press, 1999, 420 p.
- Townshend C.** Desert Hell: The British Invasion of Mesopotamia. Cambridge, Belknap Press, 2011, 624 p.
- Trevor-Roper H.** The Philby Affair. London, Harper Collins Distribution Services, 1968, 126 p.
- Warman R. M.** The Erosion of Foreign Office Influence in the Making of Foreign Policy, 1916–1918. *Historical Journal*, 1972, vol. 15, iss. 1, pp. 133–159. DOI 10.1017/S0018246X00001886
- Williams C.** The Policing of Political Belief in Great Britain, 1914–1918. London, Centre for the Philosophy of the Natural and Social Sciences, 2002, 32 p.
- Williamson O. E.** Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications. New York, Free Press, 1975, 304 p.

Список источников

- Lloyd George D.** War Memories of David Lloyd George. London, Ivor Nicholson & Watson, 1933, vol. 2, 1038 p.
- Maurice F.** Intrigues of War. Startling Revelations Hidden Until 1922. London, Loxley bros., 1922, 42 p.
- Moberly F. J.** Operations in Persia, 1914–1919. London, HMSO, 1987, 490 p.

References

- Bennett G.** Churchill's Man of Mystery: Desmond Morton and the World of Intelligence. London, Routledge, 2006, 432 p.
- Boghardt T.** Spies of the Kaiser: German Covert Operations in Great Britain during the First World War Era. Houndmills, Palgrave Macmillan, 2005, 238 p.
- Crowley P. T.** British Army Operational Lessons of the Mesopotamia Campaign, 1914–1918. *Defence Studies*, 2004, vol. 4, iss. 3, pp. 335–360. DOI 10.1080/1470243042000344795
- Davies P. H. J.** MI6 and the Machinery of Spying. London, Frank Cass, 2004, 390 p. DOI 10.4324/9780203503720
- Goldstein E.** The Foreign Office and Political Intelligence, 1918–20. *Review of International Studies*, 1988, vol. 14, iss. 4, pp. 275–288. DOI 10.1017/S0260210500113154
- Hankey M.** The Supreme Command 1914–1918. London, Allen and Unwin, 1961, vol. 1, 454 p.
- Hiley N. P.** The Failure of British Espionage against Germany, 1907–1914. *The Historical Journal*, 1983, vol. 26, iss. 4, pp. 835–862. DOI 10.1017/S0018246X00005094

- Judd A.** The Quest for C: Mansfield Cumming and the Founding of the Secret Service. London, Harper Collins, 1999, 501 p.
- Knightley P.** The First Casualty. Baltimore, John Hopkins Uni. Press, 2004, 608 p.
- Larsen D.** British Intelligence and the 1916 Mediation Mission of Colonel Edward M. House. *Intelligence and National Security*, 2010, vol. 25, iss. 5, pp. 682–704. DOI 10.1080/02684527.2010.537123
- Lockley A.** Propaganda and the First Cold War in North Russia, 1918–1919. *History Today*, 2003, vol. 53, iss. 9, pp. 46–53.
- Long J. W.** Searching for Sidney Reilly: The Lockhart Plot in Revolutionary Russia, 1918. *Europe-Asia Studies*, 1995, vol. 47, iss. 7, pp. 1225–1241. DOI 10.1080/09668139508412316
- Madeira V.** Britannia and the Bear: The Anglo-Russian Intelligence Wars, 1917–1929. Woodbridge, Boydell Press, 2014, 340 p.
- Northcott C.** MI5 at War 1909–1918: How MI5 Foiled the Spies of the Kaiser in the First World War. Ticehurst, Chevron Publishing Limited, 2015, 300 p.
- Panayi P.** Enemy in our Midst: Germans in Britain during the First World War. Oxford, Berg, 1991, 312 p.
- Richter L.** Military and Civil Intelligence Services in Germany from World War I to the End of the Weimar Republic. In: *Secret Intelligence in the Twentieth Century*. London, 2010, pp. 1–22. DOI 10.4324/9780203498859
- Satia P.** Spies in Arabia. The Great War and the Cultural Foundations of Britain’s Covert Empire in the Middle East. Oxford, Oxford Uni. Press, 2008, 472 p.
- Seligman M. S.** Spies in Uniform. British Military and Naval Intelligence on the Eve of the First World War. Oxford, Oxford Uni. Press, 2006, 272 p.
- Sheffy Y.** British Military Intelligence in the Palestine Campaign, 1914–1918. London, Frank Cass, 1998, 400 p.
- Siegel J.** Training Thieves: The Instruction of “Efficient Intelligence Officers” in Pre-1914 Britain. In: *Intelligence and Statecraft: The Use and Limits of Intelligence in International Society*. London, 2005, pp. 127–138.
- Sloan G.** The British State and the Irish Rebellion of 1916: An Intelligence Failure or a Failure of Response. *Intelligence and National Security*, 2013, vol. 28, iss. 4, pp. 453–494. DOI 10.1080/02684527.2012.735079
- Smith M.** SIX: A History of Britain’s Secret Intelligence Service. London, Dialogue, 2010, pt. 1: Murder and Mayhem, 1909–1939, 400 p.
- Stafford D.** Churchill & Secret Service. New York, The Overlook Press, 1999, 420 p.
- Townshend C.** Desert Hell: The British Invasion of Mesopotamia. Cambridge, Belknap Press, 2011, 624 p.
- Trevor-Roper H.** The Philby Affair. London, Harper Collins Distribution Services, 1968, 126 p.
- Ulunyan A. A.** Politicheskaya razvedka ili politicheskoe lobbirovaniye? Doklad maiora Devida Devisa (mart 1917 goda) [Political Intelligence or Political Lobbying? Major David Davis’s Report (March 1917)]. *Mediaforum*, 2016, vol. 1, iss. 3–4, pp. 194–197. (in Russ.)
- Warman R. M.** The Erosion of Foreign Office Influence in the Making of Foreign Policy, 1916–1918. *Historical Journal*, 1972, vol. 15, iss. 1, pp. 133–159. DOI 10.1017/S0018246X00001886
- Williams C.** The Policing of Political Belief in Great Britain, 1914–1918. London, Centre for the Philosophy of the Natural and Social Sciences, 2002, 32 p.
- Williamson O. E.** Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications. New York, Free Press, 1975, 304 p.
- Woodhall E.** Razvedchiki mirovoi voiny [Spies of the Great War]. Moscow, Voenizdat, 1938, 142 p. (in Russ.)

List of Sources

- Lloyd George D.** War Memories of David Lloyd George. London, Ivor Nicholson & Watson, 1933, vol. 2, 1038 p.
- Maurice F.** Intrigues of War. Startling Revelations Hidden Until 1922. London, Loxley bros., 1922, 42 p.
- Moberly F. J.** Operations in Persia, 1914–1919. London, HMSO, 1987, 490 p.

Информация об авторе

Андрей Александрович Иванов, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57204716446
WoS Researcher ID M-3827-2019

Information about the Author

Andrey A. Ivanov, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57204716446
WoS Researcher ID M-3827-2019

*Статья поступила в редакцию 05.12.2021;
одобрена после рецензирования 17.05.2022; принята к публикации 16.06.2022
The article was submitted on 05.12.2021;
approved after reviewing on 17.05.2022; accepted for publication on 16.06.2022*

Научная статья

УДК 94(47).04

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-33-43

Источники жалованного слова народам Сибири

Андрей Васильевич Беляков

Институт российской истории Российской академии наук
Москва, Россия

belafeb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8588-9192>

Аннотация

Рассматривается возникшая на рубеже XVI–XVII вв. практика оглашения от имени московского государя жалованного слова к народам Сибири. Делаются выводы о том, что на самом деле подобные обращения возникли дважды – в 1599 и 1623 гг. Высказывается мнение, что источниками этого явления стали так называемые жалованные грамоты за золотой печатью и укрепленные грамоты. Тем самым в этом обряде объединяются известная с ордынских времен практика подтверждения прав на земельную собственность от имени монарха и заключение своеобразного коллективного договора с русским царем (обязательство оберегать государя от любых преступлений против него).

Ключевые слова

Русское государство XV–XVII вв., жалованное слово, шерть, укрепленные грамоты, грамота за золотой печатью

Для цитирования

Беляков А. В. Источники жалованного слова народам Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 33–43. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-33-43

Origins of a Granted Word to the Peoples of Siberia

Andrey V. Belyakov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

belafeb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8588-9192>

Abstract

The article studies the practice of announcing the Granted Word on behalf of the Moscow sovereign to the peoples of Siberia, implemented in the late 16th – early 17th century. It concludes that in fact such practice arose twice – in 1599 and 1623. For the first time muscovites used the Granted Word as an element of policy intended to strengthen the position of the new ruling dynasty. The reasons behind its revival after the period of oblivion are not clear. An opinion is expressed that the roots of this phenomenon went back to the so-called charter with a golden seal and charters of settlement, which in their turn went back to the granted letters of the period of the Mongolian vassalage. Such documents were well known in the area that once was part of the Golden Horde and used there as consolidating tool of the vassal oath of the nobility originated in Moscow. Thus, the practice of announcing of the Granted Word combined confirmation of the rights to land on behalf of the monarch, known since the Horde times, and conclusion of a kind of collective agreement with the Russian tsar (included the obligation to protect the sovereign from any crimes against him). This example shows that in the late 16th – early 17th century Russian administration system developed a power distribution mechanism intended to delegate tsar's power to the people of Siberia, which had recently become part of the Russian state. This was especially crucial due to the fact that this territory was located significantly far from the capi-

tal. To maintain state unity, it was necessary to create the illusion of the direct involvement of the Moscow sovereign in the administration process of the lands beyond the Urals.

Keywords

Russian State of the 15th – 17th centuries, granted word, shert, consolidating act, charter with a golden seal

For citation

Belyakov A. V. Origins of a Granted Word to the Peoples of Siberia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 33–43. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-33-43

В последнее время проводится большая работа по исследованию процесса инкорпорации народов Сибири в состав подданных московского государя [Конев, 2005; Трепавлов, 2007; Акишин, 2013; Моисеев, 2014; Слугина, 2017; Зуев и др., 2017]. В частности происходит изучение так называемого жалованного слова, ретранслируемого народам Сибири от имени русского царя через воевод. Здесь следует отметить статью А. Ю. Конева и В. А. Слугиной, в которой авторы предприняли попытку анализа трансформации формуляра слова. Ими были выявлены устойчивые крупные смысловые блоки в содержании этих документов:

1) признание факта злоупотреблений со стороны воевод и служилых людей по отношению к коренным народам Сибири;

2) обещание защиты от подобных необоснованных притеснений со стороны служилых людей и ясачных сборщиков;

3) гарантии сохранения за сибирскими иноземцами права проживания на своих землях и занятия традиционными промыслами в обмен на обязательства перед русским царем всячески предотвращать измены и заговоры (сообщать об известных им фактах и задерживать причастных к этому лиц).

Исследователи заявили, что текст слова восходит к более ранним царским «пожалованиям», содержащим меры поощрения и льготирования [Слугина, Конев, 2020]. Но установить источники жалованного слова им не удалось. Причина такой неудачи кроется в искусственном ограничении исследователей только сибирским материалом. Обращение к более ранним общегосударственным практикам позволяет выявить формы делопроизводства, ставшие образцом и источником для жалованного слова. Наиболее отчетливо элементы слова прослеживаются в текстах так называемых грамот за золотой печатью и укрепленных (крепких) грамот. Рассмотрим их подробнее.

Грамоты за золотой печатью документально фиксируются с 1-й трети XVI в. Хотя, по косвенным данным, они могли появиться и несколько раньше, как минимум в конце XV в. Их полные тексты (Под стягом России, 1992, с. 6; Акты, 2002, № 479) [Миллер, 2005, с. 324–325]¹, цитаты из них² или же упоминания об этой группе документов, подчас косвенные (Сборник, 1887, с. 479–480; ПСРЛ, 1965, с. 62; Белокуров, 1889, с. 8–9, 62; БШ, 1960, с. 33, 73, 79, 117, 127, 150; БИПЛ, 2015, с. 141–143, 177–178) [Орленко, Мельник, 2019], встречаются до XVII в. Позднее данная практика перекочевала в дипломатический обиход и сохранялась вплоть до XVIII в. Круг государств и территориально-национальных образований, к которым посылались такие грамоты, был широк: Сибирское княжество и царство, югорские княжества, башкирские земли, чуваша, марийцы, Кабарда, Грузия (Кахетия), окотские (ахоцкие) княжество и шамхальство Северного Кавказа (Под стягом России, 1992, с. 6; Акты, 2002, № 479; Белокуров, 1889, с. 62–66, 364–365; ПСРЛ, 1965, с. 62) [Миллер, 2005, с. 324–325]. Подобный документ в конце XVI в. неудачно пытались навязать казахскому хану Таваккулу³, а в начале XVII в. – калмыцким тайшам (РМО, 1959, № 1–2, с. 22–23)⁴. По-

¹ РГАДА. Ф. 110. Оп. 3. 1589 г. Д. 2; 1641 г. Д. 6; 1653 г. Д. 9; 1673 г. Д. 13; 1683 г. Д. 14; Ф. 115. Оп. 2. Д. 1, 2.

² Там же. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14. Л. 83 об. – 85 об.

³ Там же. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2.

⁴ Там же. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 103 – 103 об.

видимому, жалованную грамоту обманом удалось вручить Алтын-хану⁵. Интересен тот факт, что все перечисленные народы и страны в той или иной степени ощутили на себе ордынское влияние.

Полный формуляр жалованных грамот неизвестен. Он устанавливается только при сличении сохранившихся подобных документов и их косвенных упоминаний. В идеале грамота должна была иметь следующие элементы: 1) инвокация; 2) интитуляция (большой титул); 3) инскрипция; 4) сообщение о прибытии посольства от адресата к московскому государю с прошением жалованной грамоты за золотой печатью – «всю землю... держати в своем царском жалованье под своею царскою рукою и в обороне от всяких ваших недругов... и грамота бы нам своя царская жалованная с золотою печатью дати вам»; 5) сообщение о том, что землю «взяли в свое царское жалованье под свою царскую руку... и хотим вас держати... в службе и обороне»; 6) делегирование адресату обязанности приводить под царскую руку всех сродников и представителей соседних народов; 7) констатация обязательной военной службы московскому государю – «посылати к нам на нашу службу на наших недругов братью свою и детей и племянников с ратными людьми»; 8) требование быть «неотступным» от великокняжеского (царского) жалования; 9) обещание выплаты регулярной дани (в некоторых случаях ясака); 10) сведения об удостоверении – «Дана сия наша царская жалованная грамота, и золотую печать велели к сей грамоте привесити...». Печать на самом деле могла быть как золотой, так и серебряной, вызолоченной на шелковом шнуре. Наиболее полный формуляр подобных документов отображен в грамоте к черкесским (кабардинским) князьям 1589 г. Ее структура и взята нами для примера. Однако даже в ней отсутствует пункт об обязательной выплате дани (Акты, 2002, № 479). В других грамотах может быть пропущен целый ряд пунктов. Одни из самых лаконичных посылались на Югру. В грамоте князю Певгею 1557/58 г. вслед за интитуляцией (не полный титул) и инскрипцией дается сообщение о посылке «во Юсерскую землю» царских данщиков. Местному князю или же его брату или племяннику вместе с ними собранную дань требовалось привезти в Москву. В конце поместили припись о том, что «а ся наша грамота жалованная и опасная». Но при этом у документа фиксируется ее главный элемент: «У подлинные великого государя грамоты печать на шелковом мутовозе серебрянная, вызолочена; а на ней печать великого государя Ивана Васильевича в лице орел двоглавый, а позади той печати чеканено: великий царь и великий князь Иван Васильевич» [Миллер, 2005, с. 324–325].

В этом документе нет упоминания о добровольной передаче земли московскому государю и ответном пожаловании ею же князя Певгея, но это подразумевается. Более того, возникает ощущение, что для некоторых народов важно было не то, что написано в тексте грамоты, а правильное ее оформление – наличие вислой золотой печати. В постордынском мире удалось найти только одну явную параллель с подобным оформлением документов. Московские государи и крымские ханы на протяжении XVI–XVII вв. с определенной регулярностью обменивались шертными / крестоцеловальными грамотами. На них в обязательном порядке помещались вислые золотые печати. Более того, в русской документации подобные хрисовулы назывались байсой (Сборник, 1884, с. 32) [Колодзейчик, 2015]⁶. Прямой аналогии в ордынской канцелярии не прослеживается. Однако известно, что хан давал своим наместникам, назначенным управлять тем или иным регионом, свой ярлык байсу (пайцзу) [Абзалов, 2011, с. 60, 63–64, 191–192]. Остается понять, как эти два предмета в итоге объединились в грамоту с вислой золотой печатью. Возникающие отношения также подтверждались шертованием. Последнее могло осуществляться как в письменной форме [Беляков, 2020], так и без документального заверения, путем проведения неких обрядов [Плигузов, 1993, с. 148–150].

В. В. Трепавлов отмечает, что на постордынском пространстве (рассматриваются сюжеты на башкирах и сибирских материалах) еще в XVI в. существовало представление о том, что

⁵ По крайней мере, его дипломатические дары в русских документах называли данью (Опись, 2014. Л. 55, 214, 226, 264 об. – 265 об., 319 об.).

⁶ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14. Л. 56; Ф. 123. Оп. 1. 1615 г. Д. 7. Л. 25.

легитимность земельного владения обеспечивалась только пожалованием от монарха [Трепавлов, 2018, с. 182–186]. По-видимому, жалованные грамоты за золотой печатью для получаемой стороны и выступали свидетельствами такого пожалования. Ранее их выдавали ордынские ханы, позднее эта функция отошла ханам Астраханского, Казанского и Крымского ханств. При этом получение подобных документов, скажем, правителями Сибири из канцелярии казанских ханов не рассматривалось как потеря первыми своей независимости. Логично предположить, что с завоеванием Казани и Астрахани эта функция перешла к Москве. Но югорские документы позволяют утверждать, что русские государи выдавали подобные документы уже в 1530-х гг., а возможно, и ранее. Русская сторона совсем по-другому воспринимала получение правителями тех или иных народов подобных документов. Для нее это было безусловное вступление в подданство к московскому государю.

Сибирские документы дают возможность установить, когда на жалованных грамотах золотые печати начинают заменять красновосковыми. Хрисовулы или же вызолоченные аргировулы полагались тем народам и правителям, которые официально заявили о вассальных отношениях по отношению к московскому государю (готовы были получить правильно оформленную грамоту), однако на практике контроль над ними был проблематичен. С усилением русской власти в регионе грамоты начинали скреплять красновосковыми печатями на красном шелковом шнуре. Именно такую грамоту в 1586 г. получил ляпинский князь Лугуй. При этом на первый взгляд она разительно отличается от рассматриваемых нами документов. На самом деле это не совсем так. Ее текст, как и текст грамоты к князю Певгею, содержит упоминание о размерах дани и месте, куда ее следовало привезти, а также защищает от русских воинских людей его городки (СГГД, 1819, № 54, с. 88–89). Лаконичность объединяет эти два документа. Вот только печать стала иной. Но, похоже, в новых условиях данное изменение вполне устраивало югорского князя.

Возможно, отсылку к ордынской практике имеет и само название явления – жалованное слово. «Слово мое», «слово наше» – это формы обращения, регулярно встречающиеся в переводе интитуляции в жалованных актах (ярлыках) правителей на территории бывшего Джучиева улуса и активно заимствованные в московской великокняжеской, а затем и царской канцелярии («Васильево слово», «Иваново слово») [Усманов, 1979, с. 186–205]. В научной литературе можно даже встретить такую форму перевода как «мое жалованное слово [таково]» [Мустакимов, 2010]. В доордынский период на Руси автору такое обращение неизвестно.

Однако не в одних только жалованных грамотах за золотой печатью следует видеть предшественников жалованного слова. В слове регулярно отмечается требование: «И над воры воровства и шатости и всякого лихова умышления смотрили и берегли накрепко... А в которых людех будет почаяют шатости и воровства, и они б воров не укрывали и не таили, тем государю службу свою и правду объявили, и тех людей, в которых почаяют шатость и воровства, сказывали про них и, имая, приводили к ним, к воеводе». Оно отправляет нас к так называемым укрепленным грамотам. Укрепленные (крепкие) грамоты сохранились более чем за столетие, с 1474 по 1581/82 г. (СГГД, 1813, № 103, 146, 149, 152–154, 159, 162, 165, 172, 177, 182, 189, 196, 201). Также известен ранний типовый формуляр подобных документов, отложившийся в сборнике грамот канцелярии митрополита (РФА, 1986, № 46, с. 175). Отличительной особенностью этой группы документов является устойчивое деление их протокола на части: 1) констатация прощения государем по ходатайству высших церковных иерархов вины («...пожаловал, нелюбье свое мне отдал», «...вины мне отдал»); 2) обещание пожизненной службы сюзерену и его детям. При этом служба подразумевала два обязательных пункта: не отъезжать от великого князя (царя); сообщать о любых лихоимцах, замысливших недоброе против великого князя (царя). По мнению И. Г. Пономаревой, укрепленные (крепкие) грамоты появились как реакция на непростую ситуацию феодальной войны в русских землях середины XV в. между Василием II Темным и Дмитрием Шемякой. Тогда потребовалось получение письменных гарантий верности от удельных князей и изме-

нивших великому князю бояр. Первый подобную грамоту вынужден был дать временно проигравший Василий II Темный одержавшему над ним победу Дмитрию Юрьевичу Шемяке [Пономарева, 2016].

Обратим внимание на то, что в случае с рассматриваемыми нами жалованными грамотами статус ряда адресатов близок к русским удельным князьям. Но жалованные грамоты нельзя рассматривать как прямой аналог укрепленных. Таковыми по отношению к неправославным лицам должны были выступать шерти и роты. При этом в развернутых жалованных грамотах текст шертей и рот некрещеных татарских царей и царевичей повторялся местами почти дословно (СГГД, 1819, № 26, 27, с. 30–34).

Всё тот же исследователь, рассматривая вассальную присягу, предполагает, что изначально она могла не даваться письменно, а представляла собой некое публичное действие. При этом делается попытка восстановить изначальный текст подобной присяги [Пономарева, 2015; 2019]. Возвращаясь к нашей теме, отметим, что на рассматриваемых территориях зачастую устной процедуры было недостаточно. Требовалось некое действие, ее подтверждающее. Возможно, данный факт послужил дополнительным стимулом к сочинению текста жалованного слова и неких процедур его провозглашения, обставленных почти как дипломатическая церемония (обязательное цветное платье у присутствующих с русской стороны, наличие вооруженных представителей гарнизона, непременно угощение после этого от имени государя). Возможно, сам факт прихода представителей коренного населения в город и участие в этой церемонии рассматривалось как подтверждение ранее дававшейся шерти. Нельзя не указать и на тот факт, что появление жалованного слова по времени (1599 г) совпадает с моментом установления общегосударственной присяги государю (1598 г.). По содержанию тексты присяги и жалованного слова также очень близки [Королева, 2020]. Возможно, изначально эти две процедуры для Сибири считались взаимозаменяемыми.

Укажем еще на один момент. Рассматривая государево «слово и дело» как особый вид преступлений, Н. Я. Новомберский сделал абсолютно справедливое наблюдение о том, что «“слово и дело” государево как особая изветная формула возникла на почве публично-правового обязательства населения оберегать государя и его семью от злых умыслов» [Новомбергский, 1919, с. 2–3]. Мы видим, что в жалованных и укрепленных грамотах этот пункт приводится в обязательном порядке. При этом пункт об оберегании государя был перенесен на всё государство. Таким образом, это в своем роде один из государствообразующих факторов, способствовавший возникновению и становлению Московского государства, в определенном смысле личный или же коллективный договор подданных с государем.

Также следует остановиться на времени и причинах появления жалованного слова. Данной проблематикой в последнее время занимаются А. Ю. Конев и В. А. Слугина. Исследователи пришли к выводу о том, что жалованное слово «появилось не вдруг, а наследовало соответствующим практикам XVI в.» [Конев, Слугина, 2022]. С этим выводом следует согласиться только отчасти. Действительно, жалованное слово стало прямым наследником более ранних шертных и жалованных грамот. Однако наряду с этим данная форма репрезентации царской власти за Уралом появилась благодаря целому ряду причин повлекших многократную смену правящих династий на российском троне на протяжении лишь одного поколения. Еще Е. В. Вершинин отметил, что жалованное слово появилось в сибирских наказах с назначением первых воевод в правление Бориса Годунова. Он связал возникновение слова со сложением с сибирского ясачного населения ясака на 1599/1600 г. [Вершинин, 1998, с. 67–68]. Действительно, до 1599 г. жалованное слово как набор определенных действий и фраз в наказах не упоминается, хотя такое словосочетание известно и в более ранних документах. Однако его появление ни в коей мере не было связано с отменой ясака на год в связи со вступлением на престол новой династии. Наказ сургутскому воеводе с первым упоминанием клаузулы жалованного слова датирован 18 апреля 1599 г.⁷, а указ об отмене в честь восхож-

⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 64 – 76 об.

дения на российский трон Бориса Годунова со всех сибирских людей ясачных сборов на 1599/1600 г. датирован 25 июня 1599 г. Однако именно в этом указе впервые приводится описание того, как должна проводиться церемония провозглашения слова: приглашение людей из уезда, присутствие воеводы и служилых людей на церемонии в цветном платье, обязательное угощение сибирских людей от имени государя⁸. По-видимому, эти изменения в заочном общении московского государя с его сибирскими подданными были задуманы специально для подъема престижа новой династии.

С этого момента жалованное слово упоминается постоянно. Возможно, постепенно от этой формы могли отказаться. Но регулярная смена власти подталкивала приказную мысль каждый раз вспоминать о жалованном слове. Заимствовался этот элемент Лжедмитрием I⁹, Василием Шуйским¹⁰, Михаилом Романовым. Это было абсолютно логично. Власть всегда стремилась подчеркнуть свою преемственность. Но при Михаиле от него в какой-то момент почти отказались. В первые годы правления этого монарха формула слова в наказных грамотах комкается и постепенно сокращается. В сургутской грамоте 1614 г. остается только требование присутствия на церемонии воеводы и служилых людей в цветном платье. А само жалованное слово состояло только из двух пунктов – разрешение самим ясачным осякам привозить ясак в город и требование не таить захребетников¹¹. В 1620 г. опять же встречаются два эти пункта, но сформулированные уже иначе¹². В полном объеме жалованное слово возрождается только в 1623 г.¹³ Та же динамика наблюдается и в наказных грамотах тарским воеводам. Здесь можно указать на одну особенность. Наказная грамота 1599 г. датирована 7 августа. Она была написана уже после указа об отмене ясака, поэтому жалованное слово в наказе новым воеводам 1599 г. дается в полном объеме¹⁴. Таким образом, говорить об окончательном утверждении жалованного слова в Сибири можно не ранее чем с 1623 г. Это необходимо учитывать при дальнейшем изучении данного явления. Причины временного отказа от жалованного слова (по крайней мере в полном объеме его формулы) в первые годы правления Михаила Романова в настоящий момент не ясны. Логично предположить, что это могло быть связано с изменениями в составе лиц, управлявших приказом Казанского дворца, который в то время ведал Сибирью. Но в этот период никаких кардинальных изменений в составе судей этого учреждения не фиксируется. Единственным исключением является перевод в приказ в феврале 1621 г. дьяка И. И. Болотникова [Лисейцев и др., 2015, с. 76]. Также следует учитывать и тот факт, что в Москве могли в какой-то момент посчитать, что Сибирь прошла переходный период и теперь готова к дальнейшей унификации управления с основными территориями государства. К такому шагу мог подтолкнуть и тот факт, что жалованное слово появилось и использовалось при династиях, легитимность которых Романовы ставили под сомнение. Однако дальнейшее развитие событий заставило отказаться от подобных идей. Здесь необходимы дальнейшие исследования.

На рубеже XVI–XVII вв. в недрах приказного аппарата проходила разработка форм заочной презентации царской власти народам Сибири, недавно вошедшим в состав Русского государства. Это было важно уже потому, что данная территория была значительно удалена от столицы. Для поддержания единства государства требовались в том числе и некоторые элементы создающие иллюзию непосредственного вовлечения московского государя в процессы управления землями, расположенными за Уралом. Создание и эволюцию формулы жалованного слова следует рассматривать как один из элементов этого процесса. Слово не могло возникнуть без опоры на предыдущий опыт государственного строительства, поэтому

⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 82 об. – 85 об.

⁹ Там же. Кн. 11. Л. 87–88, 484 – 485 об., 492–495.

¹⁰ Там же. Л. 109 об. – 111.

¹¹ Там же. Л. 169.

¹² Там же. Л. 182 – 182 об.

¹³ Там же. Л. 228 – 230 об.

¹⁴ Там же. Л. 52 об. – 55, 62 об. – 63.

в его структуре отчетливо просматриваются элементы более ранних документов. Одними из них являются жалованные грамоты за золотой печатью и укрепленные (крепкие) грамоты. Отказ от искусственного сужения темы исключительно сибирскими сюжетами, возможно, позволит сделать и другие наблюдения в истории возникновения и бытования жалованного слова.

Список литературы

- Абзалов Л. Ф.** Ханские писцы. Из истории становления и развития канцелярской службы ханов Золотой Орды. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2011. 252 с.
- Акишин М. О.** Шертование народов Сибири при присоединении к России // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, № 5. С. 233–241.
- Беляков А. В.** Сибирские шерты XVI в. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 1. С. 125–131. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-1-125-131
- Вершинин Е. В.** Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муниципальный учеб.-метод. центр «Развивающее образование», 1998. 204 с.
- Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А.** Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. 444 с.
- Колодзейчик Д.** Попытка восстановления монгольской традиции в Крымском ханстве начала XVII в.: байса, тат ве тавчаг // Золотоордынское обозрение. 2015. № 3. С. 91–101.
- Конев А. Ю.** Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI – XVIII в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 172–177.
- Конев А. Ю., Слугина В. А.** «Сказать государево жалование...»: практики обращения монарха к населению Сибири в конце XVI – XVII веке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1. С. 37–48. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-37-48
- Королева М. В.** Процедура государственной присяги в России XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4. С. 73–82.
- Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.** Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 303 с.
- Миллер Г. Ф.** История Сибири. М.: Вост. лит., 2005. Т. 1. 630 с.
- Моисеев М. В.** Шертные грамоты в контексте русско-ногайских отношений в XVI веке // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2014. Вып. 6. С. 84–90.
- Мустакимов И. А.** Некоторые замечания к чтению и интерпретации ярлыка хана Ибрагима // Актуальные проблемы истории и культуры татарского народа. Казань, 2010. С. 155–180.
- Новомбергский Н. Я.** «Слово и Дело» // Изв. Том. ун-та. 1919. Кн. 68. С. 1–177.
- Орленко С. П., Мельник К. Г.** Ремесленники придворных мастерских XVII века «у дела государевых печатей» (К юбилею Большой государственной печати 1667 г.) // Московский Кремль XVII столетия. Древние святыни и исторические памятники. М., 2019. Кн. 1. С. 114–125.
- Плигузов А. И.** Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютонвиль: Археографический центр, 1993. 160 с.
- Пономарева И. Г.** Обряд вассальной присяги в Древней Руси // Studia Historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2015. Вып. 8. С. 63–76.
- Пономарева И. Г.** О происхождении московских «укрепленных» грамот // Археографический ежегодник за 2012 год. М., 2016. С. 64–75.
- Пономарева И. Г.** К реконструкции текста древнерусской вассальной присяги // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2019. Вып. 6. С. 69–72.

- Слугина В. А.** Правовое оформление российского подданства сибирских народов в XVI–XVII вв.: шертовальные записи и процедура шертования: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 200 с.
- Слугина В. А., Конев А. Ю.** «Жалованное слово» в наказах сибирским воеводам: к вопросу о происхождении и эволюции формуляра // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: к 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 183–193.
- Трепавлов В. В.** «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. 255 с.
- Трепавлов В. В.** Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 320 с.
- Усманов М. А.** Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. 318 с.

Список источников

- Акты – Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2002. Т. 3. 680 с.
- БИПЛ – Башкирские исторические предания и легенды. Уфа: Китап, 2015. 526 с.
- БШ – Башкирские шежере. Уфа: Башкнигоиздат, 1960. 304 с.
- Белокуров С. А.** Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел. Выпуск 1-й. 1578–1613 гг. М.: Университетская типография, 1889. 715 с.
- Опись – Опись царской казны на Казенном дворе 1640 года. М.: ГИКМЗ «Московский Кремль», 2014. 192 с.
- Под стягом России: Сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992. 431 с.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1965. Т. 29. 389 с.
- РМО – Русско-Монгольские отношения 1607–1636 гг. М.: Вост. лит., 1959. 352 с.
- РФА – Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М.: Ин-т истории СССР, 1986. 220 с.
- Сборник – Сборник Русского исторического общества. СПб.: Тип. О. Елеонского и К^о, 1884. Т. 41. 638 с.
- Сборник – Сборник Русского исторического общества. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К^о, 1887. Т. 59. 708 с.
- СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М.: Тип. Н. С. Всеволожского, 1813. Ч. 1. 533 с.
- СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М.: Тип. Селивановского, 1819. Ч. 2. 399 с.

References

- Abzalov L. F.** Khanskies pistsy. Iz istorii stanovleniya i razvitiya kantselyarskoi sluzhby khanov Zolotoi Ordy [Khan's Scribes. From the History of the Formation and Development of the Chancellery Service of the Khans of the Golden Horde]. Kazan, YaZ Publ., 2011, 252 p. (in Russ.)
- Akishin M. O.** Shert of the Peoples of Siberia under the Accession to Russia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12, no. 5, pp. 233–241. (in Russ.)
- Belyakov A. V.** Siberian Sherts of the 16th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 1, pp. 125–131. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-1-125-131
- Kolodzeichik D.** Popytka vosstanovleniya mongol'skoi traditsii v Krymskom khanstve nachala XVII v.: baissa, tat ve tavchag [The Efforts to Reinroduce the Mongol Tradition in the Crimean

- Khanate at the Beginning of the 17th Century: *Baysa, Tat Ve Tavgach*]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], 2015, no. 3, pp. 91–101. (in Russ.)
- Konev A. Yu.** Shertoprivodnye zapisi i prisnyagi sibirskikh “inozemtsev” kontsa XVI – XVIII v. [Shertoprivodnye Records and Oaths of Siberian “Foreigners” of the late 16th – 18th Century]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2005, no. 6, pp. 172–177. (in Russ.)
- Konev A. Yu., Slugina V. A.** “To Say the Sovereign’s Awarding...”: Practices of the Monarch’s Appeal to the Siberian Population at the End of the 16th – 17th Centuries. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 37–48. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-37-48
- Koroleva M. V.** Protsedura gosudarstvennoi prisnyagi v Rossii XVII v. [Procedure of the State Oath in Russia in the 17th Century]. *Drevnyaya Rus’. Voprosy medievistiki* [Old Russia. Questions of Middle Ages], 2020, no. 4, pp. 73–82. (in Russ.)
- Liseitsev D. V., Rogozhin N. M., Eskin Yu. M.** Prikazy Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv.: Slovar’-spravochnik [Orders of the Moscow State of the 16th – 17th Centuries: Dictionary-Reference Book]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015, 303 p. (in Russ.)
- Mueller G. F.** Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2005, vol. 1, 630 p. (in Russ.)
- Moiseev M. V.** Shertnye gramoty v kontekste russko-nogaiskikh otnoshenii v XVI veke [Charters of Shert in the Context of Russian-Nogai Relations in the 16th Century]. In: *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turko-Tatar States]. Kazan, 2014, iss. 6, pp. 84–90. (in Russ.)
- Mustakimov I. A.** Nekotorye zamechaniya k chteniyu i interpretatsii yarlyka khana Ibragima [Some Remarks on the Reading and Interpretation of the Jarliq of Khan Ibrahim]. In: *Aktual’nye problemy istorii i kul’tury tatarskogo naroda* [Challenges of the History and Culture of the Tatar People]. Kazan, 2010, pp. 155–180. (in Russ.)
- Novombergsky N. Ya.** “Slovo i Delo” [“Word and Deed”]. *Izvestiya Tomskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk University], 1919, vol. 68, pp. 1–177. (in Russ.)
- Orlenko S. P., Melnik K. G.** Remeslenniki pridvornykh masterskikh XVII veka “u dela gosudarevykh pechatei” (K yubileyu Bol’shoi gosudarstvennoi pečati 1667 g.) [Craftsmen of the Court Workshops of the 17th Century “at the Business of the Sovereign Seals” (To the Anniversary of the Great State Seal, 1667)]. In: *Moskovskii Kreml’ XVII stoletiya. Drevnie svyaty i istoricheskie pamyatniki* [Moscow Kremlin of the 17th Century. Ancient Relics and Historical Manuscripts]. Moscow, 2019, vol. 1, pp. 114–125. (in Russ.)
- Pliguzov A. I.** Tekst-kentavr o sibirskikh samoedakh [Text-Centaur about Siberian Samoyeds]. Moscow, Newtonville, Arkheograficheskii tsentr, 1993, 160 p. (in Russ.)
- Ponomareva I. G.** Obryad vassal’noi prisnyagi v Drevnei Rusi [The Rite of the Vassal Oath in Ancient Russia]. In: *Studia Historica Europae Orientalis*. Minsk, 2015, iss. 8, pp. 63–76. (in Russ.)
- Ponomareva I. G.** O proiskhozhdenii moskovskikh “ukreplennykh” gramot [On the Origin of Moscow “Fortified” Charters]. In: *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2012 god* [Archeographic Yearbook 2012]. Moscow, 2016, pp. 64–75. (in Russ.)
- Ponomareva I. G.** K rekonstruktsii teksta drevnerusskoi vassal’noi prisnyagi [About the Reconstruction of the Old Russian Oath of Fealty]. In: *Rus’, Rossiya: Srednevekov’e i Novoe vremya* [Rus, Russia: Middle Ages and Modern Times]. Moscow, 2019, iss. 6, pp. 69–72. (in Russ.)
- Slugina V. A.** Pravovoe oformlenie rossiiskogo poddanstva sibirskikh narodov v XVI–XVII vv.: shertoval’nye zapisi i protsedura shertovaniya [Legal Registration of the Russian Allegiance of the Siberian Peoples in the 16th – 17th Centuries: Shert Letters and Shert Procedure]. Cand. Hist. Sci. Diss. Novosibirsk, 2017, 200 p. (in Russ.)

- Slugina V. A., Konev A. Yu.** “Zhalovannoe slovo” v nakazakh sibirskim voevodam: k voprosu o proiskhozhdenii i evolyutsii formulyara “Granted word” as a Part of the Instructions to Siberian Governors: to the Issue of Genesis and Evolution]. In: Aktual’nye problemy otechestvennoi istorii, istochnikovedeniya i arkhografii: k 90-letiyu N. N. Pokrovskogo [Actual Problems of Russian History, Source Studies and Archaeography: To the 90th Anniversary of N. N. Pokrovsky]. Novosibirsk, 2020, pp. 183–193. (in Russ.)
- Trepavlov V. V.** “Belyi tsar”: obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv. [“A White Tsar”: The Image of the Monarch and Notions of Citizenship by the Peoples of Russia in the 15th – 18th Centuries]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2007, 255 p. (in Russ.)
- Trepavlov V. V.** Simvoly i ritualy v etnicheskoi politike Rossii XVI–XIX vv. [Symbols and Rituals in the Ethnic Policy of Russia in the 16th – 19th Centuries]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2018, 320 p. (in Russ.)
- Usmanov M. A.** Zhalovannye akty Dzhuchieva ulusa XIV–XVI vv. [Granted Charters of the Ulus of Jochi of the 14th – 16th Centuries]. Kazan, Kazan State Uni. Press, 1979, 318 p. (in Russ.)
- Vershinin E. V.** Voevodskoe upravlenie v Sibiri (XVII vek) [Voivodship Administration in Siberia (17th Century)]. Ekaterinburg, Munitsipal’nyi uchebno-metodicheskii tsentr “Razvivayushchee obrazovanie”, 1998, 204 p. (in Russ.)
- Zuev A. S., Ignatkin P. S., Slugina V. A.** Pod sen’ dvuglavogo orla: inkorporatsiya narodov Sibiri v Rossiiskoe gosudarstvo v kontse XVI – nachale XVIII v. [Under the Canopy of the Double-Headed Eagle: The Incorporation of the Peoples of Siberia into the Russian State at the End of the 16th – Beginning of the 18th Century]. Novosibirsk, NSU Press, 2017, 444 p. (in Russ.)

List of Sources

- Akty sluzhilykh zemlevadel’tsev XV – nachala XVII veka [Acts of Service Landowners of the 15th – Early 17th Century]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2002, vol. 3, 680 p. (in Russ.)
- Bashkirskie istoricheskie predaniya i legendy [Bashkir Historical Traditions and Legends]. Ufa, Kitap, 2015, 526 p.
- Bashkirskie shezhere [Bashkir shezhere]. Ufa, Bashkknigoizdat, 1960, 304 p. (in Russ.)
- Belokurov S. A.** Snosheniya Rossii s Kavkazom. Materialy, izvlechenyye iz Moskovskogo Glavnogo Arkhiva Ministerstva Inostrannykh Del [Relations between Russia and the Caucasus. Materials Retrieved from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1889, iss. 1: 1578–1613 gg., 715 p. (in Russ.)
- Opis’ tsarskoi kazny na Kazennom dvore 1640 goda [Inventory of the Tsar’s Treasury Compiled in 1640]. Moscow, GIKMZ “Moskovskii Kreml’”, 2014, 192 p. (in Russ.)
- Pod styagom Rossii: Sbornik arkhivnykh dokumentov [Under the Banner of Russia: Collection of Archival Documents]. Moscow, Russkaya kniga, 1992, 431 p. (in Russ.)
- Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Nauka, 1965, vol. 29, 389 p. (in Russ.)
- Russkii feodal’nyi arkhiv XIV – pervoi treti XVI veka [Russian Feudal Archive of the 14th – the 1st Third of the 16th Century]. Moscow, Institute of History of USSR, 1986, 220 p. (in Russ.)
- Russko-Mongol’skie otnosheniya 1607–1636 gg. [Russian-Mongolian Relations 1607–1636]. Moscow, Vostochnaya literatura, 1959, 352 p. (in Russ.)
- Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Russian Historical Society]. St. Petersburg, Tipografiya O. Eleonskogo i K^o, 1884, vol. 41, 638 p. (in Russ.)
- Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Russian Historical Society]. St. Petersburg, Tipografiya F. Eleonskogo i K^o, 1887, vol. 59, 708 p. (in Russ.)
- Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khраниyashchikhsya v gosudarstvennoi kollegii inostrannykh del [Collection of State Letters and Treaties Kept in the State Collegium of Foreign Affairs]. Moscow, Tipografiya N. S. Vsevolozhskogo, 1813, pt. 1, 533 p.

Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v gosudarstvennoi kollegii inostrannykh del [Collection of State Letters and Treaties Kept in the State Collegium of Foreign Affairs]. Moscow, Tipografiya Selivanovskogo, 1819, pt. 2, 399 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Андрей Васильевич Беляков, доктор исторических наук
Scopus Author ID 211120-004647
WoS Researcher ID ABD-7584-2021

Information about the Author

Andrey V. Belyakov, Doctor of Sciences (History)
Scopus Author ID 211120-004647
WoS Researcher ID ABD-7584-2021

*Статья поступила в редакцию 15.02.2022;
одобрена после рецензирования 16.04.2022; принята к публикации 16.05.2022
The article was submitted on 15.02.2022;
approved after reviewing on 16.04.2022; accepted for publication on 16.05.2022*

Научная статья

УДК 94(47).048

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-44-56

Нерчинский приказчик П. Я. Шульгин: воин и дипломат

Егор Андреевич Багрин

Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина
Санкт-Петербург, Россия

Egor-bagrin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-9117>

Аннотация

Рассматривается вклад приказчика Нерчинского уезда П. Я. Шульгина в усиление позиций России в Восточном Забайкалье и Приамурье в 1670-е гг. Основное внимание в исследовании обращено на меры, предпринимаемые Шульгиным для защиты ясачных людей и разрешения русско-аборигенных конфликтов в пределах Нерчинского уезда. В то же время Шульгин укрепил позиции России в Приамурье, вооружая казаков Албазинского острога и стимулируя их продвижение в бассейн р. Зеи. Таким образом, умелая политика, сочетавшая в себе элементы силового давления и дипломатии, помогла Шульгину создать благоприятные условия для расширения зоны влияния Российского государства в Даурии.

Ключевые слова

П. Я. Шульгин, нерчинский приказчик, Забайкалье, Нерчинск, история

Для цитирования

Багрин Е. А. Нерчинский приказчик П. Я. Шульгин: воин и дипломат // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 44–56. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-44-56

Nerchinsk Executive Officer P. Ya. Shulgin: Warrior and Diplomat

Egor A. Bagrin

Boris Yeltsin Presidential Library
St. Petersburg, Russian Federation

Egor-bagrin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-9117>

Abstract

The article describes the main activities of Nerchinsk executive officer P. Ya. Shulgin, aimed to strengthen Russian positions in Eastern Transbaikalia. P. Ya. Shulgin governed affairs of Nerchinsk district from November 30th 1673 to the end of April – early May 1678. During this time he repelled the external military aggression of nomads who attacked the subjects of Russia – the indigenous population of the Nerchinsk district. The study focuses on marches out to Tabanutyand's "thieves" Tungus, as well as on the solutions to problems associated with the transfer of tribute to the Nerchinsk district from other places. He also enhanced the position of Russia in the Amur region, by arming Cossacks of the Albazin fort and stimulating their advance into the basin of the Zeya river. He actively used the means of diplomacy as well, facilitating the relocation to the Nerchinsk district of the tribes that roamed Mongol feudal lords' lands and rebels who got out of control of the Russian government. It is argued that the actions of P. Ya. Shulgin to repel external military aggression and settle the issues related to interaction with the "foreigners" of the Nerchinsk district laid a solid foundation for the trust of tribute collectors in the Russian government.

© Багрин Е. А., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 44–56

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 44–56

Keywords

P. Ya. Shulgin, Nerchinsk executive officer, Transbaikalia, Nerchinsk, history

For citation

Bagrin E. A. Nerchinsk Executive Officer P. Ya. Shulgin: Warrior and Diplomat. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 44–56. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-44-56

«Китайския и даурския¹ службы Нерчинских острогов»² приказчик Павел Яковлевич Шульгин – личность для истории становления российской власти в Забайкалье значительная. Между тем ему и его деятельности не посвящено ни одного специального научного исследования³. Упоминания П. Я. Шульгина при описании событий забайкальской истории нередко носят негативный оттенок. Причина этого в том, что исследователи, обращаясь к периоду его руководства Нерчинским уездом⁴, в первую очередь концентрируют внимание на конфликте приказчика с частью нерчинских служилых людей, обвинявших его в незаконных действиях [Васильев, 1916; Люцидарская, Каменецкий, 2020; Трухин, 2021]. А. П. Васильев писал о Шульгине, что «несправедливостью, взяточничеством и жестокостью он превзошел всех предшественников». Однако Васильев отмечал и энергичную политику нерчинского приказчика. Шульгин остановил натиск табунутов⁵, распространил границы русского влияния на юго-восток по р. Аргуни и подчинил себе Албазинский острог [Васильев, 1916, с. 131–138]. Г. Б. Красноштанов также писал о том, что Шульгин был очень деятельным человеком, склонным к смелым решениям. В рамках исследования, посвященного Н. Р. Черниговскому, Красноштанов впервые обратился к фактам, касающимся службы Шульгина в Тобольске и Якутске перед назначением в Даурию. Однако «нерчинский период» жизни Шульгина был рассмотрен только в связи с его взаимодействием со служилыми людьми Албазинского острога [Красноштанов, 2008, с. 186–232]. А. А. Люцидарская и И. П. Каменецкий отметили роль Шульгина в организации поиска серебряной руды на территории Нерчинского уезда, а также его помощь посольству Н. Спафария в Китай [Люцидарская, Каменецкий, 2020, с. 86].

Цель нашего исследования – показать, что деятельность Шульгина на посту приказчика Нерчинских острогов привела к значительному усилению позиций России в Восточном Забайкалье. Для этого мы сконцентрируем внимание на двух наиболее важных, на наш взгляд, проблемах: мерах по отражению агрессии «немирных»⁶ монголов и тунгусов и защите ясачных людей⁷, а также разрешению русско-аборигенных конфликтов в пределах Нерчинского уезда.

Ситуация в Восточном Забайкалье, накануне приезда Шульгина в Даурию была непростая. Тобольский сын боярский Д. Д. Аршинский, занимавший место нерчинского приказчи-

¹ Даурия – историко-географический регион, включавший в себя территорию Забайкалья, а также Верхнего и Среднего Приамурья.

² Так Шульгин подписывал наказные памяти нерчинским служилым людям в 1677 г. (см., например: Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 44. Сст. 4; Д. 45. Сст. 2). «Нерчинскими острогами» в 1670-е гг. назывались, расположенные в Нерчинском уезде Иргенский, Нерчинский, Теленбинский и Еравнинский остроги.

³ В ряде работ, посвященных истории Забайкалья и Приамурья в XVII в., о деятельности Шульгина либо совсем нет упоминаний, либо они очень кратки. К сожалению, всё внимание было обращено только на его предшественника Д. Д. Аршинского, отправившего посольство В. Милованова в Пекин [Беспрозванных, 1983; Александров, 1984, с. 91–92; Мясников, 1987, с. 172–180; Артемьев, 1999, с. 51].

⁴ Нерчинский (Даурский) уезд – административно-территориальная единица России, занимавшая большую часть Восточного Забайкалья, отделенную Яблоновым хребтом от Западного Забайкалья, входившего в Енисейский уезд (после 1682 г. – в Иркутский уезд).

⁵ Табунуты – монголоязычное племя, кочевавшее в бассейне р. Селенги.

⁶ Термин, используемый русской администрацией в Сибири XVII в. для обозначения ее коренных жителей, не подчиненных русской власти и вступавших с ее представителями в вооруженное противостояние [Зуев и др., 2017, с. 106, 146, 217, 301, 364 и др.].

⁷ Категория коренного населения Сибири, обязанная платить Московскому государству ясак (принудительная дань определенного размера мехами, скотом, хлебом и т. п.) [Зуев и др., 2017, с. 82–83].

ка четыре года и восемь месяцев (с 10 апреля 1669 г.), проводил крайне нерешительную политику в ответ на нападения «немирных иноземцев»⁸ на ясачное население Нерчинского уезда. Основной причиной этого, на наш взгляд, было опасение спровоцировать конфликт с маньчжурским Китаем⁹. Кроме того, немаловажным было и то, что Аршинский, вероятно, не имел и внутренних побуждений к активным действиям. Обращаясь к царю из Даурии, он отмечал свою долгую службу в Сибири и участие во многих военных походах, замечая, что стал «стар и увечен» и заслуживает перемены с «дальней» службы [Красноштанов, 2008, с. 182–183, 186, 232].

Время, когда Аршинский управлял Нерчинским острогом, можно охарактеризовать как период сильного давления на ясачное население Восточного Забайкалья и Приамурья со стороны «немирных» монголов, табунутов, тунгусов и дауров. В районе Еравнинских озер табунуты агрессивно и безнаказанно вытесняли из кочевий местных тунгусов, плативших ясак в Телембинский острог. В районе рек Онон и Ингода на ясачных людей регулярно нападали «воровские»¹⁰ тунгусы и намясинцы¹¹. В 1669 г. произошли события, значительно подорвавшие авторитет русской власти в Забайкалье. За несколько лет до этого баргузинские и верхоленские брацкие¹² ясачные люди «от Баргузинского острогу от Байкаловского моря и с Ольхону острова» ушли к мунгальскому Дайкон-тайше. Затем в 1666/1667 г. небольшая часть из них прикочевала к Нерчинску и три года платила ясак¹³. В июне 1669 г. около 15 000 воинов мунгальского Дайкон-тайши приблизились к Нерчинску на расстояние дневного перехода и, «неволей» забрав брацких людей к себе, отошли, расположившись всего в четырех днях езды от Нерчинска. Безнаказанность действий монголов привела к тому, что уже осенью – зимой 1669 г. тунгусы, кочующие по Онону, отказались платить ясак, обратив внимание на неспособность русских их защитить. Более того, в апреле 1670 г. они напали на лагерь ясачных сборщиков – служилых людей Телембинского острога и угнали у них коней. Казакам пришлось спастись на плотках. В это же время продолжился процесс перехода баргузинских брацких людей к монгольским тайшам (АИ, 1842, № 250, с. 539–540; ДАИ, 1857, т. 6, № 15, с. 84–85).

Не менее тревожной была обстановка в Приамурье, где в 1665/1666 г. был основан Албазинский острог, формально¹⁴ подчиненный Нерчинску. «Богдойская» (подвластная мань-

⁸ «Иноземцы» – социополитоним, которым русские в XVI – начале XVIII в. называли представителей «иных земель», а применительно к Сибири – местных коренных жителей [Зуев и др., 2017, с. 31, 397–426].

⁹ В 1644 г. Китаем стала управлять маньчжурская династия Цин. В 1670-х гг. маньчжуры имели значительное политическое и экономическое влияние на коренных жителей Монголии и Приамурья, постепенно включая их территории в состав Цинского государства. В самом начале своего управления Нерчинским уездом Д. Д. Аршинский получил сведения от прежнего приказного человека «Даурских острогов» Л. Б. Толбузина о том, что у озера Кайлар в шести днях езды от Нерчинска находятся до 7 000 чел. «богдойского» (принадлежавшего маньчжурскому цинскому Китаю) войска. Кроме того князец тунгусов-намясинцев Еткела сообщил, что на Аргунь регулярно приезжают около 400 маньчжурских воинов. Аршинский считал, что в случае конфликта они могут по двум дорогам атаковать укрепленные пункты Нерчинского уезда, где было только 124 служилых человека и две пушки. В 1669–1670 гг. отношения с Китаем стали крайне напряженными из-за набегов албазинских казаков на «богдойских» подданных в районе Зеи. Поэтому Аршинский неоднократно писал в Албазин о запрете данных походов (Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 3. Сст. 1–2) (АИ, 1842, № 210, с. 454–457; № 226, с. 482; ДАИ, 1857, т. 6, № 6, с. 41, 43–45; № 22, с. 153; Албазинское воеводство, 2019, № 13, с. 83–84; № 14, с. 84–87) [Красноштанов, 2008, с. 144–145, 148].

¹⁰ В Сибири «ворами» и «изменниками» в российских нормативных и делопроизводственных документах XVII в. называли сибирских аборигенов, вышедших из повиновения власти русского царя [Зуев и др., 2017, с. 192, 217, 301, 406–407, 417].

¹¹ Намясинцы – племя тунгусов, жившее в бассейне Аргуни.

¹² В XVII в. русские источники называли всех монголоязычных подданных русского царя «бракскими людьми» (бурятами), а «мунгалами» – подданных монгольских ханов и тайшей [Долгих, 1960, с. 318].

¹³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 30. Сст. 1, 3 об.

¹⁴ Жители Илимского уезда, сбежавшие на Амур после убийства илимского воеводы Л. Обухова, сразу после строительства Албазинского острога установили связь с нерчинской администрацией. Албазинцы, несмотря на свои предыдущие незаконные действия, пытались встроиться в государственную систему. Они собирали ясак «на государя», подавали в съезжей избе Нерчинска челобитные на верстание их в казаки Албазинского острога, над-

чжурам) территория, распространялась на бассейн Зеи, контролировавшийся даурами. Она стала центром притяжения «иноземцев», недовольных русской властью. Якутские служилые люди писали: «...богдойские люди с ясачными людьми торгуют, меняя на соборей серебряные кольца, луки, азямы и камки призывают к себе в Дауры на Зийские сторонние реки и за Зию-реку». С юга Якутского уезда сюда уходили ясачные тунгусы и якуты. Дауры обложили данью тугирских тунгусов Инкагульского рода на р. Удь, которые платили ясак в Вехнемайском зимовье и распускали слухи о том, что они готовы выйти через Тугирь и Олёкму на р. Лену и атаковать русские остроги (ДАИ, 1857, т. 6, № 22, с. 153–154).

Тобольский сын боярский П. Я. Шульгин, сменивший Аршинского, руководил Нерчинским уездом четыре года и пять месяцев (с 30 ноября 1673 г. по конец апреля – начало мая 1678 г.¹⁵) [Красноштанов, 2008, с. 186, 232]. На протяжении этого времени в его распоряжении было от 170 до 190 служилых людей. В случае необходимости Шульгин привлекал к военным походам ссыльных и промышленных людей, увеличивая военные силы примерно в два раза. При этом он не мог рассчитывать на помощь ратников из западносибирских городов и соседних Енисейского, Илимского и Якутского уездов, так как их военный контингент был отвлечен на юг и северо-восток Сибири [Леонтьева, 2012, с. 27–42; Багрин, 2021].

Этими силами он должен был удерживать в повиновении около 15 000 «иноземцев», населявших Нерчинский уезд. По данным Б. О. Долгих, основным ясачным населением земель, контролируемых Нерчинском, были два тунгусских племени – нелюды и намясинцы. Нелюды включали в себя роды Баягир, Дуликагир, Колтагир, Луникир, Баликагир, Челкагир, Шунинский и др. Совокупно они могли выставить около 1 000 воинов. Князю Гантимуру из рода Дуликагир оказывалось особое доверие. Шульгин писал: «...в Нерчинском остроге дуликагирского роду князец Гантимур с родом своим служат государю прямою правдою и ясак платят без аманатов сполна»¹⁶. Дуликагиры помогали русским действовать против «воровских» тунгусов в бассейне Аргуни [Долгих, 1960, с. 345]. Мужчин из этого рода освобождали от ясака и при условии крещения в православную веру набирали в службу казаками. Кроме того, они усиливали немногочисленные отряды служилых людей, отправлявшиеся за ясаком¹⁷. Вторым наиболее сильным племенем были намясинцы, или наматы, – тунгусы, подверженные сильному влиянию монгольской культуры, склонные к «измене» и переходу в земли монголов [Долгих, 1960, с. 335–336, 338–339, 344–345, 347, 349; Зуев, 2020].

Коренные жители Нерчинского уезда, платившие ясак, считались подданными России. Они могли рассчитывать на самую главную царскую «милость», которая обещалась им при приведении в подданство, – защиту. В ситуации, когда русские власти игнорировали обеспечение их безопасности, начинался переход в зону влияния другого сюзерена [Зуев и др., 2017, с. 268–292]. В условиях Нерчинского уезда это было несложно, так как большинство коренных жителей вели кочевой образ жизни и могли уйти под защиту монгольских правителей.

К моменту приезда Шульгина самой важной проблемой в Нерчинском уезде было давление табунотов на телембинских ясачных людей. Это монголоязычное племя традиционно занимало большую территорию, прилегающую к р. Селенге. Здесь, по подсчетам Долгих,

---

зирали за крестьянами, «посажеными на пашню» на Лавкаевом лугу недалеко от Албазина по приказу нерчинского приказного человека Л. Б. Толбузина. Из Нерчинска шло снабжение албазинских казаков порохом и свинцом. В то же время они сами определяли время и направление военных походов против коренных народов, живших в бассейне Амура, в том числе нарушая приказы нерчинских приказчиков. Это стремление албазинского войска к «казачьей вольности» проявляло себя и после того, как в 1675 г. албазинцы были прощены царем и стали получать государственное жалование, а острогом стали управлять люди, назначаемые нерчинской администрацией.

¹⁵ Шульгин умер на третьей неделе по Пасхе 1678 г.

¹⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 38. Ст. 3.

¹⁷ Например, летом 1675 г. дуликагирские тунгусы из улуса Гантимура сопровождали нерчинского десятника В. Захарова в поездке к намясинским тунгусам, пожелавшим платить ясак (Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 44. Ст. 5–6).

жило около четырех тысяч табунутов. Еще две тысячи переходили на земли, контролируемые нерчинскими служилыми людьми. С 1664 г. табунуты, имевшие не менее 1 000 воинов, регулярно нападали на тунгусов в районе Еравнинских озер, рек Хилок, Кудунуй и др. [Долгих, 1960, с. 321–322, Александров, 1984, с. 71; Красноштанов, 2008, с. 203]. Жалобу об этом Шульгин получил, когда ехал принимать в свое управление Нерчинский уезд и остановился в Телембинском остроге. Ясачные тунгусы отметили, что табунуты с 1670 по 1673 г. убили у них больше 30 лучших людей¹⁸, «и детей в полон емлют, и животы грабят, и лошади, и скот отгоняют»¹⁹ [Красноштанов, 2008, с. 202].

В первую очередь нерчинский приказчик попытался выяснить, кому подчиняются табунуты. По сведениям ясачных людей, это был монгольский Очирой Саин хан. 23 декабря 1673 г. Шульгин отправил к нему сына боярского Бориса Ложкина, подьячего Данила Карташева, рядовых казаков Григория Булыгина и Карпа Юдина с просьбой «унять» агрессоров²⁰. Однако табунуты не пропустили посыльных через свои земли. Они вернулись назад 20 февраля 1674 г. в сопровождении табунутских посланцев [Александров, 1984, с. 71]. Представители тайшей²¹ Кетайчжи и Иркема известили Шульгина о том, что табунуты никому не подчиняются, а угождая, примыкающие к Телембинскому острогу, считают своими. В ответ Шульгин попросил передать, что если они без разрешения будут кочевать по Хилку и около Еравнинских озер, нападая на русских подданных, то он прикажет «из даурских острогов огрозиться ратными людьми без пощады». Однако реакции на его угрозу не последовало. Видимо, табунуты помнили нерешительную политику Аршинского. Весной 1674 г. они были в «днище» от Телембинского острога. Поэтому ясачные тунгусы были вынуждены жить недалеко от него под охраной служилых людей [Красноштанов, 2008, с. 202–203].

1 мая 1674 г. Шульгин собрал для нападения на табунутов значительные силы, включавшие служилых, охочих (добровольцев) и ясачных людей²². Походом командовали его сын Василий, нерчинский сын боярский Григорий Лоншаков и албазинский пятидесятник Никифор Черниговский. Отряд выбил табунутов от Еравнинских озер, встретив их в полутора днях пути от Телембинского острога. Кочевники потеряли в бою больше 100 воинов [Долгих, 1960, с. 322; Красноштанов, 2008, с. 203–204]. Этот «погром», по сообщению селенгинского приказного человека Гаврилы Ловцова, стал причиной «задора» с другими табунутскими тайшами, которые угрожали походом на Селенгинск и Братские остроги. По этой причине селенгинцы в августе 1674 г. боялись выезжать за ясаком (ДАИ, 1857, т. 6, № 114, с. 353–354). 5 декабря 1674 г. селенгинский приказной человек прислал Шульгину вестовую отписку, сообщив о том, что 500 табунутских воинов идут в Нерчинский уезд войной (ДАИ, 1859, т. 7, № 67, с. 324). Поэтому в январе 1675 г. Шульгин приказал нерчинскому сыну боярскому Бажену Никитину быть готовым к приходу противника к Телембинскому острогу²³. Однако опасения не подтвердились. Табунуты не напали. Таким образом, смелые действия Шульгина решили 10-летнюю проблему безопасности телембинских ясачных людей.

Победа над табунутами имела большое значение для укрепления русской власти в Забайкалье. В декабре 1674 г. (не позднее 10-го числа²⁴) нерчинские дети боярские Г. Лоншаков и Игнатий Милованов отправились в монгольские земли для покупки скота. Здесь по приказу Шульгина они призвали брацких людей, отогнанных монголами в 1669 г., назад в русские владения. В январе 1675 г. больше 1 000 улусных людей князца Зербо, включая 20 представителей племенной аристократии, вышли к Нерчинску. Предполагалось, что они перейдут

¹⁸ Пример одного из этих нападений приводит Долгих, отмечая, что в 1672 г. табунуты «побили» под Иргенским острогом 40 чел. баягирских тунгусов [Долгих, 1960, с. 339].

¹⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 20. Сст. 1–3.

²⁰ В Архиве СПбИИ РАН сохранилась наказная память Шульгина нерчинским служилым людям, возглавляемым Б. Ложкиным, о выезде за Еравнинскую степь к Очирой хану (Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 20. Сст. 1–3).

²¹ Монгольский титул для обозначения вождя племени, родовой группы.

²² По данным В. А. Александрова, 400 чел. [Александров, 1984, с. 71].

²³ Архив СПбИИ РАН. Кол. 18. Оп. 1. № 4. Л. 1.

²⁴ Там же. Ф. 96. Д. 22. Сст. 1.

к Байкалу и на о. Ольхон через Баргузинский острог. Однако Шульгин и Зербо не договорились об условиях этого перехода. Разногласия вылились в бой бурят с нерчинскими казаками, произошедший не позднее сентября 1675 г. на р. Торге. Служилые люди потеряли убитыми двух человек и многих ранеными. В итоге из вероятного союзника Зербо стал противником. Его люди отогнали от Нерчинска государственных и личных коней нерчинских казаков²⁵ (АИ, 1842, № 250, с. 539–540; ДАИ, 1859, т. 7, № 73, с. 344; № 75, с. 371–372).

8 июля 1675 г. Шульгин отправил к монгольскому Дайкон тайше десятника Филиппа Свешникова²⁶, рядовых казаков Василия Милованова, Петра Якимова и толмача Григория Харитонов. Взяв у монголов проводников, они должны были ехать вверх по р. Онону до улуса тайши. Посланцам предписывалось предложить ему перейти в русское подданство, чтобы «великий государь на него Дайкон тайшу войною послать не велел», а «пожаловал... ево... ото всяких неприятельских людей оборонять своими... людьми». Шульгин объявлял, что ушедшие к Нерчинску брацкие люди принадлежат России, так как «искони... великому государю ясак платили». Ф. Свешников не получал полномочий решать серьезные вопросы и должен был предложить Дайкон тайше прислать своих посланников в Нерчинск²⁷. Таким образом, Шульгин не только старался наладить диалог, избежав конфликта, но и демонстрировал уверенность в своих силах, возможно, рассчитывая подтолкнуть к переходу в русские земли других кочевников.

Данная политика приносила свои плоды. В 1677 г. монгольский князец Мунгутей сообщил Ярофею Могулеву, покупавшему в его улусе скот, о том, что он хочет перейти под защиту Нерчинска. 18 августа 1677 г. Шульгин приказал Я. Могулеву, В. Милованову и толмачу Дмитрию Суетину отправиться вверх по Онону в кочевья Мунгутея. Они должны были передать весть о том, что нерчинский приказчик готов принять его в русское подданство. В памяти посланцам Шульгин обращал внимание на то, что при успехе миссии об их личном вкладе будет написано в Москву. Таким образом, нерчинский приказчик стимулировал своих подчиненных к активности²⁸.

Во время переговоров с кочевниками Шульгин был осторожен. Это хорошо иллюстрирует случай во время одного из визитов посланцев мунгальского контайши в Нерчинск. По приказу П. Я. Шульгина им выдали вино – выпить за «государское многолетнее здоровье». Приняв чаши, послы «поднесли» одну из них самому приказчику, но он отказался ее выпить, вероятно, опасаясь отравления²⁹.

Часть ясачных тунгусов, кочевавших около рек Чита, Онон, Ингода и др., подвергалась набедам «немирных» тунгусских родов чемчагиров, поинкинов, каранутов и онкотов, которые угоняли конные табуны и скот. Общее число воинов «воровских людей» в этом районе достигало 250 чел. Наибольшему давлению подвергался Луникирский род [Долгих, 1960, с. 342, 346–347]. Несмотря на то, что масштаб этих нападений был значительно меньше, чем со стороны табунотов, Шульгин серьезно относился к этой проблеме.

В июле 1675 г. (не раньше 15-го числа) князец Луникирских тунгусов Балбач сообщил о том, что «воровские» тунгусы Ижевцево рода вместе с намясинцами убили у него двух лучших человек, и попросил «дать свою государскую оборону». Шульгин отреагировал решительно. В том же месяце он разослал весть об опасности в Телембинский, Иргенский и Еравнинский остроги и стал тайно собирать силы в Нерчинске для незамедлительного удара по «ворам». Кроме служилых людей в поход должны были выйти «ясачные иноземцы», а также добровольцы из числа ссыльных людей, служивших в Телембинском остроге. Так как в войске было мало начальных людей, Шульгин приказал телембинскому приказному человеку Г. Лоншакову, имевшему большой опыт противостояния табунотам, передать дела

²⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 30. Ст. 1; Д. 42. Ст. 3, 15.

²⁶ В наказной памяти среди посыльных записан и десятник Яков Максимов, но его имя зачеркнуто.

²⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 30. Ст. 1 – 3 об.

²⁸ Там же. Д. 45. Ст. 1–2.

²⁹ Там же. Д. 42. Ст. 13.

нерчинскому сыну боярскому Б. Никитину и срочно отправляться на место сбора³⁰. К сожалению, мы не знаем результата этого похода. Однако благодаря таким действиям Шульгина ясачные люди могли быть довольны подданством России. Долгих отмечает, что, имея за плечами поддержку русских, нерчинские тунгусы стали сами вторгаться по рекам Онону и Аге в монгольские земли [Долгих, 1960, с. 350].

Ситуация в Приамурье также требовала активного вмешательства. В 1676/1677 гг. на Зею бежали ясачные тунгусы, которые перебили в Майском зимовье служилых людей во главе с Иваном Карасем и забрали своих аманатов. На Зее они объединились с «прежними изменниками» тунгусами Петрушкина рода. Сюда же откочевали ясачные якуты. Шульгин писал о них: «...живут с теми де ворами кочуют неподалеку». Понимая, что сил, которыми он располагает, недостаточно для большого похода на Зею, приказчик просил якутского воеводу А. А. Барнешлева прислать в Приамурье служилых людей. Эти планы, вероятно, оказались нереализованными, так как Якутский уезд испытывал дефицит военных людей³¹.

Несмотря на то, что отношения администрации Нерчинска и албазинцев, стремившихся к казачьей вольнице, были сложными, Шульгин укреплял позиции албазинских казаков. Не позднее конца августа 1675 г. Шульгин направил в Албазинский острог, не имевший артиллерии, «пищаль медную» длиной два аршина и весом шесть пудов с полупудом и «пищаль затинную железную» длиной три аршина, поступившие из Енисейска в Нерчинск в 1672 г. [Трухин, 2020, с. 204] (АИ, 1842, № 226, с. 482). Кроме того, Шульгин одобрял нападения албазинских казаков на тунгусов Петрушкина рода, но отмечал недопустимость своевольных походов, которые могли нанести ущерб ясачным людям³². Нерчинский приказчик понимал, что усиление влияния гарнизона Албазинского острога в Приамурье ослабляет маньчжурское влияние, которое вызывало волнения коренных народов вплоть до оз. Байкал.

Вторым по значимости направлением деятельности Шульгина было разрешение русско-аборигенных конфликтов в пределах Нерчинского уезда. Не позднее лета 1670 г. «изменил» ясачный тунгус Якутского уезда Онкоулко (Анкоулка) Сегленкин со своим родом. Поводом для этого послужили «налоги и насильства сына боярского Матвея Веснина, сотника Третьяка Зырянова и иных немногих толмачей и служилых людей», собиравших ясак в Чаринском зимовье. Онкоулко и его люди стали кочевать в Даурии, переходя оттуда севернее в верховья Олёкмы. В конце 1673 г. (не позднее 20 декабря) они осмелели настолько, что пришли под Албазинский острог. Тунгусы стали нападать на албазинских промысловых и служилых людей, занимавшихся пушным промыслом, убив трех из них. Остальные были вынуждены укрыться в Албазине³³ (ДАИ, 1857, т. 6, № 22, с. 153–154).

Эти события совпали со временем, когда Шульгин только прибыл в Нерчинск и принял его в свое управление. Получив сведения о ситуации под Албазином, он действовал быстро. В первую очередь Шульгин поставил управлять Албазинским острогом своего человека – нерчинского казака Семёна Михайлова Вешняка³⁴, который вступил в должность албазинского приказного человека 10 февраля 1674 г. спустя всего 20 дней после получения известий о нападении тунгусов. Это был первый приказчик в Албазине, назначенный из Нерчинска. Таким образом, албазинцы теряли значительную часть своей «вольности», но, видимо, масштаб опасности со стороны тунгусов воспринимался ими как исключительный, поэтому они согласились перейти под прямое управление нерчинской администрации. Затем, заручившись государственным указом, Шульгин приказал Вешняку и албазинцам «походами или на промыслах изымать Анкоулку или сына его взять в аманаты». Приказ был «накрепко»

³⁰ Архив СПбИИ РАН. Кол. 18. Д. 5. Л. 1–2.

³¹ Там же. Ф. 96. Д. 28. Ст. 8.

³² Там же. Д. 38. Ст. 2–3.

³³ Там же. Д. 28. Ст. 6.

³⁴ Не позднее 31 августа 1675 г. С. Вешняка сменил тобольский пятидесятник А. Шехтин (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 102. Л. 1).

передан «во всех зимовьях на промыслах»³⁵ (Албазинское воеводство, 2019, № 20, с. 102–103).

Меньше чем через два месяца на р. Нюкзе, правом притоке р. Олёкмы, промышленными людьми Якутского уезда были взяты в аманаты чаринские тунгусы Киндигирского рода: брат Онкоулко Такиля (Терешка) с сыном Теленпием (Туленца) и его же дядя Кирикан. Их поместили в Нюкзенское зимовье, которое вскоре осадили тунгусы, надеявшиеся отбить родственников. Бывшие в осаде промышленные люди Е. Григорьев, М. Мусатов и еще 5 чел. смогли выбраться из зимовья, чтобы привести помощь своим товарищам, продолжавшим удерживать аманатов. Они добрались до Албазинского острога, где 5 апреля 1674 г. сообщили об обстановке. 15 апреля 1674 г. на выручку осажденным в Нюкзенском зимовье людям отправились 60 албазинских казаков во главе с десятником А. Прокопьевым. Они «оборонили» (т. е. защитили) промышленных людей и забрали аманатов из Нюкзенского зимовья в Албазинский острог. Тунгусы, возглавляемые Демкой Анкаулевым, понимая, что силой вопрос возвращения родных не решить, попросили об уступках. Они предложили заменить в аманатах Такиля на его сына Теринца, а Туленцу на его брата Бартынея и, самое главное, разрешить им отдавать заложников и приносить ясак в Албазинский острог, не выдавая их назад в Якутский уезд, где они подвергались притеснениям. Кроме того, они обещали захватить аманатов у «немирных» тунгусов Петрушкина рода и передать их албазинцам. Все их просьбы были удовлетворены. Таким образом, был создан прецедент, когда под контроль албазинской администрации перешли тунгусы, прежде платившие ясак в Якутском уезде³⁶.

Якутский воевода А. А. Барнешлев писал Шульгину о том, что чаринские тунгусы Киндигирского рода вынуждены платить ясак в Якутск и в Албазин, так как их заложники находились в обоих острогах. Он считал действия албазинцев неправомерными. Однако Шульгин в переписке с Барнешлевым отстаивал законность перехода аманатов из рода Онкоулко в Албазин, обращая внимание на то, что он действовал с ведома Москвы и Тобольска. Правильность его решения была подтверждена уже в этом же году³⁷.

24 ноября 1674 г. в Баунтовском остроге изменили тунгусы Киндигирского рода во главе с князем Мунго и Челкагирского рода, возглавляемого Дербугой. Соединившись с «захребетными» тунгусами, они напали на Баунтовский острог и, ранив несколько служилых людей, отбили аманатов. Мунго грозился сжечь Баунтовский острог, высказывая желание «идти с войною» и на другие русские укрепленные пункты. Шульгину стало известно от нерчинских служилых и промышленных людей, которые промышляли соболя, что «воры» с Мунго прошли вниз по хребтам и по р. Шилке к Албазинскому острогу на соединение с тунгусами Онкоулка³⁸. В Албазин срочно отправились «нарошние» гонцы, нерчинские казаки: десятник Яков Максимов и рядовой Митка Тимофеев. Шульгин приказал Максиму при приближении баунтовских тунгусов к Албазину взять у них аманатов «разговорами» или «за боем». Мы не знаем подробностей появления Мунго в Приамурье, но, вероятно, он не нашел здесь поддержки. Не последнюю роль в этом сыграло то, что родственники мятежника Онкоулко сидели в албазинской аманатской избе. Не позднее 3 февраля 1676 г. Мунго вернулся в Баргузинский уезд, дал аманата и стал платить ясак «по прежнему». Баргузинский приказчик Богдан Несвитаев отметил, что Баргузинский, Ангарский, Баунтовский и Кучинский остроги жили в это время «смирно и безмятежно» (АИ, 1842, № 258, с. 561–562; ДАИ, 1857, т. 6, № 122, с. 367–368; 1859, т. 7, № 73, с. 343). Таким образом, расчетливые действия Шульгина в Приамурье привели к стабилизации обстановки в Прибайкалье.

³⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 28. Сст. 6–7.

³⁶ Там же. Сст. 7–8.

³⁷ Там же. Сст. 8.

³⁸ Киндигиры Якутского уезда, кочующие в бассейне реки Чары, платили ясак в Олёкминский острог и традиционно взаимодействовали с витимскими (баунтовскими) киндигирами. Их переходы с р. Чары на оз. Баунт и обратно были обычным делом. Перемещение тунгусов от Баргузинского и Баунтовского острогов на территории, прилегающие к Албазинскому острогу, продолжались и в 1680-х гг. В основном эти процессы были связаны с недовольством притеснениями со стороны ясачных сборщиков [Долгих, 1960, с. 305, 312].

С другой стороны, Шульгин осторожно относился к ясачным людям, переходившим из одного уезда в другой. В 1674/1675 гг. тунгусы Киндигирского рода князца Немтия (Нелтия) бежали из ведомства Баргузинского острога в Нерчинский уезд³⁹. Баргузинский приказчик Б. Несвитаев прислал из Баргузинского острога в Телембинский енисейских служилых людей во главе с Сергушкой Игнатьевым с просьбой содействовать в «аманатской поимке» беглецов. По приказу телембинского приказного человека, нерчинского сына боярского Б. Никитина нерчинские казаки поймали у перебежчиков двух «лутчих мужиков» Халбея и Челнугу и «посадили в железо». Однако их родственники, как и в описанном случае под Албазином, били челом с просьбой давать аманатов и платить ясак в Телембинский острог, а не в Баунтовский, где «за обидою и налогом» енисейского казака Елистратка Брюхова «платить им ясаку не в мочь». Шульгин, не имея на этот счет государева указа, приказал отдать аманатов енисейским служилым людям, чтобы «в Баргузинском и Баунтовском острогах в... ясачном сборе помешки не было». При этом он четко обозначил свое нежелание претендовать на «чужих» ясачных плательщиков⁴⁰: «как впредь будут поиманы и иных родов Баунтовского ясаку тунгусы, и я потомужь отошлю их в Баргузинской острог не задержав» (АИ, 1842, № 258, с. 561–562; ДАИ, 1857, т. 6, № 122, с. 368).

Шульгин создавал благоприятные условия для возвращения нерчинских «иноземцев», ушедших из сферы подчинения России. 31 июля 1677 г. Сонбукой – сноха намясинского шуленги⁴¹ Анки, сообщила в нерчинской съезжей избе через своего мужа Мынгя о том, что Анки кочует в трех днях пути от Нерчинска на Борзинских высотах. Его лучшие и все улусные люди во главе с Токоем стояли всего в «полуднище» на ключе Урдубулак. Намясинцы «изменили» в 1674/1675 гг. Они отогнали от Нерчинска 12 «государевых» и 250 казачьих лошадей, перебив несколько служилых людей. Теперь же Анки снова был готов платить ясак в Нерчинск, и ждал к себе ясачных сборщиков, обещая вернуть украденные табуны. Однако он не хотел приближаться к Нерчинску, опасаясь «аманатской поимки». К шуленге (не раньше 19 августа 1675 г.) отправился нерчинский казачий десятник В. Захаров с казаками и толмачами С. Анисимовым и Г. Расторгуевым. Несмотря на то, что намясинцами были убиты русские люди, Шульгин принял условия Анки, руководствуясь в первую очередь государственными интересами. Более того, условия платы ясака были льготными: три соболя с человека с возможностью заменить их скотом, а в крайнем случае – лошадьми⁴². Ясачным сборщикам запрещалось брать только «худую животину»⁴³. Отметим, что Шульгин старался не «перегибать палку» в отношении ясачных людей, предоставляя им и отсрочку в платеже⁴⁴. Например, тунгусам Челкагирского рода оставили лошадей, так как они были «нужны» (т. е. находились в плохом состоянии), и забрали их позднее⁴⁵.

³⁹ Вероятно, до этого киндигирские тунгусы князцов Нелтия и Калбея пытались уйти из зоны влияния баунтовских служилых людей законным путем. Они попросили баргузинского приказчика перевести их с оз. Баунт на Еравну, построив там острог для сбора ясака, обосновав просьбу нехваткой пастбищ. Шульгин не препятствовал строительству, несмотря на то, что эта территория традиционно входила в сферу интересов администрации Нерчинска. До этого нерчинский приказчик Л. Б. Толбузин вел себя по отношению к представителям соседнего уезда более агрессивно. В 1667/1668 гг. он сжег Еравнинский острог, поставленный баргузинскими служилыми людьми. Кроме того, он задержал в Нерчинском уезде племя тунгусов баликагиров, кочевавших к Баргузину (ДАИ, 1857, т. 6, № 118, с. 364–365) [Долгих, 1960, с. 343].

⁴⁰ Ситуации, когда ясачные плательщики становились причиной конфликта между уездами, были нередкими. Например, в 1676/1677 гг. на р. Лене якутские казаки поймали баунтовских ясачных тунгусов Киндигирского рода. Енисейский воевода попросил вернуть их в Баунтовский острог, а якутский воевода, в свою очередь, просил енисейцев вернуть в Чаринское зимовье перешедших к ним тунгусов Чуганского рода. Правительство поручило разобраться в причинах перехода ясачных людей, чтобы избежать «промеж городов ссоры» (ДАИ, 1862, т. 8, № 44, с. 172–173).

⁴¹ Шуленга – тунгусский или бурятский князец, глава племени, рода.

⁴² Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 44. Сст. 1–6.

⁴³ Там же. № 23. Сст. 1.

⁴⁴ Случаи, когда ясачные люди уклонялись от платежа, также имели место. Например, в 1676 г. тунгусы, приписанные к Телембинскому острогу, «раскочевались врозь», не уплатив ясак (ДАИ, 1859, т. 7, № 32, с. 193–194).

⁴⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 44. Сст. 4.

В то же время Шульгин, укрепляя свою власть, часто играл на противоречиях разных родоплеменных групп Забайкалья. Это следует из материалов «судного дела», в котором был собран ряд обвинений, выдвинутых против Шульгина нерчинскими казаками. В них отмечено, что по «подговору» нерчинского приказчика сын князя Катана, Гантимуров внук Шуленского рода Алдар отогнал табун у брата Катана Бородоя, младшего сына Гантимура, шуленга Уляцкого рода Чечек и тунгус Кучилиновского рода Залгитай украли табуны у монголов, а тунгус Калтагирского рода Матанга – у брацких ясачных людей. Все они из своей добычи дали Шульгину, а также его «потаковщикам» (помощникам) Филиппу Яковлеву и толмачу Григорью Харитонову по «доброму коню». Алдар также свидетельствовал в Енисейске о том, что он, кроме трех соболей государственного ясака, давал Шульгину и его сыну Василию еще по два соболя⁴⁶. Подобные действия не только были незаконны, но и наносили прямой ущерб государству. Например, брацкие шуленги Абахай и Тураки со своими людьми перестали платить ясак и ушли от Нерчинска, так как их табуны были отогнаны луникирскими тунгусами Балбачом и Тебенчой, действовавшими по приказу Шульгина⁴⁷ (ДАИ, 1859, т. 7, № 75, с. 372).

В феврале – марте 1677 г. нерчинские казаки обвинили Шульгина в ряде противоправных действий⁴⁸. Мы не будем останавливаться на них подробно, отметим только, что такие же злоупотребления совершались многими начальными людьми, занимавшими административные должности в Сибири [Александров, Покровский, 1991]. Масштаб нарушений, совершенных Шульгиным, не был расценен в Енисейске как повод для немедленного отстранения его от власти. Часть обвинений, особенно тяжких, таких как продажа его сыном Василием китайским людям огнестрельного оружия, пороха и свинца⁴⁹, видимо, не подтвердились. Кроме того, Шульгина не поддерживала только часть служилых людей в Нерчинске. В оппозиции к нему были такие казачьи лидеры, как Григорий Лоншаков, Семен Вешняк, Иван Астраханцев, Василий Захаров. На стороне приказчика остались Никифор Сенотрусов и Филипп Яковлев⁵⁰ (ДАИ, 1859, т. 7, № 75, с. 374) [Трухин, 2021]. Данное разделение показывает, что деятельность Шульгина, вызвавшая возмущение части нерчинских детей боярских и казаков, расценивалась неоднозначно и в рамках одного коллектива. Расследование должно было начаться тобольским сыном боярским Андреем Строгановым не раньше осени 1677 г., а Шульгин оставался на своем посту до самой смерти от болезни весной 1678 г.

Итак, за время своего руководства Нерчинским уездом Павел Яковлевич Шульгин кардинальным образом изменил позиции российской власти в Восточном Забайкалье. Успешные военные предприятия следовали в ответ на любую агрессию по отношению к контролируемому из Нерчинска ясачному населению. Образ русских как защитников стал привлекательным и соответствовал обещаниям, которые получали «иноземцы» при объяснении. Уход братских людей, тунгусов и намясинцев под власть монгольских предводителей сменился обратной тенденцией. В то же время Шульгин укрепил позиции России в Приамурье, вооружая казаков Албазинского острога и стимулируя их продвижение в бассейн Зеи. Нерчинский приказчик активно использовал и «мирные» средства влияния на «иноземцев»: переговоры, учет реальных возможностей плательщиков ясака, уплата дани без выдачи аманатов и др. Таким образом, умелая политика, сочетавшая в себе элементы силового давления и диплома-

⁴⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 42. Сст. 9, 12–13, 21.

⁴⁷ Там же. Сст. 17.

⁴⁸ Зимой (не раньше конца февраля) 1677 г. в Енисейской приказной избе боярину и воеводе князю И. П. Бояртинскому и дьяку Василию Телицыну нерчинский казак Евдокимко Алексеев и тунгус Алдар Катанин подали «черную» (черновую) челобитную с обвинениями против нерчинского приказчика. «Белую» челобитную везли зачинщики бунта С. Вешняк и С. Федоров, но ее отнял Шульгин со своими соратниками. Расследование выдвинутых обвинений Енисейск возложил на А. Строганова. Вероятно, оно так и не началось до смерти Шульгина (Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 42. Сст. 1, 12, 20–21).

⁴⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 42. Сст. 20.

⁵⁰ Там же. Сст. 8, 13; РНБ. Инвентарная опись основного собрания русских актов и грамот. Ч. 3. Годы 1673–1683. № 2626.

тии, помогла Шульгину создать благоприятные условия для расширения зоны влияния Российского государства в Даурии.

Список литературы

- Александров В. А.** Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаровск. кн. изд-во, 1984. 272 с.
- Александров В. А., Покровский Н. Н.** Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, 1991. 401 с.
- Артемьев А. Р.** Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII в. Владивосток: Дальнаука, 1999. 336 с.
- Багрин Е. А.** Вооруженные силы Нерчинского уезда в 1660–1670-е гг.: к вопросу о кризисе системы обороны Восточного Забайкалья // Учен. зап. Крм. федерал. ун-та им. В. И. Вернадского. Исторические науки. 2021. Т. 7, № 3. С. 14–33.
- Беспрозванных Е. Л.** Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII – середина XIX в. Хабаровск: Хабаровск. кн. изд-во, 1986. 336 с.
- Васильев А. П.** Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита: Тип. Войскового хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска, 1916. Т. 1. 232 с.
- Долгих Б. О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 622 с.
- Зуев А. С.** Богдойский боярин Гантимур: рождение и развенчание мифа // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 8. С. 9–34. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-8-9-34
- Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А.** Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск: НГУ, 2017. 444 с.
- Красноштанов Г. Б.** Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. Иркутск: Репроцентр А1, 2008. 378 с.
- Леонтьева Г. А.** Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М.: МПГУ, 2012. 321 с.
- Люцидарская А. А., Каменецкий И. П.** Стрелецкий и казачий голова Яков Шульгин и его потомки на службе в Сибири в XVII в. // Гуманитарные проблемы военного дела. 2020. № 4 (25). С. 83–88.
- Мясников В. С.** Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск: Хабаровск. кн. изд-во, 1987. 514 с.
- Трухин В. И.** Албазинский острог: от «рописи» до «рописи» // История России, Венгрии и Китая в исследованиях современных ученых. Сборники Президентской библиотеки. СПб., 2020. Вып. 5. С. 200–215. (Серия «Электронный архив»)
- Трухин В. И.** История Албазинского острога в персоналиях: Григорий Лоншаков – приказной человек Албазинского острога в 1678–1679 годах // Град Албазин: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. «Новиковские чтения». 14–15 октября 2021 г. Благовещенск, 2021. URL: http://albazin.ucoz.ru/news/istorija_albazinskogo_ostroga_v_personalijakh_grigorij_lonshakov_prikaznoj_chelovek_albazinskogo_ostroga_v_1678_1679_godakh/2021-10-27-283 (дата обращения 04.11.2021).

Список источников

- АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1842. Т. 4. 592 с.

- Албазинское воеводство (сборник документов). Библиотека дальневосточного казачества / Сост. В. И. Трухин, В. В. Крюков. Хабаровск, 2019. 628 с.
- ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1857. Т. 6. 503 с.; 1859. Т. 7. 385 с.; 1862. Т. 8. 359 с.

References

- Aleksandrov V. A.** Rossiya na dal'nevostochnykh rubezhakh (vtoraya polovina XVII v.) [Russia at the Far Eastern Borders (2nd Half of the 17th Century)]. Khabarovsk, Khabarovsk Book Publ., 1984, 272 p. (in Russ.)
- Aleksandrov V. A., Pokrovsky N. N.** Vlast' i obshchestvo. Sibir' v XVII v. [Government and Society. Siberia in the 17th Century]. Novosibirsk, Nauka, 1991, 401 p. (in Russ.)
- Artemyev A. R.** Goroda i ostrogi Zabaikal'ya i Priamur'ya vo vtoroi polovine XVII – XVIII v. [Towns and Forts of Transbaikalia and Priamurye in the 2nd Half of the 17th – 18th Century]. Vladivostok, Dal'nauka, 1999, 336 p. (in Russ.)
- Bagrin E. A.** Vooruzhennyye sily Nerchinskogo uyezda v 1660–1670-e gg.: k voprosu o krizise sistemy oborony Vostochnogo Zabaikal'ya [Military Forces of Nerchinsk District in 1660s – 1670s. Crisis of Defense System of the Eastern Transbaikalia]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki* [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical Science], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 14–33. (in Russ.)
- Besprozvannykh E. L.** Priamur'e v sisteme russko-kitaiskikh otnoshenii: XVII – seredina XIX v. [Priamurye in the System of Russian-Chinese Relations: 17th – mid-19th Century]. Khabarovsk, Khabarovsk Book Publ., 1983, 206 p. (in Russ.)
- Dolgikh B. O.** Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII v. [Clan and Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th Century]. Moscow, AS USSR Publ., 1960, 622 p. (in Russ.)
- Krasnoshtanov G. B.** Nikifor Romanov Chernigovsky: dokumental'noe povestvovanie [Nikifor Romanov Chernigovsky: Documentary Narration]. Irkutsk, Reprotsentr A1 Publ., 2008, 378 p. (in Russ.)
- Leontyeva G. A.** Sluzhilye lyudi v Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XVII – pervoi chetverti XVIII v. (po materialam Irkutskogo i Nerchinskogo uezdov) [Service People in Eastern Siberia in the 2nd Half of the 17th – 1st Quarter of the 18th Century (Based on Materials from the Irkutsk and Nerchinsk Uezd)]. Moscow, MPSU Press, 2012, 321 p. (in Russ.)
- Lyutsidarskaya A. A., Kamenetsky I. P.** Streletskii i kazachii golova Yakov Shul'gin i ego potomki na sluzhbe v Sibiri v XVII v. [Streletsky and Cossack Head Yakov Shulgin and his Descendants in the Service in Siberia in the 17th Century]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela* [Humanitarian Problems of Military Affairs], 2020, no. 4 (25), pp. 83–88. (in Russ.)
- Myasnikov V. S.** Imperiya Tsin i Russkoe gosudarstvo v XVII v. [Qing Empire and the Russian State in the 17th Century]. Khabarovsk, Khabarovsk Book Publ., 1987, 514 p. (in Russ.)
- Trukhin V. I.** Albazinskii ostrog: ot "rospisi" do "rospisi" [Albazin Ostrog: From One "Description Lists" to Another "Description Lists"]. In: *Istoriya Rossii, Vengrii i Kitaya v issledovaniyakh sovremennykh uchenykh. Sborniki Prezidentskoi biblioteki* [History of Russia, Hungary and China in Modern Scientific Studies. Collections of the Presidential Library]. St. Petersburg, 2020, iss. 5, pp. 200–215. (in Russ.) (Series "Electronic Archive")
- Trukhin V. I.** Istoriya Albazinskogo ostroga v personaliyakh: Grigorii Lonshakov – prikaznoi chelovek Albazinskogo ostroga v 1678–1679 godakh [The History of the Albazin Fortress in Personalities: Grigory Lonshakov – the Executive Officer of the Albazin fortress in 1678–1679]. In: *Grad Albazin. Materialy Mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Novikovskie chteniya"*. 14–15 oktyabrya 2021 g. [Grad Albazin. Proceedings of the Interregional Sci-

entific and Practical Conference “Novikov Readings”. October 14–15, 2021]. Blagoveshchensk, 2021. (in Russ.) URL: http://albazin.ucoz.ru/news/istorija_albazinskogo_ostroga_v_personalijakh_grigorij_lonshakov_prikaznoj_chelovek_albazinskogo_ostroga_v_1678_1679_godakh/2021-10-27-283 (accessed 04.11.2021).

Vasilyev A. P. Zabaikal'skie kazaki. Istoricheskii ocherk [Transbaikalsk Cossacks. Historical Essays]. Chita, Tipografiya Voiskovogo Khozyaistvennogo pravleniya Zabaikal'skogo kazach'ego voiska, 1916, vol. 1, 232 p. (in Russ.)

Zuev A. S. Boyar Gantimur from Bogdoy Khan: Birth and Debunk of a Myth. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 8, pp. 9–34 (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-8-9-34

Zuev A. S., Ignatkin P. S., Slugina V. A. Pod sen' dvuglavogo orla: inkorporatsiya narodov Sibiri v Rossiiskoe gosudarstvo v kontse XVI – nachale XVIII v. [Under the Canopy of the Double-Headed Eagle: The Incorporation of the Peoples of Siberia into the Russian State at the End of the 16th – Beginning of the 18th Century]. Novosibirsk, NSU Press, 2017, 444 p. (in Russ.)

List of Sources

Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu kommissieyu [Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii, 1842, vol. 4, 592 p. (in Russ.)

Albazinskoe voevodstvo (sbornik dokumentov). Biblioteka dal'nevostochnogo kazachestva [Albazin Voivodeship (Collection of Documents). Library of the Far Eastern Cossacks]. Comp. by V. I. Trukhin, V. V. Kryukov. Khabarovsk, 2019, 628 p. (in Russ.)

Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei [Addendums to Historical Acts, Collected and Published by Archaeographic Commission]. St. Petersburg, Tipografiya E. Pratsa, 1857, vol. 6, 503 p.; 1859, vol. 7, 385 p.; 1862. vol. 8, 359 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Егор Андреевич Багрин, кандидат исторических наук

Information about the Author

Egor A. Bagrin, Candidate of Sciences (History)

Статья поступила в редакцию 02.03.2022;
одобрена после рецензирования 07.04.2022; принята к публикации 24.05.2022
The article was submitted on 02.03.2022;
approved after reviewing on 07.04.2022; accepted for publication on 24.05.2022

Научная статья

УДК 94(47).05(570)

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-57-63

Планы строительства русских острогов в Западном Саяне и вторая Красноярская «шатость» (1718–1720 годы)

Сергей Григорьевич Скобелев

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

sgskobelev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4056-0670>

Аннотация

Проведен анализ сведений, касающихся истории создания острогов времени Петра I на Среднем и Верхнем Енисее. В одном из таких случаев, связанных с действиями и решениями общесибирской и местной администраций в конфликте с гарнизоном и населением Красноярского острога и округа в 1718–1720 гг., пришлось отказаться от планировавшегося сооружения острогов в Западном Саяне, на территории современной Тувы, в фактических владениях монгольских ханов, являвшихся подданными империи Цин. Эти малоизвестные в науке события получили название второй Красноярской «шатости». В ходе исследования выявлены и охарактеризованы относящиеся к ней факты, оценена степень их влияния на решения о строительстве новых острогов в Западном Саяне и Засаянье, показана деятельность центральной и местной администрации по преодолению подобных кризисных ситуаций, отмечены последствия таких действий.

Ключевые слова

Приенисейский край, эпоха Петра Великого, остроги, история, вторая Красноярская «шатость», последствия

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42058

Для цитирования

Скобелев С. Г. Планы строительства русских острогов в Западном Саяне и вторая Красноярская «шатость» (1718–1720 годы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 57–63. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-57-63

Plans for the Construction of Russian Forts in the Western Sayan Mountains and the Second Krasnoyarsk “Rebellion” (“Shatost”) (1718–1720)

Sergey G. Skobelev

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

sgskobelev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4056-0670>

Abstract

The history of the construction of Russian fortresses (ostrog) in Siberia offers many examples, of when due to various circumstances their rapid and full-fledged building, as well as effective use failed. This is also relevant for the time of construction of new fortification facilities in the basin of the Middle and Upper Yenisei during the exploration of these territories. As a result of the conflict (“rebellion”, “shatost”) between the local administration of the Krasnoyarsk district and the garrison the latter delayed or even refused to build fortresses. The article is aimed to identify and charac-

© Скобелев С. Г., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 57–63

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 57–63

terize the facts related to these phenomena. It considers the case, when, because of the actions and decisions of the all-Siberian and local administrations in a conflict with the garrison and the population of the Krasnoyarsk ostrog and the district in 1718–1720, the construction of the fort beyond the Sayan (modern Tuva), on the territory that was in the actual possessions of the Mongol khans, who were subjects of the Qing empire, was terminated. These events, rarely being in the focus of research, were called the second Krasnoyarsk “rebellion”. The article identifies and characterizes the circumstances related to it, assess their influence on decisions toward the construction of new forts, analyzes the activities of the central and local administrations to overcome such crisis situations, highlights the consequences of these actions, etc. It concludes by discussing some of the quality and features of the defense policy, regarding defense infrastructure in particular, in Siberia at the beginning of the 18th century.

Keywords

Yenisey territory, time of Peter the Great, ostrogs, history, second Krasnoyarsk “rebellion” (“shatost”), consequences

Acknowledgements

The study was funded by RFBR, project no. 20-09-42058

For citation

Skobelev S. G. Plans for the Construction of Russian Forts in the Western Sayan Mountains and the Second Krasnoyarsk “Rebellion” (“Shatost”) (1718–1720). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 57–63. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-57-63

В истории создания русских острогов в Сибири в петровское время известны и различного рода обстоятельства, препятствовавшие их быстрому и полноценному возведению, а также эффективному использованию. Это имело место и в ходе освоения территории бассейна Среднего и Верхнего Енисея. Так, при строительстве здесь новых объектов фортификации сложившиеся условия конфликта («шатости») между местной администрацией с одной стороны, гарнизоном и населением округа с другой привели к задержкам в работах и вообще отказу от строительства двух из трех запланированных первоначально острогов по Енисею – у Большого Камени и за Саяном, на территории современной Тувы [Бородаев, Контев, 2015, с. 202–203], в фактических владениях монгольских ханов, являвшихся подданными империи Цин. В результате возведен был только Саянский острог (1717–1718 гг.), располагавшийся на северной стороне Саяна. Эти малоизвестные в науке события получили название Второй Красноярской «шатости» [Быконя, 2014; Быконя, Чернышёва, 2019].

Целью настоящей работы является характеристика сути относящихся к данным событиям обстоятельств, в том числе негативных, приведших в Сибири в первой четверти XVIII в. к сносу под внешним давлением трех русских острогов. Задачи исследования сводятся к установлению и оценке степени влияния этих фактов на решения о строительстве новых острогов, показу деятельности центральной и местной администрации по преодолению кризисных ситуаций, характеристике последствий этих действий и т. д. Результаты работы станут иллюстрацией качества и особенностей управленческой политики в области оборонного зодчества Сибири в петровское время.

В связи с этим в первую очередь необходимо выявить причины «шатости», что важно для понимания сути происходивших тогда процессов в Красноярском остроге. Так, строительство русских острогов и иных оборонительных объектов в Сибири с ее ограниченными людскими ресурсами было весьма затратным делом. Необходимо было доставлять на большие расстояния к месту непосредственного строительства значительный объем продовольствия для пропитания гарнизона в ближайшие месяцы, инструментов и снаряжения различных видов, оружия, пороха и т. п. Достаточно полное представление о составе и объеме грузов для строительства можно составить на примере Косогольского острога, возведенного в 1716 г. на оз. Хубсугул: «пять пушек, знамя камчатое, 30 копей железных на древках, 292 ядра чюгуновых, пушечной железной дробы 70, да пороху 13 пуд 2 чети, свинцу 24 пуда 31 фунтов, да муки ржаной 315 пуд 3 чети, 6 напарей железных, 5 пазников да пешня железные, кузнечной снасти – мехи, наковальня, 4 клещи, 2 молота боевых, один ручной, тиски большие... да 8 фунтов шар, 90 сажень варовых снастей, да служилых людей 158 человек» [Харинский и др., 2021].

Для создания острогов привлекалась рабочая сила, часто исчислявшаяся сотнями служилых людей и прочих категорий строителей, из ряда ближайших острогов. Такой труд надолго отвлекал их от занятий по своему хозяйству. Конечно, следует отметить, что остроги по Енисею строились не каждый год, и бывшие строители имели большие промежутки времени для восстановления хозяйства в рамках своих обычных служебных обязанностей. Так, для Красноярского острога как уездного центра это были Канский (1636 г.), первый и второй Абаканские (1675 и 1707 гг.), Караульный (1675 г.), Ломовской (1675 г.), Саянский (1717–1718 гг.) остроги [Бахрушин, 1955; Быконя, 2014].

Обращает на себя внимание 1675 г., когда красноярцы, по данным С. В. Бахрушина, участвовали в строительстве якобы сразу трех острогов – первого Абаканского, Верхнего Караульного и Ломовского [Бахрушин, 1955, с. 212]. Три острога в год – это нечто невероятное для небольшого в целом гарнизона Красноярска. Поэтому мы можем допустить вероятность ошибки в таком определении дат создания этих трех острогов, для чего требуется специальное изучение. В остальное же продолжительное время гарнизон для строительства новых острогов массово не привлекался вплоть до 1707 и 1718 гг., когда ставились второй Абаканский и Саянский остроги [Быконя, 2014].

Кроме того важны были:

- выбор места для строительства, доступного для продвижения к нему из уже обжитых мест как по суше, так и по воде; особенно актуальным это было для намеченных к созданию в Западно-Саянском каньоне Енисея двух новых острогов, пути к которым на то время сильно затруднялись по природным условиям;
- наличие поблизости строительных материалов в виде, желательно, соснового леса (так, на территории равнинной части Западной Сибири в связи с отсутствием на больших территориях сосновых лесов использовался березняк, который менее устойчив к гниению – например, палисад из березы стоял в Убинском форпосту); в Западно-Саянском каньоне Енисея сосновые леса имелись, но лишь отдельными участками;
- отсутствие угрозы затопления в ходе наводнений (например, из-за недостаточно высокого берега Енисея острог и город Енисейск неоднократно затапливались во время наводнений) [Степанов, 1997, с. 47];
- возможность ведения пашенного земледелия, заготовки сена, охоты и рыболовства в ближайших окрестностях и т. д. (в планируемых для острогов местах эти условия имелись в ограниченном виде).

Широко известно, что в Красноярском остроге в конце XVII – начале XVIII в. дважды имели место события, связанные с неповиновением большей части гарнизона и населения острога своим руководителям (воеводам и коменданту).

Первая «шатость» проходила в 1695–1698 гг. и была связана со злоупотреблениями властью воевод А. И. и М. И. Башковских [Оглоблин, 1901], затем С. И. Дурново [Быконя, 2014].

Вторая «шатость», история которой наиболее полно изучена Г. Ф. Быконей и его ученицей А. А. Чернышёвой, имела место в 1718–1720 гг. и кроме имущественных злоупотреблений коменданта Д. Б. Зубова связывалась непосредственно с недовольством правительственными требованиями о сооружении силами только красноярцев новых острогов в труднодоступной горно-таежной местности вверх по Енисею [Быконя, 2014; Быконя, Чернышёва, 2019]. Так, 6 июня 1717 г. первый сибирский губернатор князь М. П. Гагарин отдал распоряжение Зубову о строительстве двух острогов «выше Абаканского острогу у Саянского камня и за Саянским камнем». Целью создания острогов стало присоединение к России новых территорий в Западном Саяне и в Засаянье, что было необходимо для обеспечения предполагавшегося пути по верховьям Енисея к местам добычи «песошного» золота в Яркенде [Бородаев, Контев, 2015, с. 199, 202].

Непосредственная подготовка к строительству первого из намеченных острогов была возложена на приказчика Абаканского острога сына боярского А. Еремеева. И ранней осенью

1717 г. красноярский дворянин И. М. Нашивошников с 300 служилыми людьми поставили новый острог на правом берегу Енисея, у подножия Саян, в 60 верстах южнее Абаканского острога, самовольно на несколько верст севернее места, «означенного» в 1716–1717 гг. в специальном чертеже для строительства. Острог был назван Саянским [Быконя, 2014; Быконя, Чернышёва, 2019].

В начале марта 1718 г. в Красноярск пришел указ Гагарина о строительстве острога в Саянах у Большого порога. Однако, опасаясь новой обременительной службы в тяжелых условиях Саянских гор, красноярцы, которые и так ежегодно по 100 годовальщиков отправляли в Абаканский острог и неохотно переселялись к нему, стали упорно отказываться от его строительства, понимая все предстоящие трудности.

В первую очередь речь шла о состоянии коммуникаций, связывавших планируемые новые остроги и уже освоенные территории.

С учетом доставки большого объема грузов, необходимых для строительства новых укреплений по Енисею, это были, конечно, осуществимые, но очень трудные пути по горно-таежной местности и лишь по двум тропам – Усинской (на востоке) и Арбатской (на западе). Обе они проходили вдалеке от Енисея. Зимой продвижение по ним было практически невозможно из-за глубоких снегов. Летом же по Енисею «Большой Саянский порог... большими судами и легкими лодками» вверх и вниз «никоторыми мерами невозможно» пройти» [Быконя, 2014, с. 34]. Продвигаться по Енисею можно было только зимой по льду. Так, ежегодно в марте еще в XIX в. по нему проходила группа конных казаков, направляемых на проверку состояния пограничного знака Бом-Кемчуг. Путь продолжался в течение 10 дней. Казаки вели с собой выючных лошадей с провиантом и товарами для мены с пограничниками-монголами. Важно отметить, что несли на себе и фураж, лишь периодически выходя на берег там, где имелся ограниченный подножный корм для лошадей (прошлогодня трава – «ветышь») [Степанов, 1997, с. 42].

Но, даже преодолев все трудности похода, поставить острог в зимнее время из-за сильных холодов было не реально. В целом Енисейский каньон в Западном Саяне очень узкий, с крутыми берегами – «...а меж каменей расселины шириною по сажене, и по две, и болше» [Бородаев, Контев, 2015, с. 204]. Поэтому условия для обычной хозяйственной деятельности здесь (земледелия, сенокосения) затруднены. Кроме того, берега в основном каменные, что препятствовало сооружению «стоячего» острога, т. е. тыновых стен, а также раскатов для пушек и рвов.

Чтобы заставить гарнизон подчиниться, Зубов вместо аргументированного оспаривания перед вышестоящим начальством имевшихся нереальных требований относительно строительства острога в столь труднодоступном месте, начал расследование о нарушениях при сооружении Саянского острога и организации в нем службы. В ответ на общем совете в доме Нашивошникова руководители восставших решили стоять на своем, доказывая ненужность новых укреплений и другого острога в Саянах, ибо непосредственной военной угрозы с того направления уже не было. Ненависть к стяжателю-коменданту, который также не хотел войти в положение красноярцев, объединила многих людей из разных социальных групп. Зубову передали письменный «отказ от воеводства». Это означало, что население Красноярского острога и его округа официально объявляло о своем недоверии и неподчинении местной власти.

Через пять дней после отказа коменданту из Тобольска пришел упомянутый указ о строительстве нового острога у Большого порога в Саянах. На общем собрании прочитанный указ встретили криками с отказом от строительства острога, понимая, что это разорит их, и потребовали, чтобы к строительству привлекли служилых и из других уездов. Зубов, надеясь переломить ход событий, собрал компрометирующий материал на организаторов «отказа». Когда восставшие узнали, что Зубов в мае отправил «доношение» в Тобольск с доносами верных ему людей, то и они направили к Гагарину своих челобитчиков с мотивированной

жалобой. Их допрашивали по «несходству» враждующих сторон в течение месяца, сняв 22 допроса.

Однако принятие окончательного решения по поводу отказа красноярцев ставить новый острог у Большого порога и отказа от коменданта Зубова неожиданно затянулось, так как князь Гагарин сам был арестован и доставлен в столицу для следствия и суда. Приехавшей же в Тобольск по его делу следственной канцелярии лейб-гвардии майора Ивана Михайловича Лихарева было не до красноярцев. Только позднее вновь стали разбираться с красноярским делом с вызовом челобитчиков в Тобольск. Однако в 1722 г. последовало крупное Тарское восстание с самосожжениями староверов, поэтому о красноярцах забыли окончательно, тем более что в Красноярск уже был назначен новый комендант – Д. К. Щетнев, а Зубова отправили служить в другой город [Быконя, 2014; Быконя, Чернышёва, 2019].

Свою роль в разрешении конфликта, несомненно, сыграла и ставшая известной информация о сносе Косогольского острога 1716 (1717 ?) года постройки. Так, уже вскоре после этой даты цинский император Сюань Е (Канси) потребовал снести крепость и вывести ее гарнизон с оз. Косогол. Чтобы не провоцировать конфликт и не подвергать рискам выгодную торговлю с Поднебесной, это требование было удовлетворено и острог сожжен [Луныков и др., 2010]. Участь этой крепости показывает, как сложно складывались приграничные отношения с империей Цин, подчинившей Китай и большую часть Монголии [Дацышен, 2019].

Кроме Косогольского острога еще при Петре I из-за сложных отношений с Джунгарией были срыты по Иртышу Долонская и Убинская крепости [Бородаев, Контев, 2015]. Скорее всего, такая же судьба ждала и остроги, отстроенные по Енисею в Саяне и Южном Засаянье. У руководства уже не оставалось иного выхода, как отказаться от строительства новых острогов по Енисею в Западном Саяне, которые Цины также неизбежно потребовали бы снести. Действительно, нельзя ликвидировать один острог и одновременно строить другие, судьба которых, скорее всего, была бы аналогичной судьбе этих трех снесенных крепостей. Подтверждением такой перспективы стал захват монгольскими войсками в 1715 и 1717 гг. района Хемчика в Южном Засаянье и увод оттуда части местного населения [Самдан, 2017, с. 115–116].

Таким образом, красноярцам вновь, как и в первую «шатость», удалось избежать репрессий за самовольства при возведении Саянского острога и открытое неповиновение местным и центральным властям. По факту они добились главного – отмены строительства новых острогов в Саянах и Засаянье и связанных с этим крайне обременительных служб. Одновременно в результате осознания местным и вышестоящим руководством сложности, военно-политической и хозяйственной нецелесообразности строительства новых острогов в Саянах и Засаянье, о чем и говорили участники «шатости», позволило казне не понести крупных материальных потерь в связи с трудностями доставки грузов для их создания, а также угрозы последующей ликвидации самого этого объекта фортификации, что случилось с Косогольским острогом.

В целом характеристика последствий «шатости» формально может рассматриваться как срыв решения поставленной Петром I задачи продвижения русских владений за «Камень», т. е. в Южное Присаянье. Но приведенные факты показывают, что управленческая деятельность в области фортификации в Сибири в эпоху Петра I, несмотря на множество решаемых проблем, не была закоснелым явлением, отличаясь, с одной стороны, масштабностью и последовательностью планов и действий, а с другой – достаточно гибким реагированием на требования и факты текущего дня, включая, в случае Красноярска, и исходящие от конфликтующей стороны. В результате достаточно разумной деятельности следующих за Зубовым руководителей Красноярского уезда уже не создавалось основ для подобных конфликтов (например, при строительстве форпостов в регионе в 60-е гг. XVIII в.), а военно-политическое и экономическое состояние юга уезда отличалось высоким уровнем стабильности – эти места вскоре стали житницей Приенисейского края с быстро растущим населением.

Список литературы

- Бахрушин С. В.** Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2: История народов Сибири XVI–XVII вв. 300 с.
- Бородаев В. Б., Контев А. В.** Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 416 с.
- Быконя Г. Ф.** Кто основал Саянский острог – Илья Нашивошников или Илья Суриков? // Сборник материалов научно-практической конференции «Древние поселения Сибири: охрана, сохранение, использование», посвященной 295-летию Саянского острога (26 июля 2013 г.). Шушенское, 2014. С. 30–55.
- Быконя Г. Ф., Чернышёва А. А.** К характеристике основателя Саянского острога и руководителя Второй Красноярской шатости Ильи Михайловича Нашивошникова-Сурикова // Три века Саянского острога: история, значение, перспективы: Сб. материалов Межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию Саянского острога (1718–2018). (27 июля 2018 г.). Шушенское, 2019. С. 19–34.
- Дацышен В. Г.** Острог в Саянах и проблемы русско-китайских отношений // Три века Саянского острога: история, значение, перспективы: Сб. материалов Межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию Саянского острога (1718–2018). (27 июля 2018 г.). Шушенское, 2019. С. 35–44.
- Луньков А. В., Харинский А. В., Белonenko В. В., Эрдэнэбаатар Д.** Косогольский острог // Изв. Лаборатории древних технологий. 2010. № 1 (8). С. 209–214.
- Оглоблин Н. Н.** Красноярский бунт 1695–1698 гг. (к истории народных движений XVII века) // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. Ч. 335 (№ 5), отд. 2. С. 26–69.
- Самдан А. А.** Завоевание маньчжурами территории Тувы // Вестник Тув. гос. ун-та. Социальные и гуманитарные науки. 2017. Вып. 1. С. 114–120.
- Степанов А. П.** Енисейская губерния. Красноярск: Горница, 1997. 223 с.
- Харинский А. В., Лыхин Ю. П., Луньков А. В., Белonenko В. В.** История Косогольского острога // Города и остроги земли Сибирской. 2021. URL: http://ostrog.ucoz.ru/publ/kh/kharinskij_a_v_lunkov_a_v_belonenko_b_vistorija_kosogolskogo_ostroga/242-1-0-436 (дата обращения 15.04.2022).

References

- Bakhrushin S. V.** Nauchnye trudy [Scientific Works]. Moscow, AS USSR Publ., 1955, vol. 3: Selected Works on the History of Siberia in the 16th – 17th Centuries, pt. 2: History of the Peoples of Siberia in the 16th – 17th Centuries, 300 p. (in Russ.)
- Borodaev V. B., Kontev A. V.** Obrazovanie Rossiiskoi granitsy v Irtyshsko-Eniseiskom mezhdurech'e v 1620–1720 gg. [Formation of the Russian Border in the Irtysh-Yenisei Interfluvium in 1620–1720]. Barnaul, AltSPU Press, 2015, 416 p. (in Russ.)
- Bykonya G. F.** Kto osnoval Sayanskii ostrog – Il'ya Nashivoshnikov ili Il'ya Surikov? [Who Founded the Sayansky Ostrog – Il'ya Nashivoshnikov or Il'ya Surikov?]. In: Sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii “Drevnie poseleniya Sibiri: okhrana, sokhranenie, ispolzovanie”, posvyashchennoi 295-letiyu Sayanskogo ostroga (26 iyulya 2013 g.) [Proceedings of the Scientific and Practical Conference “Ancient Settlements of Siberia: Protection, Conservation, Use”, Dedicated to the 295th Anniversary of the Sayansky Ostrog (July 26, 2013)]. Shushenskoe, 2014, pp. 30–55. (in Russ.)
- Bykonya G. F., Chernysheva A. A.** K kharakteristike osnovatelya Sayanskogo ostroga i rukovoditelya Vtoroi Krasnoyarskoi shatosti Il'i Mikhailovicha Nashivoshnikova-Surikova [On the Characteristics of the Founder of the Sayansky Ostrog and the Head of the Second Krasnoyarsk Rebellion Ilya Mikhailovich Nashivoshnikov-Surikov]. In: Tri veka Sayanskogo ostroga: istoriya, znachenie, perspektivy [Three Centuries of the Sayansky Ostrog: History, Significance,

Perspectives]. Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference, Dedicated to the 300th Anniversary of the Sayansky Ostrog (1718–2018). (July 27, 2018). Shushenskoe, 2019, pp. 19–34. (in Russ.)

Datsyshen V. G. Ostrog v Sayanakh i problemy russko-kitaiskikh otnoshenii [Ostrog in the Sayan Mountains and Problems of Russian-Chinese Relations]. In: Tri veka Sayanskogo ostroga: istoriya, znachenie, perspektivy [Three Centuries of the Sayansky Ostrog: History, Significance, Perspectives]. Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference, Dedicated to the 300th Anniversary of the Sayansky Ostrog (1718–2018). (July 27, 2018). Shushenskoe, 2019, pp. 35–44. (in Russ.)

Kharinsky A. V., Lykhin Yu. P., Lunkov A. V., Belonenko V. V. Istoriya Kosogol'skogo ostroga [History of the Kosogolsky Ostrog]. In: Goroda i ostrogi zemli Sibirskoi [Towns and Ostrogs of the Siberian Land]. 2021. (in Russ.) URL: http://ostrog.ucoz.ru/publ/kh/kharinskij_a_v_lunkov_a_v_belonenko_b_vistorija_kosogolskogo_ostroga/242-1-0-436 (accessed 15.04.2022).

Lunkov A. V., Kharinsky A. V., Belonenko V. V., Erdenebaatar D. Kosogolsky ostrog [Kosogolsky Ostrog]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2010, no. 1 (8), pp. 209–214. (in Russ.)

Ogloblin N. N. Krasnoyarskii bunt 1695–1698 gg. (K istorii narodnykh dvizhenii XVII veka) [Krasnoyarsk Revolt of 1695–1698 (On the History of People Movements of the 17th Century)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education], 1901, vol. 335 (no. 5), part 2, pp. 26–69. (in Russ.)

Samdan A. A. Zavoevanie man'chzhurami territorii Tuvy [The Conquest by the Manchus of the Territory of Tuva]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tuva State University. Social and Human Sciences], 2017, iss. 1, pp. 114–120. (in Russ.)

Stepanov A. P. Eniseiskaya guberniya [Yenisei Governorate]. Krasnoyarsk, Gornitsa, 1997, 223 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Сергей Григорьевич Скобелев, кандидат исторических наук

Information about the Author

Sergey G. Skobelev, Candidate of Sciences (History)

Статья поступила в редакцию 28.04.2022;
одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 05.09.2022
The article was submitted on 28.04.2022;
approved after reviewing on 22.08.2022; accepted for publication on 05.09.2022

Научная статья

УДК 94(47).07

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-64-77

Расширение компетенции первого товарища министра Департамента уделов в первой половине XIX века

Юлия Николаевна Красникова

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет
Санкт-Петербург, Россия

julia2404@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1883-1553>

Аннотация

С учреждением в Российской империи должности министра ему в помощь был определен товарищ. Первоначально в законе не оговаривалось ни количество товарищей, ни конкретный круг их обязанностей. Государственные учреждения сами формировали нормативные документы, регламентирующие компетенции товарищей министра. В Департаменте уделов с момента его учреждения товарищей министра было несколько. У каждого были свои функциональные обязанности. Большими полномочиями был наделен первый товарищ министра. В 1828 г. в удельном ведомстве были приняты новые правила, которые существенно расширили компетенции первого товарища министра. Вице-президент Департамента уделов фактически становился руководителем ведомства. Такое отделение должности первого товарища министра от остальных товарищей было связано не только с необходимостью расширения функциональных обязанностей, но и с личными мотивами императора Николая I.

Ключевые слова

Департамент уделов, государственные учреждения Российской империи, государственное управление, XIX век, первый товарищ министра, вице-президент

Для цитирования

Красникова Ю. Н. Расширение компетенции первого товарища министра Департамента уделов в первой половине XIX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 64–77. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-64-77

Competence Expansion of the Minister's First Comrade of the Appanage Department in the First Half of the 19th Century

Yulia N. Krasnikova

St. Petersburg State Agrarian University
St. Petersburg, Russian Federation

julia2404@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1883-1553>

Abstract

When the position of Minister was established in the Russian Empire, a comrade was appointed as his assistant. Initially, the law did not stipulate the number of comrades or the specific scope of their duties. State institutions themselves created regulatory documents that set up the competence of the Minister's comrades. The general rules describing the functions of the comrade were adopted in 1811. Initially, the competence of the Minister's comrades was insignificant. Moreover, some ministers were not looking for assistants, the positions remained unoccupied. Due to the increase in the Ministers' clerical correspondence and workload, the number of functions of the Minister's Comrade

© Красникова Ю. Н., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 64–77

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 64–77

increased in the second quarter of the 19th century. Several comrades served in the Appanage Department since its establishment. Each comrade had his own responsibilities. The Minister's first comrade concentrated the great power in his hand. In 1828, new rules were adopted in the Appanage Department, which significantly expanded the competence of the Minister's first comrade. The position was renamed Vice President and moved up to a higher position in the Table of Ranks. The Vice-president of the Appanage Department acted as the head of the Department, especially in the moments of the Minister's absence. The outstanding position of the Minister's first comrade unlike the rest of the comrades was determined not only by the need to expand his responsibilities but also by the personal motives of Emperor Nicholas I as well.

Keywords

Department of Appanages, state institutions of the Russian Empire, public administration, 19th century, the Minister's first comrade, Vice President

For citation

Krasnikova Yu. N. Competence Expansion of the Minister's First Comrade of the Appanage Department in the First Half of the 19th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 64–77. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-64-77

В начале XIX в. в Российской империи была проведена министерская реформа. В условиях постепенной централизации власти ключевой фигурой становился министр. Именно за ним нормативно была закреплена личная ответственность за вверенное ведомство. В помощь министру в штатную структуру управления министерствами также вводилась должность товарища министра. В некоторых центральных государственных учреждениях Российской империи таких товарищей могло быть несколько. Должностные полномочия товарищей министра в первой половине XIX в. только расширялись: от выполнения незначительных поручений до реализации конкретных управленческих решений.

Историография вопроса довольно скудна. Специальных работ, посвященных изучению изменений в полномочиях должности товарищей министра, немного. Так, Д. И. Раскин пришел к выводу, что «должность товарища министра проделала эволюцию от сравнительно декоративной, предназначенной главным образом для замещения министра на случай болезни или отсутствия и в лучшем случае выполнения отдельных поручений министра, до непосредственного руководства частью текущих дел министерства (в основном второстепенных), а затем – до заведования определенным направлением деятельности министерства и курирования части департаментов» [Раскин, 2005, с. 144]. В работе Б. Ю. Дерешко, С. А. Невско-го [2017] рассмотрен институт товарищей министра на примере Министерства внутренних дел. Авторы пришли к выводу, что должность товарища министра внутренних дел была значимой, поэтому случайных назначений на нее не было. «На должность товарища Министра внутренних дел в первую очередь назначались опытные военные в генеральских чинах и лица, приравненные к ним, в чинах гражданской службы» [Там же, с. 9]. Рассмотрение полномочий товарищей министра встречается в работах, посвященных истории государственных учреждений Российской империи. Но больший акцент в этих работах делается на должности министра и министерской реформы в целом [Ерошкин, 2008; Приходько, 2007; Шепелев, 1999]. Исследований эволюции должности товарища министра в Департаменте уделов на сегодняшний день нет. Да и само ведомство рассмотрено в историографии довольно скудно. Ценные сведения по управлению удельными имениями содержатся в монографии Н. В. Дунаевой [2006]. Несмотря на то, что автор рассматривает больше правоспособность удельных крестьян, в главе, посвященной управлению удельными крестьянами, дан анализ центральных органов управления удельной деревней. Автор пришел к выводу, что первый товарищ министра со временем приобретает всё более реальные полномочия. В монографии по истории Департамента уделов в первой четверти XIX в. рассмотрены изменения в полномочиях первого товарища министра. Но узкие хронологические рамки не позволили отразить те существенные изменения, которые произошли во второй четверти XIX в. [Красникова, 2014]. Изучение эволюции должности товарища министра Департамента уделов не становилось темой самостоятельного исследования.

Целью статьи является рассмотрение института товарищей министра в первой половине XIX в. Для большей детализации вопроса объектом изучения нами выбран Департамент уделов. Задачи исследования включают в себя следующие положения: проследить эволюцию полномочий товарища министра, дать оценку введения должности вице-президента Департамента уделов и ее упразднения.

Основными источниками для исследования стали архивные материалы официального происхождения. В статье использованы архивные документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве. Из фонда Департамента уделов (Ф. 515) нами были использованы формулярные списки чиновников, распоряжения по ведомству, документы о назначении пенсий и пособий, различные просьбы самих чиновников. В фонде Совета при Высочайшем дворе (Ф. 1146) сохранились протоколы Государственного (Непременного) Совета за 1801–1809 гг. Из фонда Непременного (Государственного) Совета (Ф. 1147) были привлечены для написания статьи протоколы чрезвычайных собраний Совета, особые мнения отдельных его членов о преобразовании Департамента уделов. Многие документы впервые вводятся в научный оборот.

В качестве методологической основы применялась теория модернизации. С ее помощью удалось увидеть эволюцию системы управления в Российской империи. Также были применены специальные приемы современной науки, которые позволили выявить малоизученные аспекты темы. Структурно-функциональный подход позволил определить и проанализировать отдельные элементы системы управления. Обсуждение вопроса о существовании Департамента уделов рассмотрено через призму общегосударственных преобразований в Российской империи начала XIX в.

Изучение эволюции должности первого товарища Департамента уделов позволяет увидеть общие и различные черты в развитии центральных органов управления в Российской империи в первой половине XIX в. Тема исследования впервые выносится на рассмотрение.

К концу XVIII в. коллегиальный принцип организации отраслевых учреждений не соответствовал требованиям империи. Децентрализация власти заменялась более стройной вертикалью власти. Но происходило это не одномоментно, система эволюционировала постепенно, какое-то время сочетая в себе формы как централизованного управления, так и коллегиального. По мнению М. А. Приходько, в министерствах на начальном этапе установился смешанный коллежско-министерский порядок управления: «...начало министерской реформы затронуло учреждения коллежской системы управления в минимальной форме, в виде переподчинения большей части из них власти определенного министра, с оставлением их организационного устройства и порядка делопроизводства в практически неизменном виде» [Приходько, 2007, с. 84]. Текущие дела решались старым коллежским порядком принятия управленческих решений, а в делах, требующих оперативного решения, применялись единоличные властные полномочия министра. Тенденции к изменению системы государственного управления в Российской империи наметились с правления Павла I. Совет при высочайшем дворе превратился в совещательное учреждение по рассмотрению малозначительных дел, а с 21 декабря 1800 г. перестал собираться. Новым в организации деятельности коллегий стало то, что во главе коллегий были поставлены директора, которые получили право доклада царю и известную самостоятельность от остальных членов коллегии. Созданный в 1797 г. Департамент уделов, сохранил коллегиальный принцип организации, но ответственность за ведомство была возложена на министра. Ему в помощь были определены товарищи, которые под председательством министра составляли присутствие.

Позже должности товарища министра были предусмотрены и для пяти из восьми министерств, учреждаемых Манифестом 8 сентября 1802 г. Статья XVI Манифеста так определяла полномочия и круг обязанностей товарищей министра: «Товарищ как помощник министра употребляется им по всем делам вверенных ему частей и везде заступает его место, где по каким-либо причинам он сам присутствовать не может, но отвечает только за те дела, кои им самим подписаны будут». Утверждение конкретных полномочий оставалось за самим учре-

ждением. Количество помощников тоже определялось министрами. В некоторых ведомствах могло быть до 4 товарищей, а, например, в военном и морском министерствах товарищей министра не было. Итак, в законе не оговаривались ни количество товарищей, ни конкретный круг их обязанностей. Нормативно-правовой акт лишь очерчивал общие границы полномочий. Учреждения должны были сами определить должностные обязанности помощников министра. Так, в Министерстве внутренних дел разработали и приняли должностные инструкции товарища министра только в 1809 г. [Дерешко, Невский, 2017, с. 6].

Общие правила в конкретизации правового положения товарищей министров были определены манифестом от 25 июня 1811 г. в «Общем Учреждении Министерств». В отсутствие министра или во время болезни управление министерством передавалось, на основании специального указа, товарищу министра. При этом товарищи исполняли все обязанности министров: «занимают во всех установлениях их места и имеют равную им степень власти и ответственности»¹. Все назначения проходили на основании именного указа, объявленного в Сенате². С высочайшего дозволения министр был вправе поручить товарищу «какую-либо отдельную часть или Департамент в управление; и тогда Товарищ управляет сим Департаментом на праве и с обязанностью Директора»³. В 1826 г. Николай I принял дополнения к статьям, касающимся полномочий товарища министра, расширив их. Закон давал возможность толкования принятых изменений самими учреждениями. Это даже привело к конфликту в МВД между товарищем министра внутренних дел Д. В. Дашковым и вновь назначенным министром А. А. Закревским [Раскин, 2005, с. 135–137]. Некоторым министрам казалось, что товарищи могут покуситься на объем их полномочий, поэтому предпочитали работать без них. Более устойчивая форма взаимоотношений в Российской империи между министром и товарищем министра, по мнению Д. И. Раскина, сложилась только в пореформенное время.

Департамент уделов, созданный в 1797 г. императором Павлом I, являлся частью государственных учреждений Российской империи, но был поставлен в особое положение. Даже после включения в 1826 г. Департамента уделов в состав Министерства императорского двора, в законе четко говорилось, что «министерство уделов не входит прямо в состав придворных владений, но составляет часть отдельную»⁴. В его задачи входило обеспечение младших членов императорской фамилии денежными средствами. Закон определил объем удельного бюджета, четко прописав размер содержания для каждого члена императорской фамилии. Для формирования удельного бюджета передавались государственные имущества и крестьяне, приписанные к этим землям. «Фискальная функция департамента уделов в конечном итоге определяла всю его прочую деятельность» [Дунаева, 2006]. Все государственные и удельные сборы должны были собираться строго в срок и «бездоимочно». Департамент уделов должен был осуществлять управление всей удельной собственностью, повышая ее доходность.

5 апреля 1797 г. был принят нормативный документ об учреждении Департамента уделов. 11 апреля министром Департамента удельных имений был назначен Алексей Борисович Куракин «при исполнении настоящей должности генерала-прокурора». Ему в помощь было определено четыре товарища министра. Так, согласно указу императора «в департаменте для удельных имений... повелеваем быть на месте положенного по статусу первого министру товарища, тайному советнику Сенатору Саблукову, которому присутствовать и в Сенате; а прочим за тем товарищам, коим при сей оной должности и состоят; ассигнационного банка

¹ Манифест об «Общем учреждении министерств». URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3100/> (дата обращения 12.01.2022).

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2. Л. 54.

³ Манифест об «Общем учреждении министерств» § 218. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3100/> (дата обращения 12.01.2022).

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 51. Л. 130.

директору статскому советнику Фенину, полковнику Дмитриеву и коллежскому советнику камер коллегии члену Старгову»⁵.

Полномочия по управлению Департаментом уделов были делегированы не в одинаковой степени. Первый товарищ министра был формально отделен от остальных товарищей кругом своих полномочий. Причем в отличие от других учреждений Российской империи первый товарищ министра Департамента уделов сразу при учреждении ведомства наделялся конкретными полномочиями. Так, при передаче в ведомство крестьян и имущества купчая подписывалась продавцом и свидетелями в палате суда и расправы, после записи там в книге расписывался или министр, или первый товарищ министра⁶. В отсутствие министра он был фактически начальником Департамента уделов. Первый товарищ мог быть назначен исполняющим обязанности министра во время его длительного отсутствия, что закреплялось отдельным нормативным актом в каждом конкретном случае. На первого товарища министра возлагалось наблюдение за всем учреждением, он председательствовал обычно в заседаниях присутствия, к нему поступали все входящие бумаги, и им же подписывались все резолюции по решенным в присутствии делам.

Остальные товарищи министра имели равное должностное положение, кроме участия в заседаниях присутствия. Они делили между собой обязанности, должны были заведовать каждый своей особой частью Департамента, «то есть фактически возглавляли работу отделений канцелярии» [Дунаева, 2006]. Один был ответственен за денежную часть, следил за составлением ежегодного расписания доходов и расходов, вел бухгалтерию и общее делопроизводство. Вторым наделялся контрольной функцией, т. е. проверкой всех счетов и других расходных документов, отвечал за составление окладных книг удельных имений и ведомостей о недоимках. Третий товарищ министра вел остальные дела. Министр и его товарищи составляли присутствие, коллегиально решавшее ряд дел. Состав общего присутствия выглядел так: министр (III класс Табели о рангах), первый товарищ министра (IV класс Табели о рангах) и три товарища (V класс Табели о рангах). Все они назначались и смещались по личному усмотрению императора.

Для товарищей министра эта должность была вершиной их активной служебной карьеры, после чего чаще всего они попадали в Государственный совет, реже (и в менее благоприятных случаях) – в Сенат. А вот должность первого товарища министра могла стать ступенькой, непосредственно предшествующей назначению на министерский пост. Так или иначе, должность товарища министра уделов давала возможность обратиться в случае надобности к императору, сославшись на службу в Департаменте уделов. Высочайших отказов по обращениям от товарищей министра практически не было. Так, дочерям умершего присутствующего Департамента уделов, действительного тайного советника Подобедова Надежде, Марье и Вере «за долговременную отца их службу» назначили из сумм Департамента уделов пенсию по 2 500 руб. до замужества⁷.

Разная степень ответственности, которая устанавливалась нормативными актами по Департаменту уделов, нашла отражение и в штатном расписании 1797 г. Первый товарищ министра имел более высокий класс по Табели о рангах и повышенное жалование в размере 2 250 руб. асс., что на 375 руб. больше прочих товарищей министра [История уделов..., 1902, с. 21–25]. На 1801 г. жалование министра Департамента уделов составляло 3 000 руб. асс., первого товарища – 2 250, прочие товарищи (три человека) получали по 1 875 руб. асс.⁸

Первоначально первому товарищу министра Департамента уделов было разрешено совмещать должности по государственной службе, но этот вопрос всегда решался индивидуально, общего правила по ведомству не существовало. В апреле 1797 г. на должность первого

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2. Л. 5–6.

⁶ Там же. Л. 20–21.

⁷ Там же. Д. 30. Л. 4.

⁸ Там же. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 236. Л. 30 – 30 об.

товарища министра был назначен тайный советник А. А. Саблуков⁹. До 1796 г. он управлял Экспедицией о государственных расходах и хорошо знал дворцовые имения, которые до передачи в уделы находились в управлении этого ведомства. За ним также было сохранено присутствие в Сенате¹⁰. За К. Габлицем, который сменил Саблукова на посту первого министра, также был сохранен пост члена Экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства¹¹. Совмещение разрешалось в связи с тем, что больших полномочий товарищи министра не имели. Но с увеличением компетенций первого товарища, увеличением реальной нагрузки в ведомстве совмещения должностей были нежелательны. С 20-х гг. XIX в. вслед за товарищами министра Департамента уделов всем остальным должностным лицам по Департаменту ограничивались совмещения, а нижним чинам служащих были запрещены. В любом случае совмещение должностей требовало согласования с императором и Высочайшей резолюции. Так, Л. Перовскому, назначенному в 1841 г. министром внутренних дел, разрешили сохранить должность товарища министра уделов. Д. А. Гурьев совмещал должность министра Департамента уделов (1806–1825 гг.) и министра финансов (1810–1823 гг.).

Армия являлась одним из источников комплектования гражданского аппарата управления. Отставным офицерам и нижним чинам армии и флота статская служба давала не только постоянный источник заработка, «без которого значительная их часть не могла существовать, но и возможность реализовать себя при исполнении несвойственных военному человеку обязанностей – административных, полицейских, судебных, хозяйственных и т. п.» [Иванов, 2011, с. 45]. При переходе на статскую службу военные или переименовывались в статские чины, или могли сохранить прежние военные. В «Уставе о службе гражданской» оговаривалось, какие должности позволяли сохранить военный чин. В случае если сохранение чина не было предусмотрено, это право предоставлялось Высочайшим указом. В должности товарищей министра, как и на службе в Департаменте уделов, было достаточно много отставных офицеров. Некоторым чиновникам было разрешено оставаться в военном чине, не переименовываться в гражданские чины Табели о рангах. Так, товарищу министра Департамента удельных имений полковнику Дмитриеву было разрешено остаться в военном чине, не переименовываясь в штатский класс¹².

На должность товарищей министра отбирались хорошие хозяйственники. Перед ними стояла вполне конкретная задача – организовать хозяйственную инфраструктуру удельного ведомства в кратчайшие сроки. Так, первым товарищем министра стал К. Габлиц, который с 1796 г. занимал пост по хозяйственной части при генерал-прокуроре. А с 1797 г. он был назначен членом Особой экспедиции для управления делами государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства, учрежденной при Сенате. В частности, ему было поручено составить предложения по усовершенствованию в России «шелководства, виноделия, овцеводства и других частей сельской экономии, а также и правил о сбережении и разведении лесов» [РБС, 1914, с. 13]. В 1797 г. К. Габлиц получил пост первого товарища министра Департамента уделов. При назначении на должность ему были пожалованы чин действительного статского советника, что соответствовало IV классу Табели о рангах, и деревня с 250 душами¹³. Габлиц находился в должности с 1797 по 1802 г. Его увольнение со службы в Департаменте уделов, по нашему мнению, было не случайным. В 1801–1802 гг. в Государственном Совете обсуждался вопрос о ликвидации Департамента уделов. Члены Совета считали, что Департамент уделов дублирует уже существовавшие учреждения, а это необоснованно влечет за собой государственные расходы. Габлиц поддержал членов Совета. Он предлагал дворцовые волости передать «в прежнее положение в ведомство казенных па-

⁹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1. Л. 8а.

¹⁰ Там же. Д. 2. Л. 66.

¹¹ Там же. Оп. 73. Д. 1. Л. 1–3.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 7а.

¹³ Там же. Оп. 73. Д. 1. Л. 1–3.

лат», Практическую школу земледелия отдать в управление или директора, или Вольного экономического общества, а Полотняную фабрику и суконные заведения – в ведомство Государственной коллегии мануфактур¹⁴. Александр I не разделял такую точку зрения, возможно, именно это отразилось на карьере К. Габлица в Департаменте уделов. В 1802 г. он был сначала командирован в Поволжье инспектировать иностранные колонии. В этом же году Габлица уволили из удельного ведомства с переназначением президентом мануфактур-коллегии. Позже он возглавил Лесной департамент [РБС, 1914, с. 13–14].

В соответствии с Положением Департамента уделов, утвержденным императором 15 мая 1808 г., должности товарищей министра были преобразованы в должности членов присутствия Департамента уделов с уравниванием жалования до 2 500 руб. асс. в год [История уделов..., 1902, с. 21–25]. В этот период административной самостоятельности товарищи министра не имели. «С этого времени начинается процесс постепенного выведения удельного управления из юрисдикции общегосударственных контрольно-ревизионных органов и должностных лиц. Средствами внутриведомственного надзора помимо ревизий становятся проверки крестьянских жалоб, финансовый контроль, а во второй четверти XIX в. – и регулярные инспекционные поездки по губерниям товарища министра уделов» [Дунаева, 2006]. Кроме поездок по удельным имениям и предприятиям, принадлежащим Департаменту, в обязанности первого товарища министра входило готовить отчеты на имя министра Департамента уделов, причем иногда даже не связанных напрямую с работой ведомства. Так, в 1853 г. император посетил выставку императорской академии художеств. Вице-президент граф Ф. Толстой на нескольких страницах подготовил министру отчет о впечатлениях императора, описав их в подробностях, а в конце документа процитировав императора: «...что надо строже экзаменовать и награждать»¹⁵.

С приходом к власти Николая I были приняты новые общие правила по Департаменту уделов, которые расширили компетенции первого товарища министра. Сама должность была переименована в вице-президента Департамента уделов. Эти изменения связаны с тем, что с 1826 г. Департамент уделов был включен в состав Министерства императорского двора, хоть и сохранил свою самостоятельность. Министр императорского двора совмещал и должность министра Департамента уделов. Увеличение зоны ответственности министра и необходимость «разграничить сферы управления» привели к наделению большими полномочиями вице-президента, который практически становился руководителем Департамента¹⁶. Это было оформлено утверждением 11 апреля 1828 г. двух инструкций, одна определяла компетенции Министра императорского двора в отношении Департамента уделов, а другая – вице-президента. Кроме того, к началу второй четверти XIX в. Департамент уделов был полностью отделен от государственных учреждений Российской империи по предметам его ведения. После включения ведомства в структуру Министерства императорского двора Департамент уделов практически растворился в системе государственного управления. Хозяйственная деятельность уделов не имела механизмов внешнего контроля, бюджет имел закрытый характер. Это требовало обособленной системы управления.

Первоначально все распорядительные документы получали резолюцию министра. Закон не позволял делегировать эту функцию, что увеличивало делопроизводственную нагрузку. Теперь организационно-управленческие функции были разделены между министром и вице-президентом Департамента уделов, которому было передано оперативное управление ведомством.

В его подчинение перешли члены присутствия и вообще все чиновники удельного управления. Всё увеличивающийся штат сотрудников Департамента уделов требовал разделения полномочий в кадровых назначениях. «Общая численность его работников в 1844 г., включая департамент, удельные конторы, отделения и учебные заведения, составляла 989 чел.

¹⁴ РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 23. Л. 57–62.

¹⁵ Там же. Ф. 515. Оп. 3. Д. 2. Л. 31 – 33 об.

¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 36. Л. 65.

(566 чиновников и 423 канцелярских служащих), а к концу 1850-х гг. в штате только департамента состояло 162 чиновника, 190 канцеляристов и 62 обслуживающих работника (рассылных, сторожей и т. п.) [Дунаева, 2006]. Хотя, согласно формулярным спискам, при учреждении Департамента уделов в 1797 г. кадровый состав насчитывал 64 чел.¹⁷ До 1828 г. управляющих конторами назначал министр, теперь назначение управляющих происходило по представлению вице-президента. Остальные чиновники контор назначались в должностях непосредственно вице-президентом, даже канцелярские служащие, которые до этого назначались управляющими контор¹⁸. Он осуществлял прием на работу, увольнение чиновников и служителей Департамента уделов внутри отделений и удельных контор. Все остальные кадровые перемещения требовали резолюции министра Императорского двора. Так назначали, увольняли или перемещали управляющих контор, казначея, контролера, бухгалтера, секретаря, столоначальников, землемеров, экзекутора, архивариуса, архитектора и доктора Департамента уделов¹⁹. Вице-президент Департамента уделов предоставлял сведения о наградах, поощрениях и дисциплинарных наказаниях служащих ведомства.

Возрастали и профессиональные требования к поступающим на службу. Вице-президент вносил министру предложения по определению на вакантные должности чиновников «коих способности, бескорыстие и поведение ему известны»²⁰. Согласно § 4 инструкции вице-президенту вменялось в обязанности проводить аттестацию чиновников центрального аппарата управления и чиновников Департамента уделов нижестоящего уровня власти. В его обязанности входило «наблюдать, дабы способности познания и усердия сих чиновников в полной мере соответствовали должностям, им поручаемым»²¹. На основании результатов аттестации вице-президент мог ходатайствовать о награждении отличившихся в службе или доводить до сведения министра о «нерадивых и неисправных», т. е. о дисциплинарных нарушениях²².

За министром императорского двора и уделов оставались для утверждения дела о расходах, «на которые в Штатах, указах и предписаниях точного определения не сделано», и все остальные суммы сверх штатных расходов. В частности, на прибавку жалования и на выдачу единовременных и ежегодных наград отличившимся чиновникам и служителям ведомства; на расширение штата чиновников, на «разные полезные распоряжения или заведения».

В судопроизводстве вице-президент определял тяжесть гражданского дела, и только после этого оно передавалось на рассмотрение министру. За министром оставалось вынесение окончательного заключения по всем уголовным и тяжким гражданским делам. Под личным контролем министра оставались дела о чрезвычайных происшествиях в удельных имениях и вопросы управления.

Вице-президент периодически объезжал удельные имения с целью инспекции. Во время отсутствия его должностные обязанности исполнял один из членов присутствия Департамента уделов в соответствии с министерским назначением. Так, в марте 1840 г. вице-президент Л. А. Перовский был командирован «для обозрения некоторых удельных имений, в особенности Симбирской губернии, где уже три года он не производил ревизии». Его обязанности временно исполнял тайный советник Маврин²³.

В 1838 г. полномочия вице-президента Департамента уделов были расширены с принятием специальной инструкции. В мотивировочной части записки указано, что необходимость назрела в связи с частым отсутствием министра Императорского двора. Теперь в обязанности

¹⁷ РГИА. Ф. 515. Оп. 73. Д. 1.

¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 51. Л. 160.

¹⁹ Там же. Д. 36. Л. 65.

²⁰ Там же. Л. 67 – 68 об.

²¹ Там же. Л. 65 – 66 об.

²² Там же. Л. 67 – 68 об.

²³ Там же. Д. 48. Л. 95.

вице-президента входил более тщательный контроль над управлением финансами ведомства. В отсутствие министра вице-президент имел право выдавать вперед до трети сумм, полагающихся на содержание членов императорской фамилии, в случае требования. Контролировал расходы на «чрезвычайные постройки и исправления по состоящим в ведении Департамента дворцовым зданиям, не относящиеся к ремонту»²⁴. Он заключал договоры аренды на сдачу в наем помещений на Михайловской даче, мог заключать контракты на сумму свыше 25 000 руб.

В отсутствие министра вице-президент занимался постройкой и починкой гражданских построек в Стрельне и Красном селе и участвовал в открытии там разных торговых заведений. Он следил за необходимой «починкой зданий по Петергофской фабрике, постройкой и исправлением церквей в удельных имениях»²⁵.

В делопроизводственном отношении вице-президент просматривал все входящие и исходящие бумаги, что, в свою очередь, снимало нагрузку с министра, до которого доходили лишь те дела, которые требовали его резолюции. Количество делопроизводственной переписки росло. Если в конце XVIII в. общее количество входящих и исходящих бумаг составляло в среднем около 3 000, то в 1830 г. – 41 399 дел, т. е. документооборот вырос почти в 14 раз²⁶. Инструкция 1828 г. предписывала, что согласно субординационному принципу вся переписка с министрами, генерал-губернаторами и «другими равными им лицами также принадлежала непосредственно министру Департамента уделов», равно как и все дела и постановления, преподносимые императору для сведения или разрешения. На рассмотрении министра оставались и те решения, которые вызывали разногласия членов Департамента, т. е. он исполнял роль третейского судьи. Все остальные распоряжения на основании существовавших постановлений и законов передавались для рассмотрения вице-президенту уделов и присутствию Департамента уделов²⁷. Производство любых дел по Департаменту без ведения вице-президента запрещалось. Он наблюдал за исполнением указов, предписаний министра и определений Департамента. С 1838 г. компетенции вице-президента в делопроизводственном отношении расширились. Теперь в отсутствие министра вице-президент вел переписку с министрами, генерал-губернаторами и равными им лицами «по делам, не терпящим отлагательств». В отсутствие министра вице-президент наделялся полномочиями подписывать документы о назначении пенсий и единовременных пособий чиновникам, придворным служащим, состоящим в ведении Департамента. Он вел переписку, в которой требовалось заключение вице-президента для Правительствующего Сената. Им готовились все доклады императору о делах ведомства.

В инструкции 1838 г. отдельно оговаривались полномочия вице-президента в отношении подведомственного крестьянства. Вице-президент имел право в отсутствие министра выдавать денежные награды в сумме до 200 руб. из удельного капитала в качестве поощрения удельных крестьян «за человеколюбивые подвиги», а также назначал денежное пособие из удельного капитала тем, кто пострадал от пожара. При этом в соответствии с правилами вице-президент определял их безвозмездность или возвратность. Интересно, в должностной инструкции было особо отмечено, что пострадавшим от пожара лашманам и прочим поселянам Симбирской губернии выделялось по 50 руб. исключительно с возвратом на счет «общественных капиталов тех поселян» и не из удельного бюджета, а из штрафного капитала. Это было связано с особенностями включения этих территорий в состав удельного хозяйства в 1830-е гг. Вице-президент мог распорядиться предоставить рассрочку штрафа удельным крестьянам за самовольную порубку леса. Приводил в исполнение определения Департамента по жалобам удельных крестьян по разным предметам. Мог принимать решения об отдаче

²⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 46. Л. 84–86.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Д. 39. Л. 36–45; Д. 40. Л. 39 – 49 об.; Д. 45. Л. 22–36; Д. 46. Л. 25–41.

²⁷ Там же. Д. 36. Л. 65 – 66 об.

в рекруты и ссылке в Сибирь на поселение удельных крестьян, наказанных «за дурное поведение». Имел возможность снять недоимки с крестьян.

Если мы обратимся к расписанию доходов членов императорской фамилии, то увидим, что в первой половине XIX в. второй статей по прибыльности, после подушной подати, были так называемые оброчные статьи [Красникова, 2014, с. 156]. Под ними понимались земли, оставшиеся после наделения крестьян, мельницы, места рыбной ловли и другие хозяйственные объекты, сдававшиеся в аренду. После организации удельного хозяйства число оброчных статей увеличилось. Происходило это в основном двумя путями: первый – это введение в оклад статей, которыми крестьяне пользовались без уплаты оброка; второй, когда на средства Департамента уделов или арендаторов создавались новые оброчные статьи. Обычно объекты сдавались в аренду тем лицам, которые могли предложить за них на торгах наибольшую арендную плату. Первоначально малоземельным крестьянам разрешалось пользоваться оброчными мельницами и местами рыбной ловли бесплатно для поддержания их платежеспособности. Но уже с 1803 г. Департамент уделов и с этих оброчных статей стал брать арендные деньги. С 1838 г. вице-президент мог признавать оброчные статьи непригодными и снимать их с учета²⁸.

В отсутствие министра вице-президент мог выделять средства на содержание удельного землемерного училища, на пособие чиновникам в чрезвычайных случаях, на прогоны и путевые издержки командируемым по делам службы, на покупку медикаментов и медицинских инструментов, на содержание племенного заграничного рогатого скота в Сызранском имении.

Кроме того, он готовил ежемесячные ведомости о производстве дел по Департаменту уделов, записки о происшествиях по удельным имениям, записки о всходах и состоянии хлебов. Он также должен был представлять ведомости приходов и расходов денежных сумм по кассе Департамента²⁹.

В целом в инструкциях особо отмечалось, что функции вице-президента ограничивались только исполнительными обязанностями, никаких изменений в управлении он не мог предпринимать. Кроме того, часть компетенций он мог реализовывать только в отсутствие министра. Несмотря на это, полномочия вице-президента были шире, чем первого товарища, за ним закреплялась ответственность за работу Департамента уделов и состояние денежных средств.

В 1840 г. должность вице-президента была упразднена и восстановлена должность первого товарища министра уделов. Изменения, скорее всего, были связаны с тем, что с 1 января 1839 г. на основании указа Правительствующего Сената увеличивалось содержание «чиновников Министерств и других высших частей государственного управления, приняв в основание к общему уравниванию штаты Министерства Государственных имуществ». Под действие указа попадало и удельное ведомство, являясь структурной частью Министерства императорского двора. Но оказалось, что изданные в 1824 г. штаты должностей Департамента и палат государственных имуществ, так как это были схожие структуры в системе управления Российской империи, существенно отличались. Для применения указа Сената пришлось составлять новый проект штата, по которому оклады уравнивались, с важной припиской «сколько сие возможно по роду и значению должностей». Полного соответствия должностей так и не удалось достичь. Так или иначе, в 1838 г. проект общего расписания чинов Министерства уделов по должностям и по мундирам был подготовлен³⁰. При подготовке проекта оказалось, что директорам каждого из трех департаментов Министерства государственных имуществ, состоящим в IV классе Табели о рангах, назначалось содержание в размере 12 000 руб. асс. в год, а вице-президент Департамента уделов, состоящий в III классе, получал только 10 000 руб. По новому штатному расписанию, должностной оклад вице-прези-

²⁸ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 46. Л. 84–86.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Д. 47. Л. 106 – 107 об.

дента Департамента уделов был повышен до 15 000 руб. ежегодно³¹. Если члены присутствия Департамента уделов, согласно новому штатному расписанию, могли иметь IV класс Табели о рангах и 7 000 руб. асс. в год, включая столовые деньги, то вице-президент находился в III классе, и его содержание было в два раза выше, 15 000 руб. асс., из них 10 000 руб. составляло жалование, а 5 000 руб. – это столовые деньги. Интересно, что этим же штатным расписанием жалование министра уделов не было вообще обозначено, оно определялось императором, а вот сумма столовых денег составляла 12 000 руб. асс. Возможно, с выяснением самого факта разрозненности в штатных расписаниях государственных учреждений и приведением к определенному единообразию связаны ликвидация должности вице-президента и возвращение прежнего наименования – первый товарищ министра.

По ходатайству министра Департамента уделов и на основании указа от 11 декабря 1840 г., несмотря на переименование должности, первому товарищу вменялось «независимо от обязанностей сего нового звания, действовать по-прежнему и на основании инструкции вице-президента Департамента уделов, с тем чтобы дела, поступавшие доселе из Правительствующего сената на заключение к вице-президенту, были присылаемы в будущем уже к товарищу министра», с сохранением оклада вице-президента³². И хотя формально должность была упразднена, первый товарищ министра сохранил все полномочия, которые были определены инструкциями 1828 и 1838 гг.

Если вернуться к вопросу о целесообразности учреждения должности вице-президента вместо первого товарища министра, то документальных обоснований этому мы не нашли. Но можно сделать несколько предположений. Во-первых, эту должность занимал только один человек, Л. А. Перовский, с именем которого связано проведение в удельной деревне значительных социальных и хозяйственных преобразований в рамках политики попечительства. Возможно, Николай I хотел таким образом отметить Перовского, поддержать его смелые решения, которые позитивно сказались на удельном хозяйстве в целом. Во-вторых, можно предположить, что присутствовал личный мотив Николая I. Перовский был близким другом императора. Новый статус позволял дать повышенное содержание, занять место классом выше в Табели о рангах, что для системы государственной службы Российской империи было ключевым фактором. Хотя первое не исключает второго.

Граф Л. А. Перовский, участник Отечественной войны 1812 г., во время заграничного похода находился при начальнике Главного штаба генерал-адъютанте князе П. М. Волконском. Скорее всего, именно им и был введен в члены совета Департамента уделов в 1826 г. Дружеские отношения Перовского обрастали дополнительными привилегиями по службе. Николай I повелел выплачивать дополнительно Перовскому 3 000 руб. в год на квартиру, хотя это не было предусмотрено штатным расписанием. Вице-президент Перовский должен был присутствовать в Сенате по всем делам, касающимся удельного ведомства, на основании указа 20 июля 1831 г.³³ Но уже в сентябре выяснилось, что Перовский не может присутствовать на заседаниях Сената, так как часть дел рассматривалась в Москве. Видимо, Перовскому не хотелось часто ездить в Москву по служебным делам. Поэтому через несколько месяцев ему разрешили присылать заключения по гражданским и межевым делам. Присутствия уже не требовалось³⁴. Кроме положенного жалования, товарищи министра имели право к присуждению наград. Обычно право на награждение приобреталось по выслуге лет. Так, в 1830 г. Л. Перовский обратился к императору о возможности внести в послужной список время, когда он находился на лечении за границей (1821–1826 гг.). Это давало ему право на получение знака отличия «беспорочной службы»³⁵. В Уставе о Знаке отличия беспорочной службы сказано: «Знак отличия беспорочной службы, приобретаемый трудами и постоянной нравствен-

³¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 46. Л. 95 – 95 об.

³² Там же. Д. 48. Л. 119.

³³ Там же. Д. 39. Л. 108.

³⁴ Там же. Л. 115 – 115 об.

³⁵ Там же. Д. 38. Л. 25–26.

ностью, никогда не снимается». Как и ордена, этот знак награжденным дозволялось изображать на своих гербах и печатях. И хотя это был не орден, награждение Знаком отличия беспорочной службы проходило через Капитул российских императорских и царских орденов. После смерти чиновника его вдова приобретала право на получение пенсии супруга в течение года. Просьба вице-президента была удовлетворена, хотя и нарушала порядок прохождения государственной службы. В 1839 г. Перовский попросил выдать ему беспроцентную ссуду в размере 140 000 руб. асс. на 24 года для приобретения земли с целью «заведения на ней овцеводства». Император дал свое согласие, а Департамент приписал, «что в кассе... хранится ныне без всякого употребления сумма в 141 000 р., составившаяся ежегодным отчислением 10 000 на основании указа 1798 г. для выдачи в пенсион находящимся на службе удельным чиновникам». Из этих денег, под расписку Перовского, и была выдана ссуда. Несмотря на льготные условия кредитования, на основании высочайшего указа от 10 апреля 1845 г. было решено «означенный долг сложить»³⁶. Николай I достаточно вольно пользовался средствами из удельного бюджета. Перовскому же в данном случае деньги были переданы безвозмездно, тем более, как мы видим из документа, они, по «счастливой случайности», были ведомством не востребованы.

После кончины в 1852 г. П. М. Волконского, который долгое время занимал пост министра императорского двора и уделов, по мнению Л. В. Выходкова, чтобы предотвратить назревавший конфликт двух своих любимцев, Л. А. Перовского и друга юности – В. Ф. Адлерберга, Николай I разделил министерство. Министерство уделов возглавил Л. А. Перовский (1852–1856), а Министерство Императорского двора – В. Ф. Адлерберг [Выходков, 2006, с. 59]. После смерти Перовского указом Александра II от 24 ноября 1856 г. Министерство уделов было упразднено, а Департамент вернулся под старую юрисдикцию.

Итак, с учреждением в Российской империи должности министра ему в помощь был определен товарищ. Первоначально в законе не оговаривалось ни количество товарищей, ни конкретный круг их обязанностей. Государственные учреждения сами формировали нормативные документы, регламентирующие компетенции товарищей министра. Общие правила, которые раскрывали круг полномочий товарища, были приняты в 1811 г. Первоначально компетенции товарищей министра были незначительными. Более того, некоторые министры не искали себе помощников, должности оставались вакантными. Во второй четверти XIX в. в силу увеличения делопроизводственной переписки и рабочих вопросов, которые надо было решать, должность товарища министра приобретала всё большие полномочия. В Департаменте уделов, с момента его учреждения, товарищей министра было несколько. В штатном расписании и должностных обязанностях товарищей министра Департамента уделов была заложена дифференциация. Бóльшими полномочиями был наделен первый товарищ. За ним закрепляли наблюдение за всем учреждением, председательство в заседаниях присутствия и рассмотрение всех входящих бумаг. В 1808 г. товарищи были уравнены между собой, составляя общее присутствие Департамента уделов. Значительные изменения произошли в 1828 г., когда должность первого товарища была преобразована в должность вице-президента Департамента уделов. С этого момента на основании внутренних локальных нормативно-правовых актов начинается процесс расширения компетенций первого товарища министра существенными исполнительными полномочиями. За ним фактически закреплялась ответственность за работу Департамента уделов и состояние денежных средств. Вице-президент Департамента уделов, особенно в отсутствие министра, фактически становился руководителем ведомства. Такое отделение должности первого товарища министра от остальных товарищей было связано не только с необходимостью расширения функциональных обязанностей, но и с личными мотивами императора Николая I, который окончательно обособил Департамент уделов от механизмов внешнего управления.

³⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 47. Л. 144.

Список литературы

- Высочков Л. В.** Николай I. М.: Молодая гвардия, 2006. 929 с.
- Дерешко Б. Ю., Невский С. А.** «Товарищ должен быть помощником министру по делам, ему вверенным...» (Правовое положение товарищей министра внутренних дел в России в XIX – начале XX в.) // Научный портал МВД России. 2017. № 3 (39). С. 5–12.
- Дунаева Н. В.** Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.). СПб., 2006. 282 с. URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения 12.01.2022).
- Ерошкин Н. П.** История государственных учреждений дореволюционной России. М.: РГГУ, 2008. 710 с.
- Иванов В. А.** Отставные военные в системе гражданских учреждений провинциальной России середины XIX в. (на материалах Калужской губернии) // Вестник Калуж. ун-та. 2011. № 2. С. 45–52.
- История уделов за столетие их существования. 1797–1897. СПб.: Тип. Гл. управления уделов, 1902. Т. 3. 201 с.
- Красникова Ю. Н.** Удельные крестьяне северо-запада России в конце XVIII – первой четверти XIX века: из истории аграрных отношений. СПб.: СПбГАУ, 2014. 164 с.
- Приходько М. А.** Историко-юридическая концепция развития министерской системы управления в России в начале XIX в. // Право и государство: теория и практика. 2007. № 12 (36). С. 84–87.
- Раскин Д. И.** Институт товарищей министров в системе министерского управления Российской империи // Изв. высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 2 (259). С. 132–144.
- РБС – Русский биографический словарь / Изд. Импер. рус. ист. об-ва; под ред. Н. П. Чулкова. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1914. Т. 4. С. 13–14.
- Шепелев Л. Е.** Чиновный мир России XVIII – начала XX в. СПб.: Искусство-СПб, 1999. 479 с.

References

- Dereshko B. Yu., Nevsky S. A.** “Tovarishch dolzhen byt’ pomoshchnikom ministru po delam, emu vverennym...” (Pravovoe polozhenie tovarishchei ministra vnutrennikh del v Rossii v XIX – nachale XX v.) [“The Comrade Should be the Assistant to the Minister for his Business...” (Legal Status of the Comrade of the Minister of Internal Affairs in Russia in the 19th – Beginning of the 20th Century)]. *Nauchnyi portal MVD Rossii [Scientific Portal of the Russia Ministry of Interior]*, 2017, no. 3 (39), pp. 5–12. (in Russ.)
- Dunaeva N. V.** Udel’nye krest’yane kak sub’ekty prava Rossiiskoi imperii (konets XVIII – pervaya polovina XIX v.) [Appanage Peasants as Subjects of the Russian Empire Law (End of the 18th – 1st Half of the 19th Century)]. St. Petersburg, 2006, 282 p. (in Russ.) URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (accessed 12.01.2022).
- Eroshkin N. P.** Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolutsionnoi Rossii [History of State Institutions of Pre-Revolutionary Russia]. Moscow, RSUH Press, 2008, 710 p. (in Russ.)
- Ivanov V. A.** Otstavnye voennye v sisteme grazhdanskikh uchrezhdenii provintsial’noi Rossii serediny XIX v. (na materialakh Kaluzhskoi gubernii) [Retired Military Personnel in the System of Civil Institutions of the Russian Administrative Divisions in the Middle of the 19th Century (Based on the Materials of the Kaluga Governorate)]. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta [Bulletin of Kaluga University]*, 2011, no. 2, pp. 45–52. (in Russ.)
- Istoriya udelov za stoletie ikh sushchestvovaniya. 1797–1897 [The Appanage History for a Century of its Existence. 1797–1897]. St. Petersburg, Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1902, vol. 3, 201 p. (in Russ.)

- Krasnikova Yu. N.** Udel'nye krest'yane severo-zapada Rossii v kontse XVIII – pervoi chetverti XIX veka: iz istorii agrarnykh otnoshenii [Appanage Peasants of the North-Western Russia at the End of the 18th – the 1st Quarter of the 19th Centuries: from the History of Agrarian Relations]. St. Petersburg, SPbSAU Press, 2014, 164 p. (in Russ.)
- Prikhodko M. A.** Istoriko-yuridicheskaya kontseptsiya razvitiya ministerskoi sistemy upravleniya v Rossii v nachale XIX v. [Historical and Legal Concept of the Ministerial System Development of Administration in Russia at the Beginning of the 19th Century]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: Theory and Practice], 2007, no. 12 (36), pp. 84–87. (in Russ.)
- Raskin D. I.** Institut tovarishchei ministrov v sisteme ministerskogo upravleniya Rossiiskoi imperii [The Institute of Comrades of Ministers in the System of Ministerial Administration of the Russian Empire]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie* [News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence], 2005, no. 2 (259), pp. 132–144. (in Russ.)
- Russkii biograficheskii slovar' [Russian Biographical Dictionary]. Edition of the Imperial Russian Historical Society. Ed. by N. P. Chulkov. Moscow, Tipografiya G. Lissnera i D. Sovko, 1914, vol. 4, pp. 13–14. (in Russ.)
- Shepelev L. E.** Chinovnyi mir Rossii XVIII – nachala XX v. [The Bureaucratic World of Russia. 18th – Early 20th Century]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb, 1999, 479 p. (in Russ.)
- Vyskochkov L. V.** Nikolai I [Nicholas I]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2006, 929 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Юлия Николаевна Красникова, кандидат исторических наук, доцент
WoS Researcher ID ACD-4348-2022

Information about the Author

Yulia N. Krasnikova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor
WoS Researcher ID ACD-4348-2022

Статья поступила в редакцию 07.03.2022;
одобрена после рецензирования 02.05.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted on 07.03.2022;
approved after reviewing on 02.05.2022; accepted for publication on 30.06.2022

Научная статья

УДК 930 + 94(470).53

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-78-86

История «Записки о сектах, существующих в Пермской губернии» (1827 год) в судьбах автора и его информаторов

Владимир Анатольевич Шкерин

Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Россия
shkerin_uit@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3925-2873>

Аннотация

Статья посвящена истории создания «Записки о сектах, существующих в Пермской губернии» (1827 г.), ставшей наиболее обстоятельным описанием уральского старообрядчества своего времени. Материал для записки был собран московским чиновником и литератором С. Д. Нечаевым. Его поездка на Урал выпала на тревожное время после разгрома восстания декабристов, когда молодой царь Николай I был склонен всюду подозревать действия тайных обществ. Нечаев ранее состоял в одном из таких обществ (Союзе благоденствия), был дружен с К. Ф. Рылевым, А. А. Бестужевым и другими декабристами-литераторами, почему и сам попал под подозрение. Но три месяца, проведенные им на Урале, позволили ему избежать преследования.

Ключевые слова

старообрядцы, сектанты, А. Г. Строганов, С. Д. Нечаев, декабристы, Николай I, Пермская губерния, горнозаводской Урал, первая половина XIX в.

Для цитирования

Шкерин В. А. История «Записки о сектах, существующих в Пермской губернии» (1827 год) в судьбах автора и его информаторов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 78–86. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-78-86

History of “Note on Sects Existing in the Perm Governorate” (1827) in the Fate of the Author and His Informants

Vladimir A. Shkerin

Institute of History and Archaeology
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russian Federation
shkerin_uit@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3925-2873>

Abstract

The article studies a history of creation of the “Note on sects existing in the Perm Governorate” (1827), which became the most detailed description of the Ural Old believers of this time. The materials for the note was collected by a Moscow official and writer S. D. Nechaev. He traveled to the Urals during the troubled times after the defeat of the Decembrist Revolt when Emperor Nicholas I was inclined to suspect secret societies’ activities everywhere. Stepan

© Шкерин В. А., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 78–86

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 78–86

Dmitriyevich Nechaev (1792–1860) was also a member of the Union of Prosperity. Usually, investigators were not interested in persons who had left the Decembrist societies before 1821. But Nechaev signed a false statement according to which he had never been a member of such societies. For such acts of perjury, other members of the Union of Prosperity were sentenced to a month's imprisonment in the Peter and Paul Fortress. Nechaev also had artistic and friendly relations with the Decembrists-writers A. A. Bestuzhev, K. F. Ryleev, V. K. Kyukhelbeker, who played key or prominent roles in the preparation and realization of the armed revolt on 14 December 1825 in St. Petersburg. However the three months spent in the Ural region saved him from prosecution.

Keywords

old believers, sectarians, A. G. Stroganov, S. D. Nechaev, Decembrists, Nicholas I, Perm Governorate, mining and metallurgical Urals, the first half of the 19th century

For citation

Shkerin V. A. History of "Note on Sects Existing in the Perm Governorate" (1827) in the Fate of the Author and His Informants. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 78–86. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-78-86

1 марта 1827 г. флигель-адъютант полковник барон и граф А. Г. Строганов подал рапорт управляющему Главным штабом генералу от инфантерии графу П. А. Толстому: «Его Императорскому Величеству благоугодно было по случаю моего пребывания в Пермской губернии поручить мне войти совокупно с г. надворным советником Нечаевым, в пособие мне откомандированным, в разыскание существующих и возникающих в оной губернии раскольниковских сект. Не окончив первого возложенного на меня исследования по доносу, сделанному на управляющего заводами наследниц купца Расторгуева, получил я в одно время как оное второе, так и третье поручение по Высочайшей воле лично на меня возложенное, а потому, не предвидев, сколько еще времени займет меня первое следствие, мною начатое в Пермской губернии, и другое, ожидавшее меня в Оренбургской губернии, решился я во избежание медлительности предоставить г. Нечаеву начатие разысканий о расколах в том предположении, что, приведя к окончанию возложенные лично на меня поручения, успею еще и оным предметом заняться... но прибыв в последних числах генваря месяца в город Пермь, г. Нечаев доставил мне уже полную записку о существующих в Пермской губернии сектах, которую имею честь при сем предоставить Вашему Сиятельству в подлиннике...»¹.

К рапорту прилагалась «Записка о сектах, существующих в Пермской губернии», заключающая в себе без малого семьдесят исписанных с обеих сторон листов. «В сей записке представлены по порядку собранные не официально, но вообще скрытым образом сведения о сих сектах, – сообщал автор. – Далее изложено будет подробное рассуждение о причинах укоренения и распространения оных по здешнему краю. Из сих причин выведется общее заключение о цели каждого и всех вообще расколов. Наконец, упомянуто будет о средствах, которые могли бы прекратить их приращение и по времени истребить, по крайней мере, из числа оных самые нелепые»². Записка имеет следующую структуру: «Введение»; «О поповщине»; «О беспоповщине»; «О скопцах»; «Причины распространения раскола», из которых выделены «Причины общие» и «Причины особенные» («а. Относящиеся до поповщины; б. Относительно беспоповщины; в. Относительно скопцов или новых израильтян»); «Заключение»; «Мнение о принятии некоторых мер в отношении к расколам, усилившимся в Пермской губернии» и «Замечания» (т. е. примечания). В приложениях даны: «Песни, употребляемые при богослужении скопцов»; «Образец пророчества»; «Наставление на путь» и «Список приобретенных книг и рукописей из числа употребимых в разных сектах».

Документ датирован 5 февраля 1827 г., что отчасти противоречит словам Строганова о готовности «полной записки» в конце января. Вручая свое сочинение флигель-адъютанту, автор с волнением и надеждой просил: «...ежели записка сия представлена будет Государю Императору, довести до сведения Его Величества: 1-е. Что... она сочинена была в одну неделю», что не позволило «исправить все ее недостатки в плане и слоге; 2-е. Что пространство

¹ РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 3. Л. 281–282.

² Там же. Л. 284 об.

Пермской губернии и подозрительность начальств уездных и заводских... не допустили... в течение двух месяцев с половиною собрать более о сектах сведений; 3. Что Нечаев собирал оные неофициальным образом...»³. Вероятно, при встрече в Перми Нечаев вначале предъявил Строганову краткую версию записки, известную под названием «Первых замечаний о раскольниках в Пермской губернии» (Нечаев, 1893, с. 550–564), которая затем была спешно – «в одну неделю» – доработана до окончательного варианта.

В научных публикациях в качестве источника чаще используется дневник, который С. Д. Нечаев вел по долгу службы («исследователь должен вести журнал и в свое время представить в подлиннике») во время уральского вояжа 1826–1827 гг. (см. [Голикова, 2012; Белобородов, Боровик, 2013, с. 189–190] и др.). Дневник был опубликован на исходе XIX в. заслуженным ординарным профессором Московской духовной академии Н. И. Субботиным в издаваемом им журнале «Братское слово» (Дневник..., 1893–1894). «Записка о сектах» по сей день остается неопубликованной и, вероятно, поэтому обделена вниманием историков. В задачу настоящей статьи не входят ни обстоятельный обзор записки, ни тем более сравнение ее содержания с современными знаниями о старообрядчестве и сектантстве той эпохи. Речь пойдет об истории появления документа – об обстоятельствах и причастных лицах.

Эта история началась с «извета», поданного штейгером (рудничным мастером) Хлобыстиным в Комиссию разыскания похищений золота, открывшую работы на Урале в 1826 г. под руководством статских советников Д. С. Пассенко и А. Г. Милорадовича. Главной темой «извета» была незаконная добыча золота в башкирских землях, ведшаяся волею Григория Федотовича Зотова – неофициального управлявшего Кыштымским горным округом наследниц Л. И. Расторгуева⁴. Среди прочего штейгер сообщал и о том, что в сентябре 1824 г. «во время проезда покойного Государя Императора Александра I через Пермскую губернию за одно намерение подать на Высочайшее имя просьбу два крестьянина Кыштымского завода, Косолапов и Седельников, по приказанию Зотова застрелены были из ружей при заводском исправнике и по его приказанию похоронены – без производства исследования...» [Новокрещенных, 1893, с. 66]. И, поскольку речь шла не только о двойном убийстве, но и о воспрепятствовании подданным в обращении к монарху, дело было поручено императорскому флигель-адъютанту Александру Григорьевичу Строганову (1795–1891).

Кыштымский округ не только был населен старообрядцами, но и принадлежал семейному клану купцов-старообрядцев Расторгуевых – Харитоновых – Зотовых. Из старообрядцев же была набрана вся заводская администрация. Однако конфессиональная общность не стала социальной идиллией. Работники жаловались, что купец 1-й гильдии Лев Иванович Расторгуев, купивший округ у Демидовых в 1809 г., ныне «против силы закона и человечеству не свойственные возложил отягощения», и уверяли, что ранее, принадлежа Демидовым, «находились в цветущем и законном состоянии»⁵. В 1822–1823 гг. Кыштымский округ охватили рабочие и крестьянские волнения, для подавления которых пришлось привлечь воинскую команду [Горловский, Пятницкий, 1954, с. 112–150]. Во главе волнения стоял Климентий Фомич Косолапов, считавшийся мастеровым лишь де-юре, а де-факто ведущий розничную торговлю заводскими изделиями от Екатеринбургa от Троицка. Будучи арестован и доставлен для суда в Екатеринбург, Косолапов в сентябре 1823 г. бежал и поселился в лесной избушке близ Кыштыма. Поначалу Зотов, не желавший сердить без того недовольных кыштымцев, предпринимал к поимке Косолапова «слабые меры». Однако через год он проведal

³ РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 111. Л. 1.

⁴ После кыштымских волнений 1822–1823 гг. и кончины Л. И. Расторгуева от апоплексического удара в феврале 1823 г. заводы были унаследованы его вдовой Анной Федотовной (ум. 1826) и двумя дочерьми. Дочери были замужем за купцами 1-й гильдии: старшая Мария – за Петром Яковлевичем Харитоновым, младшая Екатерина – за Александром Григорьевичем Зотовым (сыном Г. Ф. Зотова). При этом заводы были взяты в казенное управление, которое формально осуществлял берг-гауптман И. Л. Тетюев [Свистунов, 1997, с. 54–55].

⁵ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 662. Л. 225, 230.

о намерении беглеца жаловаться путешествовавшему императору. Между тем управляющий сам собирався предстать пред монархом в Екатеринбурге и небезосновательно возлагал большие надежды на эту встречу (следствием ее стало высочайшее повеление о возврате заводов в полное распоряжение наследниц Расторгуева с 1 октября 1825 г.). Тогда-то и были убиты в кыштымском лесу Косолапов, а также выдавший его убежище и оказавшийся нежелательным свидетелем Седельников [Кулагина, 1960].

Граф А. Г. Строганов, приступив к расследованию в сентябре 1826 г., сумел захватить в губернской Перми бухгалтерскую книгу расторгуевско-харитоновского поверенного Осипа Наседкина, в которой были зафиксированы «лихоимственные дачи» на общую сумму 61 920 руб. и 1 коп. за 1812–1826 гг.⁶ Выяснилось, что старообрядческими взятками кормились не только «первые лица» губернии, но и ряд важных персон в столице. В ведомости оказались поименованы все чиновники Пермского горного правления (за исключением берггауптмана С. М. Походяшина). При этом злополучную ведомость нельзя было объяснить делами лишь Кыштымского округа или интересами одного родственного клана. Не ожидая того, граф обнаружил общую кассу уральского старообрядческого купечества, контролировавшего в том числе пост городского головы Екатеринбурга – богатейшего города Пермской губернии. Как раз в 1826 г. этот пост занял один из расторгуевских зятьев – проходивший по строгановскому следствию П. Я. Харитонов [Главы..., 2003, с. 90–93].

Имперская власть весьма слабо представляла, как устроен мир урало-сибирского старообрядчества. На изучение этого вопроса у Строганова сил уже не хватало, никому из уральцев он доверять не мог, поэтому «в пособие» ему и был определен надворный советник Нечаев.

Чиновник особых поручений при московском генерал-губернаторе Степан Дмитриевич Нечаев (1792–1860) имел свои причины стремиться в эту поездку. Будучи литератором, он поддерживал дружеские отношения с издателями альманаха «Полярная звезда» – писателем и критиком А. А. Бестужевым и поэтом К. Ф. Рылеевым. В 1823–1824 гг. Нечаев публиковал стихотворения, посвященные членам тайных обществ Г. А. Римскому-Корсакову, П. Д. Черевину, а также А. И. Якубовичу (в обществах, вероятно, не состоявшему, но примерявшему на себя роль цареубийцы). В 1824 г. Нечаев же поместил в альманахе «Мнемозина», издаваемом В. К. Кюхельбекером и князем В. Ф. Одоевским, «Застольную песнь греков» – наиболее декабристское по духу свое произведение:

Исчезнут мрачны препинанья,
Замолкнет грустный звук цепей,
И совершатся ожиданья
Отчизны истинных друзей...
(Декабристы, 1951, с. 269).

Рылеев, Бестужев, Якубович, Кюхельбекер показали себя ключевыми фигурами или важными участниками восстания на Сенатской площади в декабре 1825 г. Некстати оказалось и собственное бывшее членство Нечаева в Союзе благоденствия. В 1826 г. новый император Николай I повелел «истребовать по всему государству от всех находящихся в службе и отставных чиновников и неслужащих дворян» расписки в том, что они не участвовали в тайных обществах, а если участвовали, то сообщить в каких. Нечаев заявил о своей непричастности. Вскоре один чиновник (Д. И. Альбицкий) сознался, что был принят Нечаевым в названный Союз, а другой (И. С. Бабаев) – в том, что подобное предложение от него получал (Отголоски..., 1910, с. 336) [Мухина, 1975, с. 243].

Сказанное не означает, что С. Д. Нечаева можно отнести к числу «первых русских революционеров». Как и многие другие «безвестные декабристы», он вступил в тайное общество и покинул его ряды, когда речи о военной революции еще не шло [Ильин, 2004, с. 395–397;

⁶ ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 136. Л. 1–10.

Шкерин, 2005, с. 19–58]. «Союз благоденствия в святую себе вменяет обязанность распространением между соотечественниками истинных правил нравственности и просвещения споспешествовать правительству к возведению России на степень величия и благоденствия, к коей она самим творцом предназначена», – так определялась цель общества в его уставе (Законоположение..., 1951, с. 241–242). На следствии 1825–1826 гг. принадлежность к Союзу благоденствия, как правило, оставалась без внимания. Но в случае Нечаева речь пошла о клятвопреступлении. За аналогичное сокрытие бывшие члены Союза благоденствия полковник Р. В. Любимов и подполковник К. Э. фон Руге были подвергнуты аресту и отсидели по лишенному месяцу в крепости [Декабристы, 1988, с. 108, 160].

Начальник 2-го (Московского) округа корпуса жандармов генерал-майор А. А. Волков получил от главноуправляющего III отделением генерал-адъютанта А. Х. Бенкендорфа приказ собрать «полные сведения» о С. Д. Нечаеве. Однако, по собственному признанию, «сколько не старался разведать о г. Нечаеве, но ничего более узнать не смог, как только, что г. Нечаев в какой-то отдаленной губернии находится с флигель-адъютантом бароном Строгановым на следствии при особых полномочиях...» [Мухина, 1975, с. 243]. Между тем выбор кандидатуры Нечаева для этого задания не мог быть обусловлен его осведомленностью: интереса к старообрядчеству он прежде не проявлял. Генерал-губернатор князь Д. В. Голицын был недоволен появлением в Москве независимых от него жандармов [Чукарев, 2005, с. 143–144] и тем охотнее взялся спасти своего человека от их преследований. В предписании Нечаеву от 5 октября 1826 г. Голицын требовал «немедленно отправиться... в город Пермь по нахождению там ныне флигель-адъютанта графа Строганова» [Субботин, 1893, с. 533–534].

7 октября Нечаев покинул Москву и, не застав Строганова в Перми, встретился с ним 26 числа уже в Кыштыме, чтобы затем, «в течение трех месяцев проехав в разных направлениях до 3 500 верст по Пермской губернии»⁷, собрать материал для интересующей нас записки. В этом Нечаеву помогали завербованные им агенты из числа бывших старообрядцев. Происходивший «из коренного староверческого рода» купец 3-й гильдии Василий Павлович Клюквин (1791–1836) доставил Нечаеву «под видом товаров... несколько книг, употребительных у часовенных старообрядцев, и несколько рукописей, объясняющих основания их секты» (Дневник, 1893, т. 2, с. 583). Он же составил «записку о всех более или менее известных ему сектах сего края» (Заметки..., 1893, с. 600–626) и донесение о екатеринбургских скопцах, ради чего вступил в секту и едва избежал калечащей операции (Донесение..., 1893, с. 717–787). Клюквин же свел Нечаева с двумя другими важнейшими информаторами: мастеровым Киприаном Викуловичем Пастуховым (1796–?), бежавшим из разоренного башкирами скита под Кыштымом, и бывшим поморцем Феокистом Андреевичем Улеговым (1803–1830), служившим в Нижнетагильской заводской конторе. Последний скупал для Нечаева старообрядческие книги и писал записки «о причинах распространения поморской ереси и о средствах прекратить оную».

Успешное выполнение секретного задания спасло С. Д. Нечаева. Генерал Волков сумел доложить Бенкендорфу о его местонахождении в апреле 1827 г., когда Нечаев, проездом посетив Москву, был уже в Санкт-Петербурге. Благостную характеристику Нечаева Бенкендорф получил и от агента-литератора Ф. В. Булгарина: «Он пишет плохие стихи и плохую прозу, и, желая поместить в “Полярной звезде” свои труды, весьма ласкал Алек. Бестужева

⁷ «Я начал свои разыскания с города Екатеринбурга, осведомляясь о влиянии тамошнего Общества Старообрядцев», – докладывал С. Д. Нечаев графу А. Г. Строганову и излагал подробности своего маршрута: «объездил важнейшие заводы, частные и казенные по восточному склону Уральских гор», через Верхотурье и Ирбит вернулся в Екатеринбург, затем «объехал юго-восточную часть Пермской губернии, начав с Каменского завода и Далматова», «из Шадринска проехал чрез разные волости на казенные винокуренные заводы Ектарский и Талицкий», «потом, распространяя свое исследование о разных сектах беспоповщины, так и об умножении собственно так называемого Старообрядчества на западные части Пермской губернии... был еще на многих заводах – Васильевском, Ревдинском, Уфалейском и проч.», а также в прикамских городах – Осе, Соликамске, Чердыни и, разумеется, в Перми (РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 111. Л. 7 – 8 об.).

и Рылеева во время их проездов чрез Москву. <...> Никто не слыхал из его приближенных, чтоб он дурно относился о правительстве» (Видок Фиглярин..., 1998, с. 383). Между тем в 1827 г., когда создавалась «Записка о сектах», Николай I еще не определился в своей религиозной политике. Одной рукой утверждая устав старообрядческой общины в Риге и позволяя ей открыть школу, другой рукой молодой император благословлял светские и церковные власти Поволжья на поход против Иргиза [Зеньковский, 2000, с. 276–277]. Обладавший уникальными знаниями и опытом С. Д. Нечаев был определен в 1828 г. в Святейший Синод за обер-прокурорский стол, а в 1833 г. стал синодальным обер-прокурором.

Взаимный интерес уральских агентов к С. Д. Нечаеву не исчерпывался выплатой некоторых денежных сумм. Феоктисту Улегову он помог получить место секретаря при жившем во Флоренции заводчике Николае Никитиче Демидове [Рейблат, Шкерин, 2018]. После кончины тяжело болевшего Демидова в 1828 г. именно Улегову было поручено доставить бранные останки богача из Италии на Урал, в Нижнетагильский завод, где и состоялось его погребение [Шкерин, 2018]. Василий Клюквин и Киприан Пастухов, вероятно, искали покровительства Нечаева, опасаясь комиссии Пассенко и Милорадовича. Лишь в 1834 г. Клюквин и Пастухов были арестованы как руководители сети тайных торговцев золотом и фальшивомонетчиков (под судом тогда оказались 74 человека). В начале 1836 г. Пастухов был бит кнутом, клеймен и сослан на каторгу. Клюквин умер в тюрьме до завершения процесса [Бондаренко, 2008, с. 176–179].

Было это совпадением или нет, но в июне того же 1836 года Нечаева, по словам современника, «разжаловали в московские сенаторы» (Дмитриев, 1998, с. 435). К тому времени репрессивный характер политики Николая I в отношении старообрядцев и сектантов вполне определился. Автор записки, утверждавший, что «просвещенное человеколюбие при рассмотрении действительного состояния сих религиозных сословий... призывает более к великодушному смирению, нежели к строгим взысканиям за драгоценные для них заблуждения»⁸, очевидно, более не мог представлять императора в Святейшем Синоде.

Список литературы

- Белобородов С. А., Боровик Ю. В. «Ревнителю древнего благочестия» (очерк истории верхнетагильского старообрядчества) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2013. Вып. 1 (5). С. 178–214.
- Бондаренко Ф. В. Экономические преступления в Екатеринбурге во времена «золотой лихорадки» первой половины XIX в. // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX–XXI вв. Томск, 2008. С. 173–181.
- Главы городского самоуправления Екатеринбурга: Исторические очерки. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. 264 с.
- Голикова С. В. «Бредни христовщины и безумие скопчества»: история сектантства на Урале в 1-й четверти XIX в. по дневнику С. Д. Нечаева // Изв. Урал. федерал. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. № 1. С. 130–136.
- Горловский М. А., Пятницкий А. Н. Из истории рабочего движения на Урале: Очерки о положении крепостных рабочих Среднего Урала и их борьбе за ликвидацию крепостничества (1800–1870 гг.). Свердловск: Свердлов. кн. изд-во, 1954. 378 с.
- Декабристы: Биографический справочник / Под ред. М. В. Нечкиной. М.: Наука, 1988. 448 с.
- Зеньковский С. Русское старообрядчество в XVII–XIX вв. // Transactions of the Association of Russian-American Scholars in the U.S.A. (Записки русской академической группы в США). New York, 2000. Vol. 30. С. 261–362.
- Ильин П. В. Новое о декабристах: прощенные, оправданные и неопознанные участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб.: Нестор-История, 2004. 664 с.

⁸ РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 3. Л. 326 об.

- Кулагина Г. А.** К вопросу о руководителях волнений уральских мастеровых в 20-х годах XIX столетия // Из истории Урала. Свердловск, 1960. С. 157–163.
- Мухина С. Л.** Безвестные декабристы (П. Д. Черевин, С. Д. Нечаев) // Исторические записки. 1975. Т. 96. С. 231–251.
- Новокрещенных Н. Н.** Из истории Кыштымских горных заводов // Тр. Пермской ученой архивной комиссии. 1893. Вып. 2. С. 61–83.
- Рейблат А. И., Шкерин В. А.** Феоктист Улегов, автор «Гостинного двора российской словесности» // Литературный факт. 2018. № 8. С. 112–129.
- Свистунов В. М.** История Каслинского завода, 1745–1900. Челябинск: Рифей, 1997. 206 с.
- [Субботин Б. С.]** Исследования о Пермском расколе в начале царствования императора Николая (Из архива С. Д. Нечаева) // Братское слово. 1893. Т. 1. С. 532–549.
- Чукарев А. Г.** Тайная полиция России: 1825–1855 гг. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. 704 с.
- Шкерин В. А.** От тайного общества до Святейшего Синода: Декабрист С. Д. Нечаев. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 421 с.
- Шкерин В. А.** Путешествие покойника из Флоренции в Нижнетагильский завод // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 133–141.

Список источников

- Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М.: НЛЮ, 1998. 704 с.
- Декабристы: Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика / Сост. Вл. Орлов. М.; Л.: ГИХЛ, 1951. 688 с.
- Дмитриев М. А.** Главы из воспоминаний моей жизни. М.: НЛЮ, 1998. 752 с.
- Дневник С. Д. Нечаева // Братское слово. 1893. Т. 1. С. 61–80, 143–153; 1894. Т. 2. С. 572–589, 662–672, 742–752, 827–838.
- Донесение В. П. Клюквина о скопцах // Братское слово. 1893. Т. 1. С. 717–787.
- Законоположение Союза Благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 239–276.
- Заметки В. П. Клюквина о раскольнических сектах в Пермской губернии // Братское слово. 1893. Т. 1. С. 600–626.
- [Нечаев С. Д.]** Первые замечания о раскольниках Пермской губернии // Братское слово. 1893. Т. 1. С. 550–564.
- Отголоски 14-го декабря в Московском университете. Сообщил М. Гершензон // Русская старина. 1910. № 2. С. 333–349.

References

- Beloborodov S. A., Borovik Yu. V.** “Revniteli drevlego blagochestiya” (oчерk istorii verkhnetagil’skogo staroobryadchestva) [“Zealots of Old Piety” (An Essay on the History of the Verkhny Tagil Old Believers)]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii* [Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary], 2013, vol. 1 (5), pp. 178–214. (in Russ.)
- Bondarenko F. V.** Ekonomicheskie prestupleniya v Ekaterinburge vo vremena “zolotoi likhoradki” pervoi poloviny XIX v. [Economic Crimes in Yekaterinburg during the “Gold Rush” of the 1st Half of the 19th Century]. In: *Khozyaistvennoe i kul’turnoe razvitie Urala i Sibiri v XIX–XXI vv.* [Economic and Cultural Development of the Urals and Siberia in the 19th – 21st Centuries]. Tomsk, 2008, pp. 173–181. (in Russ.)
- Chukarev A. G.** Tainaya politsiya Rossii: 1825–1855 gg. [The Secret Police of Russia: 1825–1855]. Moscow, Zhukovsky, Kuchkovo Pole, 2005, 704 p. (in Russ.)
- Glavy gorodskogo samoupravleniya Ekaterinburga: Istoricheskie oчерki [Heads of Yekaterinburg City Self-government: Historical Essays]. Yekaterinburg, U-Faktoriya, 2003, 264 p. (in Russ.)

- Golikova S. V.** “Bredni khristovshchiny i bezumie skopchestva”: istoriya sektantstva na Urale v 1-i chetverti XIX v. po dnevniku S. D. Nechaeva [“The ravings of Christism and the madness of the Flock”: the History of Sectarianism in the Urals in the 1st Quarter of the 19th Century According to the Diary of S. D. Nechaev]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Ural Federal University. Series 2: Humanities], 2012, no. 1, pp. 130–136. (in Russ.)
- Gorlovsky M. A., Pyatnitsky A. N.** Iz istorii rabocheho dvizheniya na Urale: Ocherki o polozhenii krepостnykh rabochikh Srednego Urala i ihk bor'be za likvidatsiyu krepостничества (1800–1870 gg.). [From the History of the Labor Movement in the Urals: Essays on the Situation of Serf Workers in the Middle Urals and their Struggle to Eliminate Serfdom (1800–1870)]. Sverdlovsk, Sverdlovsk Book Publ., 1954, 378 p. (in Russ.)
- Ilyin P. V.** Novoe o dekabristakh: proshchennye, opravdannye i neobnaruzhennye uchastniki tainnykh obshchestv i voennykh vystuplenii 1825–1826 gg. [New about Decembrists: Forgiven, Justified and Undiscovered Participants of Secret Societies and Military Actions of 1825–1826]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2004, 664 p. (in Russ.)
- Kulagina G. A.** K voprosu o rukovoditelyakh volnenii ural'skikh masterovykh v 20-kh godakh XIX stoletiya [On the Question of the Leaders of the Unrest of the Ural Workers in the 20s of the 19th Century]. In: Iz istorii Urala [From the History of the Urals]. Sverdlovsk, 1960, pp. 157–163. (in Russ.)
- Mukhina S. L.** Bezvestnye dekabristy (P. D. Cherevin, S. D. Nechayev) [Unknown Decembrists (P. D. Cherevin, S. D. Nechayev)]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes], 1975, vol. 96, pp. 231–251. (in Russ.)
- Nechkina M. V.** (ed.). Dekabristy: Biograficheskii spravochnik [The Decembrists: a Biographical Guide]. Moscow, Nauka, 1988, 448 p. (in Russ.)
- Novokreshchennykh N. N.** Iz istorii Kyshtym'skikh gornyykh zavodov [From the History of Kyshtym Mining Plants]. *Trudy Permskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Perm Scientific Archive Commission], 1893, vol. 2, pp. 61–83. (in Russ.)
- Reiblat A. I., Shkerin V. A.** Feoktist Ulegov, avtor “Gostinnogo dvora rossiiskoi slovesnosti” [Feoktist Ulegov, Author of “Gostinyi dvor of Russian literature”]. *Literaturnyi fakt* [Literary Fact], 2018, no. 8, pp. 112–129. (in Russ.)
- Shkerin V. A.** Ot tainnogo obshchestva do Svyateishego Sinoda: Dekabrist S. D. Nechayev [From the Secret Society to the Holy Synod: Decembrist S. D. Nechayev]. Yekaterinburg, Ural State Uni. Press, 2005, 421 p. (in Russ.)
- Shkerin V. A.** Puteshestvie pokoinika iz Florentsii v Nizhnetagil'skii zavod [Travel of the Deceased from Florence to Nizhnetagil'sky Zavod]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2018, no. 3 (60), pp. 133–141. (in Russ.)
- [Subbotin B. S.]** Issledovaniya o Permskom raskole v nachale tsarstvovaniya imperatora Nikolaya (Iz arkhiva S. D. Nechaeva) [Research on the Permian Old Believers at the Beginning of the Reign of Emperor Nicholas (from the Archive of S. D. Nechaev)]. *Bratskoe slovo* [Fraternal Word], 1893, vol. 1, pp. 532–549. (in Russ.)
- Svistunov V. M.** Istoriya Kaslinskogo zavoda, 1745–1900 [The History of the Kasli Plant, 1745–1900]. Chelyabinsk, Rifei, 1997, 206 p. (in Russ.)
- Zenkovsky S.** Russkoe staroobryadchestvo v XVII–XIX vv. [Russian Old Believers in the 17th – 19th Centuries]. *Transactions of the Association of Russian-American Scholars in the U.S.A.*, 2000, vol. 30, pp. 261–362. (in Russ.)

List of Sources

Dekabristy: Poeziya. Dramaturgiya. Proza. Publitsistika. Literaturnaya kritika [The Decembrists: Poetry. Dramaturgy. Prose. Publicism. Literary Criticism]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, 1951, 688 p. (in Russ.)

- Dmitriev M. A.** Glavy iz vospominanii moei zhizni [Chapters from My Life's Memories]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 1998, 752 p. (in Russ.)
- Dnevnik S. D. Nechaeva [Diary of S. D. Nechaev]. *Bratskoe slovo* [Fraternal Word], 1893, vol. 1, pp. 61–80, 143–153; 1894, vol. 2, pp. 572–589, 662–672, 742–752, 827–838. (in Russ.)
- Donesenie V. P. Klyukvina o skoptsakh [V. P. Klyukvin's Report on the Skoptsy]. *Bratskoe slovo* [Fraternal Word], 1893, vol. 1, pp. 717–787. (in Russ.)
- [**Nechaev S. D.**] Pervye zamechaniya o raskol'nikakh Permskoi gubernii [First Remarks on the Dissenters of the Perm Governorate]. *Bratskoe slovo* [Fraternal Word], 1893, vol. 1, pp. 550–564. (in Russ.)
- Otgosloski 14-go dekabrya v Moskovskom universitete. Soobshchil M. Gershenzon [Echoes of December 14th at Moscow University. Reported by M. Gershenzon]. *Russkaya starina* [Russian Antiquity], 1910, no. 2, pp. 333–349. (in Russ.)
- Vidok Figlyarin: Pis'ma i agenturnye zapiski F. V. Bulgarina v III otdelenie [Vidok Figlyarin: Letters and Agent Notes of F. V. Bulgarin to the III Department]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 1998, 704 p. (in Russ.)
- Zakonopolozhenie Soyuza Blagodenstviya [The Legislation of the Union of Prosperity]. In: Izbrannye sotsial'no-politicheskie i filosofskie proizvedeniia dekabristov [Selected Socio-political and Philosophical Works of the Decembrists]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1951, vol. 1, pp. 239–276. (in Russ.)
- Zametki V. P. Klyukvina o raskol'nicheskikh sektakh v Permskoi gubernii [V. P. Klyukvin's Notes on Schismatic Sects in the Perm Governorate]. *Bratskoe slovo* [Fraternal Word], 1893, vol. 1, pp. 600–626. (in Russ.)

Информация об авторе

Владимир Анатольевич Шкерин, доктор исторических наук
Scopus Author ID 57191591707
WoS Researcher ID P-9144-2015

Information about the Author

Vladimir A. Shkerin, Doctor of Sciences (History)
Scopus Author ID 57191591707
WoS Researcher ID P-9144-2015

Статья поступила в редакцию 12.02.2022;
одобрена после рецензирования 22.03.2022; принята к публикации 02.05.2022
The article was submitted on 12.02.2022;
approved after reviewing on 22.03.2022; accepted for publication on 02.05.2022

Научная статья

УДК 94(510).09:2

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-87-97

Подготовка нормативно-правового и организационно-методического обеспечения деятельности первой казахской учительской школы в Оренбургском генерал-губернаторстве (70-е – начало 80-х годов XIX века)

Юлия Александровна Лысенко¹

Альбина Советовна Жанбосинова²

¹ Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия

² Евразийский национальный университет имени Л. Гумилева
Астана, Республика Казахстан

¹ iulia_199674@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1088-3578>

² sovetuk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4541-4154>

Аннотация

На основе материалов делопроизводства региональной администрации Оренбургского края, выявленной в Российском государственном историческом архиве, анализируется процесс становления системы среднего профессионального педагогического образования для казахского населения Тургайской и Уральской областей. Выявлено, что открытию первой казахской учительской школы в г. Орске в 1883 г. предшествовала десятилетняя подготовительная работа Особой комиссии. В ее работе приняли участие оренбургский генерал-губернатор, губернаторы Уральской и Тургайской областей, чиновники Министерства народного просвещения, Казанского и Оренбургского училищных округов. В поле зрения Комиссии была разработана Положения о школе, определившего принципы и правила ее функционирования. Участники дискуссии обсуждали вопросы языка преподавания, содержания учебного процесса, квалификации выпускников, возможности их трудоустройства.

Ключевые слова

Оренбургский край, Российская империя, казахская учительская школа, педагогическое образование, казахский язык

Благодарности

Работа выполнена за счет средств гранта РНФ (проект № 19-18-00023)

Для цитирования

Лысенко Ю. А., Жанбосинова А. С. Подготовка нормативно-правового и организационно-методического обеспечения деятельности первой казахской учительской школы в Оренбургском генерал-губернаторстве (70-е – начало 80-х годов XIX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 87–97. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-87-97

The Preparation of Regulatory and Organizational-Methodological Support for the Activities of the First Kazakh Teachers' School in the Orenburg Governorate (1870s – Early 1880s)

Yulia A. Lysenko¹, Albina S. Zhanbosinova²

¹ Altai State University
Barnaul, Russian Federation

² Lev Gumilev Eurasian National University
Astana, Republic of Kazakhstan

¹ iulia_199674@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1088-3578>

² sovetuk@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4541-4154>

Abstract

Based on the documentation of the local administration of the Orenburg Governorate, found in the Russian State Historical Archive, the article analyzes the process of establishing the secondary teacher's education system for the Kazakh population of Turgai and Ural regions. The authors reveal that a decade of preparations held by the Special Commission underlay the opening of the first Kazakh teachers' school in Orsk in 1883. They conclude that governmental circles of the Russian Empire considered the training of teachers from the Kazakh population for elementary school as an important element of policy aimed to integrate the region in all-Imperial cultural-educational space. More than a decade was spent for an organizational and methodical work, formation of the legal basis for the Kazakh teachers' school, finding of the sources of financing and the first attempt to create the Kazakh alphabet based on the Russian script. The Commission, specially created for completing these tasks, was attended by the Orenburg Governor-General, the governors of the Urals and Turgai regions, the officials of the Ministry of Public Education, the Kazan and Orenburg school districts, as well as representatives of the Kazakh population. Officials of the local administration often had different opinions regarding different problems. The most debatable issue was the language of education in the teachers' school and the relevance of courses of Arabic script and Koran studies. A certain group of officials acted as a conductor of the government policy in the Steppe, aimed at restricting the woeful customs among the Tatar population and the spread of Islam. Therefore, they furiously fought against the introduction of these courses and believed that only Cyrillic-based Kazakh language should be the language of education. Other officials believed that these courses are necessary for more successful adaptation of the Kazakh children to the educational process and popularization of school among the population. Eventually, position of the second group prevailed and adopted Regulations on the Kazakh Teachers' School turned out to be quite liberal in its content.

Keywords

Orenburg region, Russian empire, Kazakh teachers' school, pedagogical education, Kazakh language

Acknowledgements

The research is supported by a grant of the Russian Science Foundation, project no. 19-18-00023

For citation

Lysenko Yu. A., Zhanbosinova A. S. The Preparation of Regulatory and Organizational-Methodological Support for the Activities of the First Kazakh Teachers' School in the Orenburg Governorate (1870s – Early 1880s). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 87–97. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-87-97

Формирование системы начального школьного образования для казахского населения Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств во второй половине XIX в. рассматривалось как одно из приоритетных направлений политики Российской империи в данном этнорегионе. Российская система образования, внедряемая в степи, была призвана ограничить влияние мусульманской школы, модернизировать традиционное казахское общество, сформировать у молодого казахского поколения приверженность российской государственности [Лысенко и др., 2021; Любичанковский, 2018; Стурова, 2018, с. 98]. На протяжении 60–70-х гг. XIX в. численность школ для казахских детей была незначительной, они функционировали в областных и некоторых уездных центрах, а также в Оренбурге и Омске. Волостные и аульные казахские школы в условиях кочевого образа жизни населения степи появились гораздо позже – в 90-е гг. XIX в.

Медленные темпы школьного строительства в Степном крае объяснялись рядом объективных обстоятельств, главными из которых стали тесно связанные между собой кадровая проблема и проблема отсутствия письменного казахского языка. Они осложнялись тем, что принятая в инородческих школах Российской империи методика Н. И. Ильминского предусматривала преподавание в них на родном языке носителями языка [Вахрамеева, 1997; Исхакова, 2001; Павлова, 2000]. Постепенно в стране открывались среднепрофессиональные учреждения, готовившие педагогические кадры для отдельных народов: Казанская крещено-татарская школа, Симбирская чувашская учительская школа, Уфимская, Черемисская и Бирская инородческие учительские школы [Ефимов, 2000]. Главное внимание в данных учебных заведениях уделялось подготовке к преподаванию на родном языке.

В казахской степи в этот период была распространена татарская письменность на основе арабской вязи. Учителей из русской этнической среды, владеющих казахским языком, фактически не было. Представители татарского этноса в основном практиковали в казахской степи как учителя мектебов – традиционных начальных мусульманских школ. Из опасения дальнейшего «отатаривания», под которым понималась исламизация казахского населения, российские власти не рекомендовали привлечение татар в государственную / правительственную школу. Поэтому важным аспектом формирования системы российского школьного образования в Степном крае стала подготовка профессиональных учительских кадров из казахской этнической среды.

В историографии проблема становления и развития среднепрофессионального педагогического образования для казахского населения представлена фрагментарно. Как правило, ученые рассматривают проблему в контексте истории развития системы российского школьного образования в Степном крае. Отмечается, что «до открытия учительских семинарий в начальных училищах и русско-туземных школах работали священнослужители, выпускники Неплюевского кадетского корпуса, школы при Оренбургской пограничной комиссии, а также гимназий и прогимназий, не имеющие педагогического образования» [Рыгалова, 2020]. Исследователи констатируют острую нехватку учителей в Степном крае, связанную с плохими материально-техническими условиями работы, низкой заработной платой, отсутствием региональных профессиональных учреждений педагогического образования. Отправной точкой формирования среднепрофессиональной педагогической подготовки для казахского населения в историографии принято считать 1883 г., когда была открыта первая учительская школа для казахов в г. Орске Оренбургской губернии. Исследователи проанализировали ее историю, выявили содержание процесса обучения, кадровый состав, общую численность выпускников, их роль в социально-экономическом и культурном развитии Степного края [Адельбаева, 2010]. В то же время значительный научный интерес представляет дискуссия центральных и региональных органов власти, связанная с подготовительным периодом, предшествующим открытию школы. В ходе нее отразились тенденции правительственного курса в отношении традиционного казахского общества, которые в итоге определили принципы функционирования данного среднепрофессионального учреждения.

Статья подготовлена на основе материалов делопроизводства Министерства народного просвещения, Оренбургского генерал-губернатора, Казанского и Оренбургского училищных округов, губернаторов Уральской и Тургайской областей. Среди них: отчеты о работе Особого комитета, созданного при оренбургском генерал-губернаторе для подготовки Правил о казахской учительской школе, межведомственная переписка, протоколы заседаний и мнения отдельных чиновников по запрашиваемым вопросам. Основной массив источников отложился в РГИА и впервые вводится в научный оборот. В работе применялся историко-генетический метод, позволивший выявить позиции чиновников различных ведомств на проблему открытия учительской школы для казахского населения, отразившиеся в итоге на основных принципах ее функционирования. Историко-системный метод позволил рассматривать дискуссии центральных и региональных органов власти в контексте общих тенденций

развития Российской империи в этот период и ее политики в отношении традиционного казахского общества.

Как указывалось выше, первая учительская школа для подготовки учителей начальных казахских школ была открыта в Орске в 1883 г. Этому событию предшествовала более чем десятилетняя подготовительная работа, которая сопровождалась дискуссией центральных и региональных органов власти Российской империи. В дискуссии нашли отражение различные аспекты и нюансы, которые позволяют реконструировать подходы Министерства народного просвещения, военных губернаторов Уральской и Тургайской областей, училищных наблюдателей Оренбургского и Казанского учебных округов по вопросу развития системы среднепрофессионального педагогического образования в казахской степи.

О проблеме кадров для казахских школ региональные власти заговорили в начале 70-х гг. XIX в. В 1871 г. к генерал-губернатору Оренбургского края Н. А. Крыжановскому обратился попечитель Казанского училищного округа с просьбой обратить внимание на данный аспект образовательной политики в регионе¹. Несколько месяцев спустя, в 1872 г., генерал-губернатор инициировал создание специальной Комиссии под председательством директора народных училищ Оренбургской губернии. Ей поручалось разработать принципы организации учительской школы для казахов, содержание профессиональной подготовки в ней, перспективы трудоустройства выпускников и т. д. К обсуждению были привлечены губернаторы Уральской и Тургайской областей, авторитетный педагог Казанской учительской семинарии, по методике которого велось обучение в инородческих школах Российской империи, Н. И. Ильминский².

Необходимость открытия учительской школы для казахов поддерживали фактически все участники дискуссии. Кадровая проблема, по их мнению, препятствовала развитию сети начальных русско-казахских школ в Оренбургском крае. Необходимость их существенного количественного прироста связывалась с проблемой усиления татарского влияния в казахской степи, а вместе с ним и исламизацией казахского общества. Государственная школа должна была выступить конкурентом традиционной мусульманской школе, способствовать снижению «религиозно-фанатического влияния магометанства», создать исламу барьеры для «распространения своих симпатий, воззрений и религиозных верований»³. Наиболее ярким исламофобом в Комиссии являлся генерал-губернатор Оренбургского края Н. А. Крыжановский, требовавший в ходе обмена мнениями «положить конец пагубному магометанскому влиянию в здешнем крае... дать правительству возможность достигнуть столь желаемого обрусения края и тесного слияния с Россией всего инородческого населения»⁴.

Численный состав учащихся учительских школ Комиссия предложила определить из принципа «один учитель на одну волость». «Исходя из того, что в Уральской и Тургайской областях начитывалась 31 волость и 36 старшинств – во Внутренней орде⁵, общее количество учеников учительской школы должно было составить 98 казахских мальчиков». Планировалось, что необходимое количество учителей будет подготовлено в течение нескольких лет – ежегодно планировалось осуществлять набор не менее 25 учащихся [Лысенко, 2022, с. 11]. Следует отметить также, что для ускорения процесса подготовки кадров, генерал-губернатор Уральской области предложил открыть две педагогические школы для казахского населения – в Оренбурге и Уральске. Финансовое содержание учительских школ рекомендовалось возложить на государство, так как «никаких местных источников на покрытие расходов вовсе не имеется». Учащиеся поступали на полное государственное обеспечение. Им планировалось предоставить ученическую форму, учебники, бесплатно посещение уроков. В смете расходов на содержание школы также находились статьи: учебники и учебные

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 726. Л. 1.

² Там же.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 4 об.

⁵ Речь идет о Букеевской орде, территориально располагавшейся в междуречье Урала и Волги.

пособия, постельные принадлежности, продовольствие, отопление, освещение. Необходимым признавался и наём прислуги, кухарки, прачки, врача. Всего расходы на содержание одного учащегося должны были составить 150 руб. в год ⁶.

Прогнозируя проблемы адаптации слушателей учительской школы, связанные с незнанием ими русского языка, Комиссией было предложено организовать подготовительный курс. Для решения проблемы языкового барьера Комиссия рекомендовала также принимать на должность преподавателей учительской школы специалистов, владеющих как русским, так и казахским языком. Однако для многих ее членов было очевидно, что это будет сложно реализуемая задача ⁷.

Отдельной темой обсуждения членов Особой комиссии стал вопрос о штатах для учительских инородческих школ. Предлагалось, чтобы преподавателями учительских школ были выпускники высших учебных заведений, а воспитателями и учителями подготовительного отделения – только окончившие курсы инородческих учительских школ и «притом из инородцев». Воспитанники, окончившие курс в учительских школах, должны были, по мнению Особой комиссии, пользоваться привилегиями, установленными общими правилами, действовавшими в Российской империи, – освобождаться от несения всех натуральных повинностей ⁸.

Отдельную дискуссию чиновников вызвал вопрос о языке преподавания в казахской учительской школе. Некоторая часть Комиссии считала целесообразным ввести в программу курс татарской грамоты и преподавать на татарском языке. Сторонники этой идеи, члены Комиссии – статский советник Бекчурин и войсковой старшина Джантирюн, считали, что введение татарской грамоты будет способствовать «приобретению доверия казахов, с тем чтобы они охотнее отдавали в учительскую школу своих детей». Отсутствие данного курса в программе, а вместе с ним и письменного казахского языка на основе арабской вязи, введение вместо них курса русской письменности может, считали они, «оттолкнуть население», «не встретить сочувствия», «возбудить недоверие к самим заведениям», дать повод рассматривать их как попытку «отнять у них всякую возможность в служении религии своей» ⁹. В пользу своего мнения статский советник Бекчурин и войсковой старшина Джантирюн приводили еще один важный, на их взгляд, аргумент. Если выпускники учительских школ не будут знать татарской грамоты, они не будут пользоваться уважением и доверием среди казахского народа. Незнание татарской грамоты будет оцениваться традиционным казахским обществом как «верх невежества», что сформирует пренебрежительное отношение к выпускникам учительской школы. В итоге, как считали представители казахского народа, могло произойти полное игнорирование российских учительских школ казахским населением. Знание татарского языка, напротив, позволило бы им вступить в конкурентную борьбу с учителями-мударрисами – традиционной мусульманской школы ¹⁰.

Мнение статского советника Бекчурина и войскового старшины Джантирюна не в полной мере, но поддерживали военные губернаторы Уральской и Тургайской областей. В своих заключениях по этому вопросу они исходили из того, что в казахской степи татарская грамотность «была значительной», поэтому считали вышеприведенные аргументы «заслуживающими внимания». Тургайский губернатор полагал, что введение в программу курса казахского языка на основе татарского алфавита может стать важным фактором привлечения казахских детей в учительскую школу. Курс казахского языка на основе кириллицы он предлагал внедрять «с некоторой постепенностью», так как это требовало определенного времени для создания алфавита, учебников и литературы и т. д.

⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 726. Л. 40.

⁷ Там же. Л. 10 об.

⁸ Там же. Л. 11 об.

⁹ Там же. Л. 19 об.

¹⁰ Там же. Л. 21 об.

Большая часть Комиссии придерживалась обратной точки зрения и считала, что в программе обучения не должно быть курса татарской грамоты. Обучение в учительской школе должно осуществляться на русском или родном казахском языке, алфавит которого предлагалось составить на основе кириллицы. Наиболее четко данная позиция была сформулирована в записке инспектора Казанского учебного округа Г. Залежского, который рассматривал ситуацию «с педагогической и политической точки зрения». С педагогической точки зрения он считал одновременное обучение татарской и русской грамоте слишком сложным для учащихся, поскольку русский и татарский алфавиты сильно отличаются по структуре и написанию. Напротив, «преподавание на родном языке, по учебным книгам, составленным на том же наречии... на основе русского алфавита», будет иметь успех. «Ученики, посредством наглядного обучения, достаточно быстро ознакомятся с русским разговорным языком, переход к чтению и письму по-русски совершиться легко»¹¹.

В политической плоскости Г. Залежский рассматривал введение татарской грамматики в казахской учительской школе как противоречащее общему курсу государства в области интеграции национальных окраин в общеимперское пространство. Главный его аргумент – «язык – это политическое оружие, которому покоряются народы без крови». Поэтому преподавание татарской грамоты в учительской школе будет способствовать отатариванию степи. Одновременно с отатариванием будет происходить исламизация. Таким образом, он делал вывод о том, что учительская школа полностью себя дискредитирует с точки зрения решения государственных задач. В своей записке на эту тему он подчеркивал, что государству нужно последовательно стремиться к тому, чтобы «толкование корана казахи стали осуществлять на казахском языке, в книгах с русским алфавитом», а купечество «отдавать своих детей в русскую государственную школу»¹². На данном этапе, считал Г. Залежский, татарский язык в степи знают только казахские муллы и степная аристократия, «он не знаком основной массе кочевников, поэтому и искусственно его распространять нет необходимости».

Аргумент своих оппонентов о том, что незнание татарского языка выпускниками учительской школы будет восприниматься казахским населением как неполное образование, также вызвал критику Г. Залежского. По его мнению, учительская школа способна выпускать высококвалифицированных специалистов, «которые, как в умственном, так и в нравственном смысле будут превосходить татарских и казахским мулл. Учитель своим авторитетом и влиянием потеснит их», что приведет к падению именно их авторитета в Степном крае¹³.

Особый интерес по вопросу организации казахской учительской школы представляет заключение Н. И. Ильминского, в котором значительное внимание уделялось гражданско-воспитательным целям образования казахов и механизмам их достижения. Так, главной целью развития образования казахского населения должно было стать «развитие в нем общечеловеческих понятий и русских симпатий». Казахская учительская школа, по мнению педагога, должна «соответствовать народному вкусу казахов, народной любознательности, народным понятиям о добром, истинном, полезном». Иными словами, Н. И. Ильминский предлагал в процессе обучения учитывать ментальные, мировоззренческие и этнопсихологические особенности казахского этноса¹⁴. Также педагог придавал огромное значение личности учителя, который будет постоянно находиться при учащихся и прививать им гражданские навыки. Однако в целом его рассуждения о том, чем должна стать школа для казахских детей, носили идеалистический характер. Например, в своем заключении по этому поводу он писал: «Школа должна быть так поставлена, чтобы дети полюбили ее, чтобы они чувствовали себя в ней как дома, уютно, тепло – тогда разовьются в них начала и благородные чувства. Эти черты я привел только для объяснения, что я разумею под духом и нравственностью направления школы. Такое направление обуславливается и воспитывается не ученостью, не педагогиче-

¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 726. Л. 24 об.

¹² Там же. Л. 29.

¹³ Там же. Л. 31 – 31 об.

¹⁴ Там же. Л. 81 об.

скими приемами, а нравственными качествами, ближайшего, непосредственного воспитателя, его личностью»¹⁵. Порядки в школе должны быть как можно менее формальные, «напоминать более семейные отношения, семейную простоту и единодушие». Преподавателем в казахской учительской школе, считал Н. И. Ильминский, нужен казах, «даже не очень образованный и ученый, но здравомыслящий, даровитый, симпатичный, искренне сочувствующий русскому образованию, вполне сознающий пользу и надобность этого образования, а равно умственного и нравственного развития для киргизского народа, и, в том смысле, патриот»¹⁶.

Заключение Н. И. Ильминского вызвало определенную критику со стороны региональных чиновников. Так, военный губернатор Уральской области в мае 1871 г. написал оренбургскому генерал-губернатору Крыжановскому, что Ильминский создал «только идеал», достигнуть которого вряд ли удастся¹⁷.

В 1872 г. Особая комиссия завершила свою работу разработкой Правил о казахской учительской школе, которые подверглись жесткой критике со стороны региональной администрации. Военный губернатора Уральской области в своем заключении на имя Н. А. Крыжановского отмечал, что после работы Комиссии для него остался неясным ряд вопросов. Среди них: сколько лет должно продолжаться собственно педагогическое воспитание?; по какой программе должны работать выпускники учительских школ?; сколько лет обязаны обязательно прослужить за полученное образование?; на каких условиях приниматься на службу и какими правилами регламентируется их деятельность?; какой будет у них должностной оклад?; источники финансирования учительских школ и их сотрудников?

При этом военный губернатор подчеркивал, что бюджет Уральской области не имеет достаточных резервов и ресурсов для финансирования учительских школ. Поэтому выход он видел в сокращении числа как самих школ, так и контингента учащихся в них. Завершая свое письмо Н. А. Крыжановскому, он предложил подготовить более проработанное Положение об учительских школах для казахов Уральской и Тургайской областей, в которых более тщательно и детально были проработаны все аспекты вопроса¹⁸.

Военный губернатор Тургайской области в своем заключении подчеркивал, что для достижения представленной цели учительской школы – «проведения цивилизационного влияния и русских симпатий» – одного финансового участия государства в этом процессе будет недостаточно. Особое внимание, считал он, необходимо обращать на научную и воспитательную подготовку будущих народных учителей. Для привлечения детей к обучению в казахской учительской школе их родители должны понимать, что выпускник школы сможет получить материальные и служебные преференции¹⁹.

Попечитель Казанского училищного округа Шестаков при разработке нового проекта Положения о казахской учительской школе предложил уделить большее внимание «религиозному вопросу». По его мнению, у казахов отсутствовал религиозный исламский фанатизм, поэтому рекомендовал «учителям избегать всякой бесполезной борьбы и всякого наружного сопротивления существующим у казахов, вовсе не вредных для русского дела, религиозных понятий». Он также предложил ввести преподавание основ Корана в казахской учительской школе, как это было во всех мусульманских учительских школах империи. Такой курс Шестаков считал «безвредным», «поскольку учитель-казах имел в магометанстве знания только об элементарных событиях, и не сможет привести к вредному влиянию на учеников»²⁰.

Новый проект казахской учительской школы был представлен оренбургским генерал-губернатором Н. А. Крыжановским в 1873 г. Школа представляла собой трехклассное образо-

¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 726. Л. 91.

¹⁶ Там же. Л. 94.

¹⁷ Там же. Л. 15 – 15 об.

¹⁸ Там же. Л. 17 об. – 18.

¹⁹ Там же. Л. 44.

²⁰ Там же. Л. 64.

вательное учебное заведение закрытого типа с годичным обучением в каждом классе. Также по проекту предлагалось подготовительное отделение с годовым обучением для учащихся, не владеющих русским языком. Школа подчиняется Министерству народного просвещения и территориально Казанскому учебному округу. Руководство школой осуществлял директор, избираемый из лиц, «известных по своему образованию и педагогической опытности и знакомый с казахским языком»²¹. В управлении учебным процессом ему помогал Педагогический совет.

Учебный курс казахской учительской школы составляли следующие предметы: «русский язык, арифметика с кратким курсом геометрии и черчения, география с краткими сюжетами о важных исторических событиях изучаемой страны, особенно России, объяснение местных произведений и явлений природы, основания педагогики и дидактики, чистописание и рисование, магометанское учение, гимнастика, некоторые ремесла – переплетное дело, токарное производство». В 1-м классе подготовительной школы обучение осуществляется на казахском языке по учебникам, составленным на основе кириллицы. Необходимые арабские молитвы в этом планировалось изучать «со слов учителя». Во 2-м и 3-м классах планировалось преподавание чтения и письма арабских текстов, молитвенника и Корана. Преподавание во 2-м, 3-м классах подготовительной школы и во всех трех классах учительской школы происходит на русском языке, кроме мусульманской веры, которая преподается на казахском языке.

Квалификация окончивших полный курс учительской школы – учитель начально-казахского училища. Выпускники должны были отработать шесть лет в начальных казахских школах Министерства народного просвещения. Если они по каким-то причинам отказались работать по назначению Министерства, они обязывались внести в казну сумму, которая была на него затрачена за четыре года обучения, в размере 360 руб. Работающие в должности учителей начально-казахского училища освобождались от всех натуральных повинностей и пользовались привилегиями, предоставленными им новым Положением²².

После утверждения нового Положения о казахской учительской школе встал вопрос о месте ее открытия. Первоначально предлагалось учебные заведения создать в Уральской и Тургайской областях. Позднее, после проведения финансовых расчетов, члены Комиссии сошлись во мнении о рациональности открытия только одной школы – в Тургайской области. Имелись и противники этого решения. Так, Н. И. Ильминский подчеркивал, что Уральская область территориально тяготела к Хивинскому ханству, с которым у Российской империи были сложные отношения и которое рассматривалось как дестабилизирующий фактор в регионе. Поэтому он считал отказ от создания школы в этой области стратегически неверным решением. В 1874 г. была отвергнута идея об открытии школы в Оренбурге. Главный аргумент сводился к тому, что в городе проживает большое количество татар, что будет способствовать отатариванию казахских учащихся. Поэтому местом локализации школы был назван г. Уральск²³.

В 1875 г. Министерство народного просвещения выделило автономный Оренбургский учебный округ, это давало возможности для более продуктивного развиваться сети школ в западном регионе Степного края. Год спустя Оренбург посетил министр народного просвещения граф Д. А. Толстой, по итогам которого была создана комиссия под председательством самого министра. В контексте решения ее задач, связанных с активизацией процесса открытия инородческих школ в Оренбургском крае, региональные власти вновь заговорили о необходимости открытия казахской учительской школы. Комиссией было предложено основать школу в г. Троицке, «близком к казахским степям и менее доступном татарскому влиянию» [Адельбаева, 2010]. Следует также отметить, что в эти годы велась активная рабо-

²¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 726. Л. 69 об.

²² Там же. Л. 43 об.

²³ Там же. Л. 78 об.

та по созданию казахского алфавита на основе русской графики. И только 10 июня 1882 г. было принято решение об открытии казахской учительской школы в г. Орске.

Таким образом, подготовка педагогических кадров из казахского населения для начальной школы рассматривалась правительственными кругами Российской империи как важное направление политики интеграции региона в общеимперское культурно-образовательное пространство. Процесс создания первого профессионального педагогического учреждения в казахской степи был инициирован властями в начале 70-х гг. XIX в. На протяжении более чем 10 лет проводилась организационно-методическая работа, формировалась нормативно-правовая база функционирования казахской учительской школы, определялись источники ее финансирования, была предпринята первая попытка создания казахского алфавита на основе русской графики. В работе специально созданной для этих целей Комиссии приняли участие оренбургский генерал-губернатор, губернаторы Уральской и Тургайской областей, чиновники Министерства народного просвещения, Казанского и Оренбургского училищных округов, а также представители казахского населения. В процессе дискуссии были продемонстрированы различные точки зрения чиновников региональной администрации по целому спектру вопросов. Наиболее дискуссионным стал вопрос о языке преподавания в учительской школе и целесообразности введения курса арабской письменности и изучения Корана. Определенная группа чиновников выступала проводником правительственного курса в степи, направленного на ограничение влияния татар на казахское население и распространения ислама в степи. Поэтому они были категорически против введения данных курсов и считали, что языком обучения может выступить только казахский на основе русской графики. Вторая группа участников дискуссии считала, что для более успешной адаптации казахских детей к образовательному процессу и популяризации школы среди населения эти курсы необходимы. В итоге позиция второй группы стала определяющей, и принятое Положение о казахской учительской школе получилось достаточно либеральным по своему содержанию.

Список литературы

- Адельбаева Н. А.** Исторический опыт становления и развития школьного образования в Казахстане в XIX – начале XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уральск, 2010. 24 с.
- Вахрамеева Е. Д.** Просветительская деятельность «Братства святителя Гурия» в Марийском крае // Марийский археографический вестник. 1997. № 7. С. 45–49.
- Ефимов Л. А.** Системы просвещения нерусских народов и чувашские школы Поволжья и Приуралья в последней трети XIX – начале XX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. пед. ун-та, 2000. 259 с.
- Исхакова Р. Р.** Педагогическое образование в Казанской губернии в середине XIX – начале XX века. Казань: Новое знание, 2001. 280 с.
- Лысенко Ю. А.** Региональные органы власти в имперском исламском дискурсе второй половины XIX в. (на примере генерал-губернатора Оренбургского края Н. А. Крыжановского) // Религиоведение. 2022. № 1. С. 5–14.
- Лысенко Ю. А., Жанбосинова А. С., Омурова Ж. О.** К вопросу о развитии русско-казахской аульной школы в областях Степного края (середина XIX – начало XX в.) // Вопросы истории. 2021. № 10-2. С. 138–147.
- Любичанковский С. В.** Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX в.). Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2018. 264 с.
- Павлова А. Н.** Основные принципы системы Н. И. Ильминского по просвещению нерусских народов Востока России в последней трети XIX века // Вестник Чуваш. ун-та. 2000. № 1–2. С. 29–35.

- Рыгалова М. В.** Подготовка учительских кадров на территории Степного края и Туркестанского генерал-губернаторства в конце XIX – начале XX в. // Культура и время перемен. 2020. № 2 (29). URL: [http://timekguki.esrae.ru/pdf/2020/2\(29\)/553.pdf](http://timekguki.esrae.ru/pdf/2020/2(29)/553.pdf) (дата обращения 05.09.2022).
- Стурова М. В.** Русско-казахские школы в системе государственного управления образовательным пространством Степного генерал-губернаторства начала XX в. // Народы и религии Евразии. 2018. № 3 (16). С. 88–98.

References

- Adelbaeva N. A.** Istoricheskii opyt stanovleniya i razvitiya shkol'nogo obrazovaniya v Kazakhstane v XIX – nachale XX veka [Historical Experience of the Establishment and Development of School Education in Kazakhstan in the 19th – Early 20th Century]. Abstract of Cand. Hist. Sci. Diss. Uralsk, 2010, 24 p. (in Russ.)
- Efimov L. A.** Sistemy prosveshcheniya nerusskikh narodov i chuvashskie shkoly Povolzh'ya i Priural'ya v poslednei treti XIX – nachale XX veka [Education Systems for non-Russian Peoples and Chuvash Schools of the Volga Region and the Urals in the Last 3rd of the 19th – Early 20th Century]. Cheboksary, Chuvash Ped. Uni. Press, 2000, 259 p. (in Russ.)
- Iskhakova R. R.** Pedagogicheskoe obrazovanie v Kazanskoi gubernii v seredine XIX – nachale XX veka [Pedagogical Education in Kazan Governorate in the mid-19th – Early 20th Century]. Kazan, Novoe znanie, 2001, 280 p. (in Russ.)
- Lysenko Yu. A.** Regional'nye organy vlasti v imperskom islamskom diskurse vtoroi poloviny XIX v. (na primere general-gubernatora Orenburgskogo kraia N. A. Kryzhanovskogo) [Local Authorities in the Imperial Islamic Discourse of the 2nd Half of the 19th Century (Based on the Example of the Governor-General of the Orenburg Region N. A. Kryzhanovsky)]. *Religiovedenie* [Religious Studies], 2022, no. 1, pp. 5–14. (in Russ.)
- Lysenko Yu. A., Zhanbosinova A. S., Omurova Zh. O.** K voprosu o razvitii russko-kazakhskoi aul'noi shkoly v oblastiakh Stepnogo kraia (seredina XIX – nachalo XX v.) [On the Issue of the Russian-Kazakh Aul School in the Regions of the Steppe Region (mid-19th – Early 20th Century)]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2021, no. 10-2, pp. 138–147. (in Russ.)
- Lyubichankovsky S. V.** Politika akkul'turatsii sredstvami prosveshcheniya islamskikh poddannikh Rossiiskoi imperii: Istoricheskii opyt Orenburgskogo kraia (seredina XIX – nachalo XX v.) [The Acculturation Policy by Means of Education of Islamic Subjects of the Russian Empire: The Historical Experience of the Orenburg Governorate (mid-19th – Early 20th Century)]. Orenburg, OSAU Press, 2018, 264 p. (in Russ.)
- Pavlova A. N.** Osnovnye printsipy sistemy N. I. Il'minskogo po prosveshcheniyu nerusskikh narodov Vostoka Rossii v poslednei treti XIX veka [The Basic Principles of the N. I. Ilminsky's Education System for non-Russian Peoples of the Russian East in the Last 3rd of the 19th Century]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2000, no. 1–2, pp. 29–35. (in Russ.)
- Rygalova M. V.** Podgotovka uchitel'skikh kadrov na territorii Stepnogo kraia i Turkestanskogo general-gubernatorstva v kontse XIX – nachale XX v. [The Initial Teacher Training in the Territory of the Steppe Region and the Turkestan Governorate at the end of 19th – Beginning of the 20th Century]. *Kul'tura i vremya peremen* [Culture and Time of Changes], 2020, no. 2 (29). (in Russ.) URL: [http://timekguki.esrae.ru/pdf/2020/2\(29\)/553.pdf](http://timekguki.esrae.ru/pdf/2020/2(29)/553.pdf) (accessed 05.09.2022).
- Sturova M. V.** Russko-kazakhskie shkoly v sisteme gosudarstvennogo upravleniya obrazovatel'nym prostranstvom Stepnogo general-gubernatorstva nachala XX v. [Russian-Kazakh Schools in the System of State Administration of the Educational Space in the Steppe General-Governorship at the Beginning of the 20th Century]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia], 2018, no. 3 (16), pp. 88–98. (in Russ.)

Vakhrameeva E. D. Prosvetitel'skaya deyatel'nost' "Bratstva svyatitelya Guriya" v Mariiskom krae [Educational Activities of the "Brotherhood of the Saint Guriy" in the Mari Region]. *Mariiskii arkheograficheskii vestnik* [Mari's Archaeographic Bulletin], 1997, no. 7, pp. 45–49. (in Russ.)

Информация об авторах

Юлия Александровна Лысенко, доктор исторических наук, профессор

Scopus Author ID 56358251500

WoS Researcher ID U-3621-2019

Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор

Scopus Author ID 55799768500

Information about the Authors

Yulia A. Lysenko, Doctor of Sciences (History), Professor

Scopus Author ID 56358251500

WoS Researcher ID U-3621-2019

Albina S. Zhanbosinova, Doctor of Sciences (History), Professor

Scopus Author ID 55799768500

Статья поступила в редакцию 15.09.2022;

одобрена после рецензирования 28.09.2022; принята к публикации 10.10.2022

The article was submitted on 15.09.2022;

approved after reviewing on 28.09.2022; accepted for publication on 10.10.2022

Научная статья

УДК 94(47).07

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-98-109

Исаакиевский собор как политическое пространство: трансформация образа и поиск интерпретаций до и после революции 1917 года

Олег Анатольевич Любезников

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

o.lyubeznikov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3086-0696>

Аннотация

Рассматривается проблема трансформации имперских политических пространств в историческом контексте XVIII–XX вв. на примере архитектурной доминанты Петербурга – Исаакиевского собора, борьба за символическое присвоение которого, протекая в разных формах, отразила перипетии социально-политического развития царской, революционной и советской России. На основе документов семи петербургских архивохранилищ проанализированы интерпретативные модели, использовавшиеся в отношении собора до и после революции 1917 г. До революции собор был маркирован на символической карте Петрограда как правоконсервативный центр, храм-памятник династии Романовых. Послереволюционные десятилетия характеризуются соперничеством возможных интерпретаций – церковной, историко-архитектурной и антирелигиозной.

Ключевые слова

Исаакиевский собор, архитектор, музей, Ленинград, политическое пространство, трансформация образа

Для цитирования

Любезников О. А. Исаакиевский собор как политическое пространство: трансформация образа и поиск интерпретаций до и после революции 1917 года // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 98–109. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-98-109

Saint Isaac's Cathedral as a Political Space: Transformation of the Image and the Search for Interpretations before and after the Russian Revolution of 1917

Oleg A. Lyubeznikov

St. Petersburg State University

St. Petersburg, Russian Federation

o.lyubeznikov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3086-0696>

Abstract

The article analyzes the problem of transformation of imperial political spaces in the historical context of the 19th – 20th centuries. The main attention in the article is focuses on the dominant of the architectural landscape of St. Petersburg – St. Isaac's Cathedral. The struggle for its symbolic appropriation reflected the peripeteias of the socio-political development of tsarist, revolutionary and Soviet Russia. The article aims to study the process of transformation of symbolic meaning of St Isaac's Cathedral and to analyze all comprehension models of that monument. The initial purpose of its construction was to honor the Russian monarchy, but after the Russian Revolution it required a new inter-

© Любезников О. А., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 98–109

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 98–109

pretation that would fit new realities. Based on numerous unpublished documents from the seven archives of St. Petersburg, the author concludes that before the Revolution St. Isaac's Cathedral was marked on the symbolic map of Petrograd not only as a church but as a right-wing conservative political space, a visible monument glorifying the House of Romanov. The anti-monarchist revolution changed the fate of the building and its image forever. In the 1920s the perception of the cathedral caused a furious fight in society. It was a period of intense rivalry between three symbolic programs – exclusively church's interpretation, interpretation of the cathedral as a monument of art, and antireligious model of the "anti-temple" – "the former St. Isaac's Cathedral".

Keywords

St Isaac's cathedral, architect, museum, Leningrad, political space, transformation of image

For citation

Lyubeznikov O. A. Saint Isaac's Cathedral as a Political Space: Transformation of the Image and the Search for Interpretations before and after the Russian Revolution of 1917. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 98–109. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-98-109

Процессы изменения символического значения городского пространства, архитектурных или скульптурных памятников в современной историографии находятся в центре внимания специалистов в области исторической памяти и политики памяти. За подобными трансформациями «отчетливо проступает властная основа символической политики: изменения такого рода наглядно отражают распределение власти и специфику процедуры принятия решений» [Малинова, 2018, с. 48]. Очевидно, что наиболее острая борьба за изменение символических посланий памятников разворачивается в кризисные периоды, особенно во время революционных событий. Потому при изучении революций «не только символы, но конфликты вокруг символов должны стать объектом исследования» [Колоницкий, 2012, с. 13].

Влияние русской революции 1917 г. на архитектурно-художественный ландшафт Петрограда оказалось весьма значительным: исчезали и появлялись целые группы скульптурных монументов, изменялись декоративное убранство и даже конструктивные элементы построек, городская топонимика [Святославский, 2013, с. 280–297; Сокол, 2001, с. 15–18]. Возникшие до революции архитектурные сооружения имперской столицы, наделяемые определенными смыслами и становившиеся символами, в новых условиях превращались в точки общественного напряжения, их образы претерпевали трансформации, менялось их место на символической карте города. Кроме того, физическая сохранность построек напрямую зависела от вкладываемых в них смыслов. В весьма уязвимом положении, особенно после принятия декрета «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», оказались церковные строения. Одним из наиболее сложных примеров сооружения, поиск новых интерпретаций которого продолжался на протяжении десятилетий, является Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге.

Характеризуя историографию, посвященную Исаакиевскому собору, необходимо в первую очередь отметить нарочитую фрагментарность существующего нарратива – авторы XIX–XXI вв. интересовались преимущественно историей строительства здания [Серафимов, Фомин, 1865; Никитин, 1939; Ротач, Чеканова, 1990; Толмачева, 2018], почти не обращаясь к его дальнейшему бытованию. Еще одной особенностью сложившейся историографической ситуации можно признать известную ограниченность исследовательских ракурсов – история собора предстает историей православного храма, музеефицированного в раннесоветский период [Бутиков, Хвостова, 1974]; степень детализации рассказа об этих двух состояниях здания и их оценка варьируются (Из очага..., 1931) [Горе имеим сердца..., 2020], но сама бинарная основа нарратива – «храм – музей» – остается постоянной. Своеобразным апофеозом этого подхода, игнорирующего всю полноту, различия этапов и нюансы истории собора, ее многочисленных акторов, неоднократные изменения сложного социально-политического контекста XIX–XX столетий, можно считать новейшую диссертационную работу по культурологии [Голованова, 2019]. Ее автор, рассматривая историю Исаакиевского собора как перманентную и бесконфликтную «историю попечения государства», не столько снимает противопоставление музея храму, сколько в принципе отрицает содержательную разницу между этими институтами: «На протяжении всего периода своего создания и существования Исаа-

киевский собор является проводником государственной политики в области сохранения культурного наследия» [Голованова, 2019, с. 190]. Представляется возможным предложить иной подход к осмыслению места и роли Исаакиевского собора в царской и советской России, рассмотрев во внутривластном контексте эволюцию возникавших (подчас соперничавших друг с другом) интерпретативных моделей его репрезентации.

Появление в Санкт-Петербурге храма, освященного в честь монаха Восточной Римской империи преподобного Исаакия Далматского, день памяти которого – 30 мая по юлианскому календарю – совпадал с датой рождения царя Петра I, приходится на первые десятилетия XVIII в. Первоначально деревянную церковь на рубеже 1710–1720-х гг. сменила каменная, название же храма оставалось прежним. По замечанию Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, «церковно-культурная значимость» имени Исаакия Далматского была «скромной», Исаакий «напоминал людям Петровской эпохи в первую очередь о дне рождении их царя» [Лотман, Успенский, 2002, с. 358]. Анализируя похвальное слово, произнесенное в день рождения императора в 1723 г. петербургским проповедником Гавриилом Бужинским, литературовед Ю. В. Стенник отметил не только сугубо «календарную», но и семантическую связь борющегося с ересью Исаакия и Петра – «борца с тьмою и невежеством» [Стенник, 2006, с. 12]. Г. Бужинский провозглашал: «День же самый, памяти великаго в праведных Исаакия Далматского, величайшаго веры против ариан поборника и воина мужественнейшаго, украшенный, коль рождению сему приличнейший, егда в он восприят Россия и поборника своего, и воина мужественнейшаго, и защитника против неприятелей, паче же реку избавителя и торжественника преславного!» (Бужинский, 2006, с. 52) *Храм в память Исаакия Далматского оказывался одновременно храмом в честь российского монарха.*

Символическая связь собора и Петра на протяжении XVIII в. оставалась прочной, неизменной была и топографическая связь храма с детищем монарха – Адмиралтейской верфью, по периметру которой и располагались сменявшие друг друга Исаакиевские церкви, посещавшиеся кораблями. Алтарь одного из приделов возводимого при Екатерине II по проекту архитектора А. Ринальди третьего по счету Исаакиевского собора (на месте современного, четвертого) должен был быть освящен в честь святого Николая Чудотворца (Богданов, 1779, с. 319), покровителя моряков, чье имя носил ботик Петра Великого – «дедушка русского флота» [Ларионов, 1976, с. 60].

Однако именно с царствования Екатерины II начинается процесс трансформации символического значения собора [Ананьев, 2012]. Так, алтарь другого придела строившегося храма планировалось освятить в честь святых Кира и Иоанна, в день памяти которых Екатерина приняла православие, а несколько позднее вступила на престол [Там же, с. 73–74]. *Собор в честь святого Исаакия призван был таким образом увековечить уже не единственного российского монарха.* Кроме того, богатство мраморной отделки храма должно было соответствовать его откорректированной роли в публичном пространстве столицы. Хотя решение «дом Бестужева-Рюмина, состоящий на Неве реке близ Исаакиевской церкви, взять под Сенат» принимал еще Петр III, фактически переезд высшего государственного учреждения монархии состоялся в екатерининский век [История Правительствующего Сената..., 1911, с. 13]. Став соседствовать с одним из административных органов, созданных Петром Великим, *Исаакиевский собор оказался включенным в пространство власти.*

Не будет ошибкой утверждение, что все последующие годы имперского периода мемориальное, идеологическое значение Исаакиевского собора если не превалировало над религиозным, то конкурировало с ним. Символическая связь здания с российскими монархами становилась все очевиднее. Решение императора Павла достроить третий Исаакиевский собор в кратчайший срок без использования природных мраморов для облицовки кирпичных фасадов и с искажениями первоначального замысла А. Ринальди породило известную эпиграмму, приписываемую лейтенанту Акимову:

Се памятник двух царств,
Обоим столь приличный:

Основа его мраморна,
А верх его кирпичный
(Де Санглен, 1882, с. 490–491).

Особенности внешнего облика здания увязывались со спецификой правления того или иного императора. Образ Исаакиевского собора стал маркировать царствования.

Александр I инициировал частичную перестройку здания собора, стремясь, по-видимому, с его помощью сохранить в городском ландшафте память не только об основателе империи Петре Великом, но и о Екатерине II. Разработка проекта нового храма-памятника архитектором Огюстом Монферраном пришлось на эпоху пика внешнеполитического могущества Российской империи, и четвертый (нынешний) Исаакиевский собор (1818–1858) визуально оказался внешне решен как европейский (интернациональный) классицистический храм. Украшенный многоколонными гранитными портиками, по образцу портика римского Пантеона, гигантскими скульптурными рельефами, бронзовыми статуями, облицованный натуральным камнем (мраморами, кварцитом) Исаакий О. Монферрана может быть помещен в один ряд с величайшими соборами Старого Света¹.

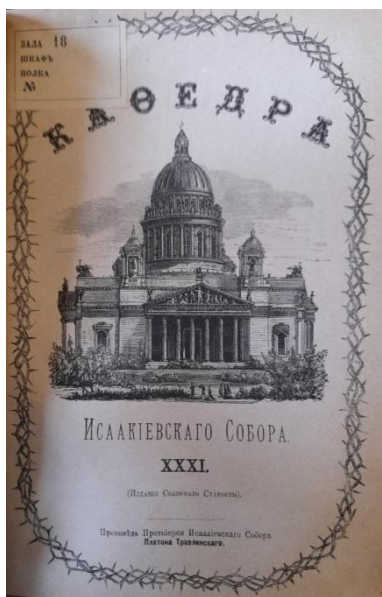
Работы по созданию интерьера собора проходили уже в ином политическом контексте, в царствование Николая I в 1840-е – начале 1850-х гг. Его «сценарий власти», по точному замечанию Р. Уортмана, предполагал, что зодчество используется «для демонстрации национальных свойств монархии», николаевская церковная «архитектура взяла на себя повествовательную историческую функцию, <...> стерла разрыв между петровской и московской Россией и ввела древнюю русскую историю во всеобщую перспективу» [Уортман, 2002, с. 498, 503]. Найденная идеологическая формула – уваровская триада – должна была получить зримое воплощение в оформлении Исаакиевского собора. Как указывала Е. И. Кириченко, один из крупнейших отечественных искусствоведов, собор явился «материализованным воплощением идеи официальной народности» [Кириченко, 2001, с. 224]. Интерьер, несмотря на сохранение О. Монферраном ориентации на стилистику ампира, буквально «кричит» о казавшейся неразрывной симфонии русской церковной и царской власти. Боковые приделы храма освящены в честь святой великомученицы Екатерины и святого князя Александра Невского, рассматривавшихся как небесные покровители монархов-предшественников Николая I. Изображения этих святых оказались помещены и на плафонах приделов, парные им в западной части здания – изображения небесных покровителей Петра I и самого Николая I – лики святого Исаакия Далматского и святой Февронии (Николай родился в день памяти святой). Плафон главного купола также символически «нагружен» – показана Богоматерь с предстоящими святыми Иоанном Предтечей, Иоанном Богословом, «а на остальном пространстве – Ангелами хранителями Членов Августейшего Дома» [Серафимов, Фомин, 1865, с. 71] – изображены апостолы Петр и Павел, святой Исаакий Далматский, святой Александр Невский, святая Анна, святая Елизавета, святая Екатерина, святой Алексей, святой Константин и святой Николай Чудотворец [Хвостова, 2016]. Идея увязать собор с царствующей династией проявилась и в оформлении главного иконостаса. «По сторонам царских врат две местные, владычные иконы – Спасителя и Божией Матери. От образа Спасителя направо – иконы преподобного Исаакия Далматского, Святителя Николая и св. апостола Петра. За иконою Божией Матери налево – иконы св. благоверного великого князя Александра Невского, св. великомученицы Екатерины и св. апостола Павла. <...> Лики святых, помещенных в этом нижнем ярусе, изображают Ангелов хранителей всех Державных Строителей Собора, начиная от первоначального его основателя – императора Петра I до благополучно царствующего ныне Довершителя его императора Александра II», – сообщало первое полное официальное описание храма 1865 г. [Серафимов, Фомин, 1865, с. 76]. Во втором ярусе главного иконостаса были показаны святые, соименные другим представителям императорской фамилии, – «Ангелы хранители прочих Членов Царствующего дома» [Там же]. Еще в ходе работ Нико-

¹ Пять золоченых куполов собора, правда, скорее соответствуют российской традиции храмового зодчества.

лай I придавал огромное значение этим изображениям святых, лично просматривая подготовительные картоны художника-исполнителя Т. Неффа и высказывая замечания, например, «облагородить фигуру апостола Петра»². Решение интерьера Исаакиевского собора объединяло православие и самодержавие Николаевской эпохи. Декларация этого единства обнаруживается и в декоре дверей здания (их внешние и внутренние рельефы посвящены «небесным патронам» членов династии), и в росписях, открыто изображающих русских правителей – Владимира I, Петра Великого и т. д. Таким образом, работы по созданию интерьера Исаакиевского собора символически усложнили его: *собор стал символом незыблемости российской монархии, из памятника Петру I превратился в памятник и Николаю I и всей династии Романовых*.

Хотя история бытования собора как кафедрального храма после освящения в 1858 г. вплоть до революции 1917 г. детально не изучена и не прописана, можно предположить, что найденная в момент его освящения *интерпретация как храма-памятника, прославляющего монархию*, оставалась доминирующей. Сама действовавшая система управления и заведования зданием подчеркивала особый статус собора: надзор за состоянием памятника, ремонтно-реставрационные работы осуществляло Техническо-Художественное Собрание, подведомственное Министерству внутренних дел; хозяйственные вопросы, в том числе деятельность духовенства собора, разрешались Хозяйственным управлением от Синода; спорные случаи, однако, разбирать должен был министр внутренних дел (Преображенский, 1911, с. 3)³.

Символическое послание памятника было выражено главным образом архитектурно-художественными средствами, собор оказывал пассивное влияние своим обликом. Но на рубеже 1870–1880-х гг. образ Исаакия несколько корректируется – отныне это «живой» храм-памятник, центр прямой монархической агитации. Трансформация обусловлена внутрисполитическим контекстом – сама идея монархии была поставлена под сомнение народовольческим террором. Соборный староста и одновременно многолетний сотрудник Министерства внутренних дел генерал Е. В. Богданович начал издание распространявшихся бесплатно брошюр «Кафедра Исаакиевского собора», содержащих проповеди клириков⁴. На обложках мартовских 1881 г. выпусков «Кафедры» графическое изображение Исаакиевского собора оказалось помещено в терновый венец – символ мученической кончины погибшего императора Александра II (см. рисунок).

Титульный лист издания
«Кафедра Исаакиевского собора».
1881. Вып. 31
Title page of the publication
“Chair of St. Isaac’s Cathedral”.
1881. Iss. 31

Промонархическая ультраправая риторика сохранялась на страницах «Кафедры» и в начале XX в., в период революции 1905–1907 гг. Символическая «спаянность» Исаакиевского собора и российской монархии подчеркивалась в это время и в массовой печати, напрямую не связанной с духовенством собора. Образ собора присутствовал на открытках в честь 200-летия Петербурга, соседствуя с фигурой основателя города, императора Петра I, и на открытках в честь 300-летия династии Романовых. Весьма популярным на открытках начала XX в. было изображение Исаакиевско-

² РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1257. Л. 58 об.

³ Там же. Ф. 502. Оп. 4. Д. 4. Л. 1 об., 2, 8 об.

⁴ История возникновения, механизм подготовки и порядок финансирования «Кафедры» остаются не до конца выясненными. Известно, что Е. В. Богдановичу благоволил министр внутренних дел Л. С. Маков, возможно, и П. А. Валуев. См.: [Друзин, 2020, с. 100].

го собора как фона для памятника Петру I «Медный всадник». Собор представлял неотъемлемым элементом Петербурга-Петрограда, столичным символом, связывающим ее с монархией. К исходу имперского периода Исаакиевский собор символически оказался прочно связан с самодержавной властью, *став политическим пространством*.

Революционные события 1917 г., отречение представителей династии Романовых от престола, падение самодержавия, отразившись на всем ходе российской истории, обусловили вынужденные перемены в судьбе Исаакиевского собора. Отсутствие достаточного финансирования в первое десятилетие советской власти, а также давние особенности проектирования и строительства привели сооружение в аварийное состояние [Любезников, 2017], претерпел изменения и образ храма.

Прежний образ собора обесмертил А. И. Куприн. Героям его повести «здания не видно», только дрожащий в воздухе купол Святого Исаакия Далматского (Куприн, 1992, с. 74) – собор как символ монархической (утраченной) России сохранился в эмиграции. В Петрограде же различные акторы стремились получить контроль над зданием, сохранить его (в той или иной степени), обязательно изменив, однако, его символическое послание. Представляется чрезвычайно важным для лучшего понимания всей сложности протекавших в Исаакиевском соборе в первое послереволюционное десятилетие процессов попытаться выделить возникшие в тот период новые интерпретативные модели постройки. На наш взгляд, 1920-е гг. стали временем конкуренции образов собора, *периодом острого соперничества трех символических программ*.

Первую модель восприятия задали представители сформированной в соответствии с инструкцией «О порядке проведения в жизнь декрета “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”» церковной общины – «двадцатки» (по числу членов общины). Взяв на себя (по условиям заключенного 21 декабря 1919 г. договора с Районным Советом рабочих и крестьянских депутатов 2-го Городского района Петрограда) формальные обязательства по заведованию сооружением и его ремонту и не имея возможности выполнять последний, «двадцатка» и среди прихожан, и в переписке (посредством Приходского совета) с органами советской власти представляла Исаакиевский собор почти исключительно⁵ как православный храм, отказавшись от увязывания его с рухнувшей монархией. Эта «*утилитарная модель*» Исаакия как приходской церкви в случае ее утверждения, нивелируя мемориальную ценность здания, потенциально угрожала самой его сохранности, неприкосновенности его интерьера. По мере превращения советской антицерковной политики в антирелигиозную на протяжении 1920-х гг. такая интерпретация собора, даже формальные параметры которого (высота в 101,5 метра) не соответствовали рядовой церковной архитектуре, не могла «удержаться».

Другую модель транслировали наблюдавшие за техническим состоянием здания еще с до-революционного времени (в том числе в рамках Техническо-Художественного Совещания) профессиональные архитекторы – профессора и выпускники Академии художеств, которые видели в соборе в первую очередь требовавший перманентной реставрации памятник искусства. У истоков этой интерпретации – архитектор Михаил Тимофеевич Преображенский (1854–1930), профессор-руководитель персональной мастерской на Архитектурном отделении Высшего художественного училища при Академии художеств, фактически возглавлявший Техническо-Художественное Совещание с начала 1910-х гг.⁶ Уже в решении совеща-

⁵ Лишь осенью 1925 г. при смене одной «двадцатки» на другую представители последней в заявлении в Стол регистрации обществ и союзов Исполкома Центрального района Ленинграда взяли обязательство сохранять собор «как имеющий художественную ценность как исторический памятник <...> как памятник Русской Архитектуры». См.: ЦГА СПб. Ф. 56. Оп. 4. Д. 10. Л. 141. Акцент на художественной ценности собора в этом обращении в первую очередь связан с активизацией с лета 1925 г. представителей Ленинградского отделения Главнауки, инспектировавших здание именно вследствие его историко-художественной ценности. Таким образом, «двадцатка» попыталась как бы «присвоить» конкурирующую с ее собственной интерпретацию собора.

⁶ В 1918 г. М. Т. Преображенский в Техническо-Художественном Совещании был «инспектором работ», архитекторы В. В. Суслов и К. В. Маковский и живописец В. Е. Маковский – членами.

ния от 9 марта 1918 г. об обращении к Народному Комиссару А. В. Луначарскому с ходатайством о выделении финансовых средств «для поддержания Собора» здание было прямо названо «памятником, имеющим высокохудожественные достоинства и крупную государственную ценность»⁷. 28 июля 1919 г. М. Т. Преображенский составил и через два дня представил на заседании Археологического отдела Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса «Пояснительную записку к проектируемому помещению архива в здании Исаакиевского собора». М. Т. Преображенский предложил «в чердаке здания собора над северо-восточным приделом» организовать «помещение архива, удобное, как музей, для посещения посторонними лицами» и сосредоточить в здании собора всю совокупность документов по истории проектирования, строительства и оформления здания. Архитектор полагал, что такой архив, включающий не только чертежи, рисунки и эскизы, но и «оригиналы икон и живописных картин, замененных мозаикой», и «не сложные модели», должен находиться именно в самом соборе, чтобы посетитель имел возможность осмотреть и его и само здание одновременно, познакомиться «с конструкцией здания и с историей сооружения *грандиозного памятника, в который вложено столько таланта и 45 лет народного труда*» (курсив наш. – О. Л.)⁸. Уже в 1919 г. М. Т. Преображенский использует риторику, характерную для новой революционной власти, соединяя процесс строительства Исаакиевского собора с дискурсом труда. Эту же линию он продолжит в 1922 г., составив записку против изъятия церковных ценностей из Исаакия. В ней М. Т. Преображенский подчеркивал коллективный характер работы по возведению Исаакиевского собора. «Исаакиевский собор не следует рассматривать как индивидуальное творчество архитектора Монферрана – автора первоначального проекта и строителя собора. Исторические данные свидетельствуют, что творчество это коллективного характера, так как в разработке проекта и создании самого храма принимали участие почти все выдающиеся художественные и технические силы страны, начиная с архитекторов, инженеров, живописцев, скульпторов, мозаичистов и кончая мастерами разных цехов». Избегая каких бы то ни было упоминаний о том, что в соборе проходят богослужения, о том, что это церковь, М. Т. Преображенский старательно подчеркивает его значение именно как памятника искусства: «...здание собора со всей обстановкой и утварью, выполненное от А до Z по тщательно разработанным чертежам и рисункам известных художников, является наиболее выразительным и грандиозным памятником искусства в России XIX столетия»⁹.

В том же 1922 г. М. Т. Преображенский в полугодовом отчете, по-видимому, как сотрудник Академии истории материальной культуры сообщил о подготовке экспозиции «*небольшого музея при самом здании собора*»¹⁰ (спустя год архитектор представлял себе музей как «музей построения, охраны и поддержания памятника при самом же здании Исаакиевского собора»¹¹).

М. Т. Преображенским и его учениками по Академии художеств, младшими (беспартийными, как и он сам) коллегами-архитекторами по различным учреждениям, занятым охраной петроградских памятников, в том числе по Ленинградской Государственной Реставрационной мастерской¹², – Николаем Петровичем Никитиным (1884–1971), Александром Петровичем Удаленковым (1887–1975) – в 1920-е гг. *Исаакиевский собор был интерпретирован как выдающийся памятник искусства*. Ими было предложено зафиксировать этот образ с помощью музея, в каковом виделся инструмент сохранения здания во всей его целостности.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 31. Л. 86 – 86 об.

⁸ Архив Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Правительства Санкт-Петербурга. Ф. 59. П-178. Л. 311 – 311 об.

⁹ РГИА. Ф. 502. Оп. 4. Д. 11. Л. 38–41.

¹⁰ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 36. Оп. 1. Д. 122. Л. 7 об.

¹¹ Там же. Л. 8.

¹² Научный архив Российской Академии художеств. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 3; Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук. Ф. 2. Оп. 3. Д. 790. Л. 1.

Будучи приверженцами «национального стиля» в русской дореволюционной архитектуре (под которым понимался и русский классицизм), эти архитекторы-реставраторы подчеркивали роль не столько главного архитектора собора О. Монферрана, сколько отечественных зодчих и других мастеров, работавших над возведением здания. Это делало предлагаемую интерпретацию близкой утвердившимся идеологическим установкам, однако она лишь ретушировала религиозное назначение собора¹³ и открыто не отвергала его монархическое символическое послание.

Третью модель интерпретации Исаакиевского собора, появление которой относится к рубежу 1920–1930-х гг., можно считать радикальной – это *модель антихрама* – «бывший Исаакиевский собор». Такое дополнение получило к собственному наименованию открывшееся в здании собора в 1931 г. учреждение – Государственный антирелигиозный музей. Закреплявшая интерпретацию коллективная монография руководителей музея под весьма характерным заглавием «Из очага мракобесия в очаг культуры», написанная в том же 1931 г., акцентировала внимание читателей на трудностях при рождении музея: «Борьба за превращение собора в антирелигиозный музей велась в течение трех лет» (Из очага..., 1931, с. 9). Действительно, еще летом-осенью 1928 г. Н. П. Никитин как сотрудник Реставрационной мастерской стал готовить к открытию (буквально перевозить экспонаты) первую, сугубо историко-художественную, соответствующую замыслам М. Т. Преображенского, выставку в изъятom у «двадцатки» по постановлению Президиума ВЦИК соборе. Но предложенная им концепция встретила противодействие в Управлении Уполномоченного Наркомпроса в Ленинграде, и летом 1930 г. собор был передан в ведение Областного отдела народного образования, чтобы музей строился «по единому плану с работой Дома Безбожника»¹⁴. Именно Ленинградский Областной совет Союза воинствующих безбожников (СВБ) явился тем актором, что разработал *модель бывшего собора*. Как указывал первый директор Антирелигиозного музея Л. Н. Финн, «три года Областной совет СВБ ожесточенно бился с тогдашними руководителями собора»¹⁵ за это дело» (Из очага..., 1931, с. 9). Борьба за «овладение» собором как реальным объектом сочеталась с борьбой за его «правильное» семантическое прочтение.

Поскольку документально обоснованной и целостной истории Антирелигиозного музея еще не создано, можно пока лишь с некоторой осторожностью отметить, что на персональном уровне важное место в работе музея (и в деле поддержания *образа антихрама*) занимали молодые кадры. Это были студенты и выпускники Историко-лингвистического факультета Ленинградского университета (Ленинградского института истории, философии и лингвистики), в первую очередь, естественно (хотя это и никогда не отмечалось в историографии об Исаакиевском соборе), группировавшиеся вокруг главы Ленинградского Областного совета СВБ, профессора, заведующего отделением по истории религии ЛИФЛИ [Шахнович, Чумакова, 2016, с. 63] Николая Михайловича Маторина. В 1920-е гг. Н. М. Маторин – секретарь председателя Петроградского совета Г. Е. Зиновьева, виражи карьеры которого отразились в итоге и на судьбе Н. М. Маторина, и, по-видимому, на судьбе Антирелигиозного музея

¹³ Нет данных о том, что М. Т. Преображенский и Н. П. Никитин в период нахождения собора «в безвозмездном бессрочном пользовании» у церковной «двадцатки» в 1920-е гг. открыто призывали изъять собор из ее ведения. А. П. Удаленков предлагал субсидировать «двадцатку», чтобы та могла вести хотя бы срочные ремонтные работы по памятнику. См.: ЦГА СПб. Ф. 56. Оп. 4. Д. 10. Л. 74. Безусловно, приоритетным для архитекторов было сохранение здания, а не конкретной церковной общины. Конфликт интерпретаций разворачивался на фоне конфликта за управление собором, поощряемого городской властью на излете 1920-х гг.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 4. Д. 8. Л. 84.

¹⁵ Ленинградской государственной реставрационной мастерской во главе с А. П. Удаленковым. Он еще в январе 1929 г. предлагал открыть собор «без какой-либо выставки», манифестируя тем самым, что модель «собор как памятник искусства» по самой сути своей является консервацией здания во всей целостности.

в середине 1930-х гг.¹⁶, когда поиск интерпретаций Исаакиевского собора продолжился с новой силой.

Революция 1917 г. разрушила казавшуюся неделимой семантическую связь петроградского Исаакиевского собора и монархии Романовых. Расположение, колоссальные размеры здания, уникальный декор, – все эти сугубо внешние (даже если речь идет об интерьере) параметры уже сами по себе требовали осмысления, интерпретации, которая соответствовала бы новому антимонархическому контексту. 1920-е гг. стали временем первых поисков таковой. Сложная картина борьбы за присвоение собора не может быть сведена к простому противопоставлению «храм – музей» или «верующие – большевики», «Церковь – советская власть». История Исаакиевского собора в 1917–1931 гг. – иллюстрация сложности социально-политических процессов в раннесоветской России.

Список литературы

- Ананьев В. Г.** От Иерусалимского храма до памятника царю: К семиотике третьего Исаакиевского собора // Вестник литературы, истории и искусства. 2012. Т. 8. С. 72–82.
- Бутиков Г. П., Хвостова Г. А.** Исаакиевский собор. Л.: Лениздат, 1974. 165 с.
- Голованова А. В.** История Исаакиевского собора как отражение культурной политики государства: Дис. ... канд. культурологии. СПб., 2019. 213 с.
- Горе имеем сердца!: к 30-летию возрождения богослужений в Исаакиевском соборе / Сост. А. В. Голованова, В. О. Яковлев. СПб.: ГМП «Исаакиевский собор», 2020. 40 с.
- Друзин М. В.** Е. В. Богданович: общественный деятель пореформенного времени // Российская история. 2020. № 1. С. 91–101. DOI 10.31857/S086956870008275-3
- История Правительствующего Сената за 200 лет: 1711–1911. СПб.: Сенатская тип., 1911. Т. 5. 244 с.
- Кириченко Е. И.** Запечатленная история России. Монументы XVIII – начала XX века. М.: Жираф, 2001. Кн. 1: Архитектурный памятник. 352 с.
- Колоницкий Б. И.** Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб.: Лики России, 2012. 320 с.
- Ларионов А. Л.** Ботик Петра I // Судостроение. 1976. № 7. С. 59–64.
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А.** Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 349–361.
- Любезников О. А.** Исаакиевский собор в 1917–1920-е гг. Архитекторы М. Т. Преображенский, Н. П. Никитин, А. П. Удаленков и проблема музеефикации памятника. СПб.: ЛЕМА, 2017. 68 с.
- Малинова О. Ю.** Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти. М.; СПб., 2018. С. 27–53.
- Никитин Н. П.** Огюст Монферран. Проектирование и строительство Исаакиевского собора и Александровской колонны. Л.: Ленингр. отд-ние Союза сов. архитекторов, 1939. 348 с.
- Ротач А. Л., Чеканова О. А.** Огюст Монферран. Л.: Стройиздат, 1990. 221 с.
- Святославский А. В.** История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: Древлехранилище, 2013. 592 с.
- Серафимов В. И., Фомин М. И.** Описание Исаакиевского собора в С.-Петербурге, составленное по официальным документам. СПб.: Тип. Гогенфельдена и К^о, 1865. 193 с.
- Сокол К. Г.** Монументы империи: Описание двухсот наиболее интересных памятников императорской России. М.: Грантъ, 2001. 455 с.
- Стенник Ю. В.** Петр I в русской литературе XVIII века // Петр I в русской литературе XVIII века (Тексты и комментарии). СПб., 2006. С. 3–50.

¹⁶ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 25. Оп. 2. Д. 2000. Л. 10–11.

- Толмачева Н. Ю.** Исаакиевский собор. История строительства. СПб.: Политехника-принт, 2018. 320 с.
- Уортман Р. С.** Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2002. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. 608 с.
- Хвостова Г. А.** О росписи К. П. Брюлловым купола Исаакиевского собора // Петербургские искусствоведческие тетради. Статьи по истории искусства. СПб., 2016. С. 74–83.
- Шахнович М. М., Чумакова Т. В.** Идеология и наука. Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР. СПб.: Наука, 2016. 365 с.

Список источников

- Богданов А. И.** Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга, от начала заведения его, с 1703 по 1751 год. СПб.: Тип. Военной коллегии, 1779. 528 с.
- Бужинский Г.** Sermo panegyricus in diem natalem Serenissimi ac Potentissimi Petri Magni // Петр I в русской литературе XVIII века (Тексты и комментарии). СПб., 2006. С. 51–61.
- Де Санглен Я. И.** Записки // Русская старина. 1882. Т. 36, № 12. С. 443–498.
- Из очага мракобесия в очаг культуры: Сб. ст. Л.: Огиз-Прибой, 1931. 84 с.
- Куприн А. И.** Купол Святого Исаакия Далматского // Куприн А. И. Эмигрантские произведения. Купол Святого Исаакия Далматского. Извощик Петр. М., 1992. С. 10–82.
- Преображенский М. Т.** Отчет по командировке собранием Академии художеств в междоуведомственную комиссию по Исаакиевскому собору для выяснения необходимого ремонта по зданию и исчислению потребных на то средств. СПб.: Тип. СПб. градонач, 1911. 32 с.

References

- Ananyev V. G.** Ot Ierusalimskogo khrama do pamyatnika tsaryu: K semiotike tret'ego Isaakievskogo sobora [From Jerusalem Temple to the Tsar's Monument: The Semiotics of the Third St. Isaac's Cathedral]. *Vestnik literatury, istorii i iskusstva* [Bulletin of Literature, History and Arts], 2012, vol. 8, pp. 72–82. (in Russ.)
- Butikov G. P., Khvostova G. A.** Isaakievskii sobor [St. Isaac's Cathedral]. Leningrad, Lenizdat, 1974, 165 p. (in Russ.)
- Druzin M. V.** E. V. Bogdanovich: obshchestvennyi deyatel' poreformennogo vremeni [E. V. Bogdanovich: Public Figure of the Post-Reform Period]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian History], 2020, no. 1, pp. 91–101. (in Russ.) DOI 10.31857/S086956870008275-3
- Golovanova A. V.** Istoriya Isaakievskogo sobora kak otrazhenie kul'turnoi politiki gosudarstva [The History of St. Isaac's Cathedral as a Reflection of the Cultural Policy of the Russian State]. Cand. Sci. (Culturology) Diss. St Petersburg, 2019, 213 p. (in Russ.)
- Golovanova A. V., Yakovlev V. O.** (comp.). Gore imeim serdtsa!: k 30-letiyu vrozozhdeniya bogoslužhenii v Isaakievskom sobore [Sursum corda! On the 30th Anniversary of the Revival of Worship in St. Isaac's Cathedral]. St. Petersburg, GMP "Isaakievskii sobor", 2020, 40 p. (in Russ.)
- Istoriya Pravitel'stvuyushchego Senata za 200 let: 1711–1911 [A History of the Governing Senate for 200 years: 1711–1911]. St. Petersburg, Senatskaya tipografiya, 1911, vol. 5, 244 p. (in Russ.)
- Khvostova G. A.** O rospisi K. P. Bryullovym kupola Isaakievskogo sobora [About the Painting by K. P. Bryullov Domes of St. Isaac's Cathedral]. In: *Peterburgskie iskusstvovedcheskie tetrad'i. Stat'i po istorii iskusstva* [Petersburg Art History Notebooks. Articles on the History of Art]. St. Petersburg, 2016, pp. 74–83. (in Russ.)

- Kirichenko E. I.** Zapechatlennaya istoriya Rossii. Monumenty XVIII – nachala XX veka [Reflected History of Russia. Monuments of the 18th – Early 20th Century]. Moscow, Zhiraf, 2001, book 1: Arkhitekturnyi pamyatnik [Architectural Monument], 352 p. (in Russ.)
- Kolonitsky B. I.** Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoi kul'tury rossiiskoi revolyutsii 1917 g. [Symbols of Power and Power Struggle: On the Study of the Political Culture of the Russian Revolution of 1917]. St. Petersburg, Liki Rossii, 2012, 320 p. (in Russ.)
- Larionov A. L.** Botik Petra I [The Boat of Peter I]. *Sudostroenie* [Shipbuilding], 1976, no. 7, pp. 59–64. (in Russ.)
- Lotman Yu. M., Uspensky B. A.** Otvzuki kontseptsii “Moskva – tretii Rim” v ideologii Petra Pervogo (K probleme srednevekovoi traditsii v kul'ture barokko) [Echoes of the Concept “Moscow – the third Rome” in the Ideology of Peter the Great (On the Problem of Medieval Tradition in Baroque Culture)]. In: Lotman Yu. M. Istoriya i tipologiya russkoi kul'tury [The History and Typology of the Russian Culture]. St. Petersburg, Iskustvo-SPb, 2002, pp. 349–361. (in Russ.)
- Lyubeznikov O. A.** Isaakievskii sobor v 1917–1920-e gg. Arkhitektory M. T. Preobrazhenskii, N. P. Nikitin, A. P. Udalenkov i problema muzeifikatsii pamyatnika [St. Isaac's Cathedral in 1917–1920s. Architects M. T. Preobrazhensky, N. P. Nikitin, A. P. Udalenkov and the Problem of Museumification of the Monument]. St. Petersburg, LEMA Publ., 2017, 68 p. (in Russ.)
- Malinova O. Yu.** Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoi politiki [The Politics of Memory as an Element of Symbolic Politics]. In: Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati [Methodological Issues of Studying the Politics of Memory]. Moscow, St. Petersburg, 2018, pp. 27–53. (in Russ.)
- Nikitin N. P.** Ogyust Monferran. Proektirovanie i stroitel'stvo Isaakievskogo sobora i Aleksandrovskoi kolonny [Auguste Montferrand. The Design and Construction of St. Isaac's Cathedral and the Alexander Column]. Leningrad, Leningradskoe otdelenie Soyuza sovetskikh arkhitektorov, 1939, 348 p. (in Russ.)
- Rotach A. L., Chekanova O. A.** Ogyust Monferran [Auguste Montferrand]. Leningrad, Stroiizdat, 1990, 221 p. (in Russ.)
- Serafimov V. I., Fomin M. I.** Opisanie Isaakievskogo sobora v S.-Peterburge, sostavlennoe po ofitsial'nym dokumentam [The Description of St. Isaac's Cathedral in St. Petersburg, Compiled According to Official Documents]. St. Petersburg, Tipografiya Gogenfel'dena i K^o, 1865, 193 p. (in Russ.)
- Shakhnovich M. M., Chumakova T. V.** N. M. Ideologiya i nauka. Izuchenie religii v ehpokhu kul'turnoi revolyutsii v SSSR [Ideology and Science. The Study of Religion in the Era of the Cultural Revolution in the USSR]. St. Petersburg, Nauka, 2016, 365 p. (in Russ.)
- Sokol K. G.** Monumenty imperii: Opisanie dvukhsot naibolee interesnykh pamyatnikov imperatorskoi Rossii [Monuments of the Empire: Description of the Two Hundred Most Interesting Monuments of Imperial Russia]. Moscow, Grant, 2001, 455 p. (in Russ.)
- Stennik Yu. V.** Petr I v russkoi literature XVIII veka [Peter I in the Russian Literature of the 18th Century]. In: Petr I v russkoi literature XVIII veka (Teksty i kommentarii) [Peter I in the Russian Literature of the 18th Century (Texts and Commentaries)]. St Petersburg, 2006, pp. 3–50. (in Russ.)
- Svyatoslavsky A. V.** Istoriya Rossii v zerkale pamyati. Mekhanizmy formirovaniya istoricheskikh obrazov [The History of Russia in the Mirror of Memory. Mechanisms for the Formation of Historical Images]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2013, 592 p. (in Russ.)
- Tolmacheva N. Yu.** Isaakievskii sobor. Istoriya stroitel'stva [Saint Isaac's Cathedral. The History of the Construction]. St. Petersburg, Politekhnik-a-print, 2018, 320 p. (in Russ.)
- Wortman R. S.** Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii [Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy]. Moscow, OGI, 2002, vol. 1: Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I [From Peter the Great to the Death of Nicholas I], 608 p. (in Russ.)

List of Sources

- Bogdanov A. I.** Istoricheskoe, geograficheskoe i topograficheskoe opisanie Sankt-Peterburga, ot nachala zavedeniya ego, s 1703 po 1751 god [Historical, Geographical and Topographic Description of St. Petersburg, from Its Foundation, from 1703 to 1751]. St. Petersburg, Tipografiya Voennoi kollegii, 1779, 528 p. (in Russ.)
- Buzhinsky G.** Sermo panegyricus in diem natalem Serenissimi ac Potentissimi Petri Magni. In: Petr I v russkoi literature XVIII veka (Teksty i kommentarii) [Peter I in the Russian Literature of the 18th Century (Texts and Commentaries)]. St. Petersburg, 2006, pp. 51–61. (in Russ.)
- De Sanglen Ya. I.** Zapiski [Notes]. *Russkaya starina* [Russian Antiquity], 1882, vol. 36, no. 12, pp. 443–498. (in Russ.)
- Iz ochaga mrakobesiya v ochag kul'tury [From the Center of Obscurantism to the Center of Culture]. Leningrad, Ogiz-Priboi, 1931, 84 p. (in Russ.)
- Kuprin A. I.** Kupol Svyatogo Isaakiya Dalmatskogo [The Dome of Saint Isaac of Dalmatia]. In: Kuprin A. I. Emigrantskie proizvedeniya. Kupol Svyatogo Isaakiya Dalmatskogo. Izvoshchik Petr [The Emigrant Works. The Dome of Saint Isaac of Dalmatia. The Carrier Peter]. Moscow, 1992, pp. 10–82. (in Russ.)
- Preobrazhensky M. T.** Otchet po komandirovke sobranie Akademii khudozhestv v mezhdovedomstvennyu komissiyu po Isaakievskomu soboru dlya vyyasneniya neobkhodimogo remonta po zdaniyu i ischisleniyu potrebnikh na to sredstv [The Report on a Trip by the Collection of the Academy of Arts to the Interdepartmental Commission for St. Isaac's Cathedral to Determine the Necessary Repairs of the Building and the Calculation of the Funds Required for this]. St. Petersburg, Tipografiya Sankt-Peterburgskogo gradonachal'stva, 1911, 32 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Олег Анатольевич Любезников, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57219053706
WoS Researcher ID G-2343-2019

Information about the Author

Oleg A. Lyubeznikov, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57219053706
WoS Researcher ID G-2343-2019

Статья поступила в редакцию 10.02.2022;
одобрена после рецензирования 02.05.2022; принята к публикации 22.05.2022
The article was submitted on 10.02.2022;
approved after reviewing on 02.05.2022; accepted for publication on 22.05.2022

Научная статья

УДК 947.088(571)

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-110-121

Распад СССР

в контексте теории институционального насилия

Максим Васильевич Котляров

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

generationMK@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1339-3408>

Аннотация

Распад СССР объясняется с точки зрения теории институционального насилия Д. Норта, Б. Вайнгаста и Д. Уоллиса. К 1980-м годам СССР достиг стадии зрелого «естественного государства»: основу советского строя составляли долговременно существующие организации, которыми управляла элита, обеспечившая себе высокий уровень безопасности и стабильности служебного положения за счет эффективного контроля над аппаратом насилия (КГБ, милицией, армией). Тем самым в СССР сложились объективные предпосылки для перехода к порядку «открытого доступа», основанному на конкуренции. Движение в этом направлении было успешным до момента утраты М. С. Горбачевым контроля над спецслужбами и армией летом 1991 г. Пutsch ГКЧП катастрофически дискредитировал союзную власть, сделав распад государства неминуемым.

Ключевые слова

СССР, перестройка, насилие, государство, социальные порядки

Для цитирования

Котляров М. В. Распад СССР в контексте теории институционального насилия // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 110–121. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-110-121

The Collapse of the USSR

in the Context of the Theory of Institutional Violence

Maxim V. Kotlyarov

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

generationMK@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1339-3408>

Abstract

The collapse of the USSR is explained from the point of view of a new approach – the theory of institutional violence by D. North, B. Weingast and D. Wallis. The application of this theory shows that by the 1980s the USSR had reached the stage of a mature “natural state”. The basis of the Soviet system consisted of long-term political and economic organizations run by the elite that ensured a high level of security and stability of official position due to effective control over the apparatus of state violence (KGB, the militia, the army). Thus, objective prerequisites for the transition to a new social order of “open access” based on economic and political competition developed in the Soviet Union. The leadership of the USSR, represented by M. S. Gorbachev and his supporters in the party, was confident that the introduction of openness and democracy would benefit the Soviet state. M. S. Gorbachev’s loss of control over the special services and the army in the summer of 1991 had a fatal significance for the fate of the USSR. Organized by the chairman of the KGB V. A. Kryuchkov, the putsch of the GKChP catastrophically discredited the union government.

© Котляров М. В., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 110–121

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 110–121

The leaders of the Soviet republics were convinced of the need for its complete elimination and achieved this in a short time. Thus, the perestroika and the collapse of the USSR can be considered as the beginning of the movement of the Soviet society toward the "open access order". The initial conditions of this transition can be considered relatively successful. Despite a series of armed clashes in different regions of the USSR, the collapse of a huge militarized power occurred without much bloodshed and carnage between representatives of the political elite. The events of August 1991, thus, led to a political revolution, which marked the beginning of new sovereign states with a form of government close to the republican one.

Keywords

USSR, perestroika, violence, state, social orders

For citation

Kotlyarov M. V. The Collapse of the USSR in the Context of the Theory of Institutional Violence. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 110–121. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-110-121

Причины, обстоятельства, динамика и последствия распада СССР относятся к наиболее важным вопросам новейшей истории, поскольку столь стремительная гибель сверхдержавы беспрецедентна. Хронология кризиса советской государственности хорошо известна и описана во многих научных публикациях¹. Но нельзя сказать, что в историографии сложился непротиворечивый и заслуживший высокого доверия теоретико-методологический подход, объясняющий «механику» политической дезинтеграции советского государства. За прошедшие годы это событие объяснялось с помощью пяти основных концепций.

Одной из первых была сформулирована концепция революции элит, смысл которой заключается в том, что советская номенклатура в годы перестройки стремилась к правовому закреплению собственности и скрытых привилегий, не сильно беспокоясь о судьбе союзного государства [Пастухов, 1993; Крыштановская, 1995]. Получил распространение также подход, основывающийся на изучении национального фактора в распаде СССР. Ряд зарубежных исследователей-этнологов доказывали, что конец СССР стал результатом «триумфа наций», сформировавшихся внутри «советской империи» [Encausse, 1993]. Теория модернизации объясняет реформы в СССР как одну из стадий российской модернизации, закончившуюся, впрочем, не удачно. Введение демократии и рыночной экономики советская система не выдержала [Согрин, 1998; Алексеев, Алексеева, 2000]. Теория демократического транзита утверждает, что распад СССР стал составной частью третьей волны демократизации, начавшейся с падения диктатуры в Португалии в 1974 г. [Хантингтон, 2003]. Сторонники теории кризиса индустриального общества считают, что экономика СССР в 1980-е гг. находилась в глубоком структурном кризисе, который только усугубился в период перестройки и стал причиной краха государства [Дробышев и др., 2011].

Современная отечественная историография при этом представляет собой поле борьбы двух концепций. Первую можно обозначить как концепцию экономического банкротства СССР. Ее автор, Е. Т. Гайдар, подробно изложил экономические проблемы позднего СССР, сделав упор на зависимость советской экономики от экспорта нефти, резкое снижение стоимости которой на мировом рынке во второй половине 1980-х гг., стало смертельным ударом по государственному бюджету [Гайдар, 2007].

Вторая популярная концепция акцентирует внимание на фактах интеллектуальной и политической «деградации», а также «предательства» советских элит. В этих публикациях описаны различные «стратегические ошибки» руководства СССР и корыстные мотивы в борьбе за власть в период перестройки, которые стали главными причинами распада государства [Станкевич, 2001; Фроянов, 2002].

Тем самым в отечественной историографии сложился подход, который отрицает историческую детерминированность распада СССР. Всё больше находят признание непредвиден-

¹ В научной электронной библиотеке Elibrary.ru с 2000 по 2022 г. насчитывается 5 295 публикаций, посвященных различным аспектам распада СССР.

ные (случайные) воздействия, а также различные субъективные факторы: непредсказуемое падение стоимости нефти на мировом рынке, интеллектуальная несостоятельность советской элиты, слабая экспертная обеспеченность политических решений, личные амбиции и соперничество за власть между советскими руководителями.

Идея распада СССР как «черного лебедя» мировой истории привлекательна, так как может успокоить «горячие головы» не только в научно-экспертном, но и в политическом сообществе, до сих пор яростно спорящих о крахе СССР. Кроме того, такой подход не требует больших усилий по поиску новых фактов, их анализу и обобщению с целью формирования внятной объяснительной модели, поскольку субъективные факторы распада государства лежат на поверхности, ими пронизаны воспоминания и интервью политиков той эпохи.

«Недетерминированный» подход, однако, игнорирует содержание и последовательность политических событий во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. в СССР. В ходе перестройки на общесоюзных партийных форумах, которыми дирижировал Генеральный секретарь ЦК КПСС, были приняты решения о последовательной демократизации политической системы. С 1987 г. начались выборы руководителей на предприятиях и первых секретарей партийных комитетов, была ослаблена цензура в средствах массовой информации, в 1989–1990 гг. КПСС путем ликвидации отраслевых отделов в аппарате парткомов самоустранилась от командования экономикой, в эти же годы состоялись конкурентные выборы народных депутатов на всех уровнях, в стране развернули деятельность различные неформальные общественные организации, ставшие основой массовых общественных движений и протопартий. При этом курс на перестройку системы пользовался популярностью и поддержкой в КПСС и среди населения. Демократизация быстро изменила политический режим в СССР, конструкции которого стали проявлять самостоятельность, а союзный центр перестал их жестко удерживать, что и стало важнейшей причиной глубокого кризиса советской государственности.

Таким образом, чтобы выяснить причины распада Советского Союза нужно разобраться, почему руководство одной из самых мощных и brutальных держав в мировой истории, режим которой сохранял тоталитарный дизайн до последних лет своего существования, отказалось от долголетней практики жесткого подавления политической активности, преследования оппонентов, цензуры и других форм государственного насилия и стало последовательно внедрять принципы открытости и конкуренции. Ответ на этот вопрос может дать теория, объясняющая значение насилия в развитии человеческой цивилизации.

Авторами этой теории являются лауреат Нобелевской премии в области экономики Д. Норт, политолог Б. Вайнгаст и историк Д. Уоллис. Они написали книгу «Насилие и социальные порядки» (2009 г.), посвятив ее концептуальной интерпретации истории человечества через призму решения проблемы насилия в различных обществах.

Д. Норт и его коллеги считают, что две революции в истории человечества имели решающее значение для появления принципиально отличных типов социального порядка. Неолитическая революция около десяти тысяч лет назад привела к появлению сельского хозяйства и формированию первых государств, которые обеспечили социальный порядок. Это были «естественные государства», или порядок «ограниченного доступа». По мнению Д. Норта, «естественные государства» до сих пор являются самым распространенным типом политэкономического устройства человеческого общества.

«Естественные государства» строятся на ограничении доступа к экономическим и политическим ресурсам. Благодаря привилегиям и особым правам отдельные группы, обладающие властью, извлекают экономическую ренту из ресурсов, находящихся под их контролем: земельных угодий, торговых путей, месторождений полезных ископаемых и др. В таких государствах в элите превалируют личные отношения, т. е. правящие группы представляют собой семьи, кланы, династии, узкие партии, хунты. Порядок ограниченного доступа не отличается стабильностью и постоянством, в долгосрочном плане он не способствует экономическому росту, поскольку нацелен на принудительное распределение ренты, а не на создание

новых производственных мощностей. При этом такие государства способны эволюционировать, авторы теории выделяют типы хрупкого, базисного и зрелого «естественного государства».

Как считают Д. Норт, Б. Вайнгаст и Д. Уоллис, индустриальная и социальная революция, которая впервые проявила себя в Англии XVII–XVIII вв., дала возможность появиться социальному порядку открытого доступа. В этом порядке главным принципом экономической и политической деятельности стала конкуренция, а доступ к основным ресурсам является относительно открытым и равным. Атрибутами такого порядка становятся акционерные общества, множество независимых от государства организаций, надежная система правовых гарантий и свобод. В XXI в. лишь 25 стран и 15 % населения земного шара живут в обществах открытого доступа, остальные 175 стран и 85 % населения живут в естественных государствах [Норт и др., 2011, с. 353].

Важным вкладом Д. Норты, Б. Вайнгаста и Д. Уоллиса в теорию государства стало выделение трех основных условий, необходимых для перехода от «естественного государства» к порядку «открытого доступа». Первое условие – существование бессрочных (постоянных) организаций, которые не зависят ни от государства, ни от конкретных личностей. Второе условие – подчинение элиты верховенству закона или равенство всех перед законом. Третье, самое важное условие – консолидированный всей элитой контроль над вооруженными силами и другими институтами государственного насилия, что предотвращает саморазрушение и деградацию социального порядка. В конце периода зрелости при выполнении пороговых условий происходит переход, занимающий обычно около 50 лет, от зрелого «естественного государства» к «порядку открытого доступа», когда механизмы конкуренции на всех уровнях экономики и политики сменяют механизмы привилегий и ренты.

Применение теории Д. Норты, Б. Вайнгаста и Д. Уоллиса для интерпретации поздней истории СССР может быть плодотворным, поскольку они предлагают универсальную призму для изучения состояния государства и его готовности к переходу от «естественного» к качественно новому состоянию – «порядку открытого доступа». Для выяснения эвристической ценности этой теории необходимо решить ряд задач: выявить долговременность существования политических и экономических организаций в СССР; проанализировать, какими правами обладала советская элита, установить роль личных отношений между ее представителями; определить характер контроля над вооруженными силами и другими институтами государственного насилия в Советском Союзе.

«Бессрочность» существования организаций является показателем высокой зрелости «естественного государства» и его готовности к порядку «открытого доступа». Под «бессрочностью» Д. Норт, Б. Вайнгаст и Д. Уоллис понимают условие, когда организации не зависят от жизни их индивидуальных членов. Значение бессрочно существующих организаций заключается в том, что они создают форму безличного обмена и отношений. Повышается безопасность контрактов и соглашений, поскольку они заключаются с организацией, а не с индивидуальными членами организации. Эти контракты также выходят за пределы жизни любого индивидуального члена.

Отличительной особенностью советской системы была организационная стабильность. Ключевые политические и общественные организации, а также многие предприятия и учреждения существовали практически на протяжении всего периода советской власти, пережили своих создателей и тяжелые перипетии истории.

Роль и статус важнейших организаций СССР были закреплены Конституцией 1977 г. Статья 6 Основного Закона закрепила, что «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы» являлась КПСС. В Статье 7 также фиксировалась важная роль профсоюзов и комсомола, а кооперативные и другие общественные организации «участвуют в управлении государственными и общественными делами, в решении политических, хозяйственных и социально-культурных вопросов».

Важным признаком организационной стабильности советской системы был рост численности партии. В послевоенный период количество членов и кандидатов в члены КПСС выросло на 13 млн чел. и в начале 1985 г. насчитывало 18,7 млн чел., что составляло 9,5 % всего взрослого населения СССР. КПСС имела жестко централизованную и широко разветвленную структуру, сформированную по территориально-производственному принципу еще в 1920-е гг. В середине 1980-х гг. существовало 440,5 тысяч первичных парторганизаций. Партийные организации пронизывали буквально все крупные предприятия и учреждения, обеспечивая управляемость, политический контроль и организационную стабильность советского общества в целом. КПСС, как и другие ключевые общественно-политические организации Советского Союза, носила безличный характер, она функционировала на основе открытых Устава и Программ, которые выступали в качестве «Основного Закона» партии и реального руководства к действию вне зависимости от политической конъюнктуры.

Особенностью советской экономической модели также была организационная стабильность, обусловленная высокой концентрацией производства. В 1985 г. 62 % населения советская статистика относила к категории рабочих. При этом большинство рабочих (74,3 %) в этот период было занято на крупных предприятиях с численностью персонала свыше 1 000 чел. [Полынов, 2010, с. 237]. Формирование масштабных производств не всегда было оправдано с позиции экономической эффективности, однако с точки зрения социальной стабильности большие предприятия выгодно отличались от небольших. Они имели развитую социальную инфраструктуру: поликлиники, дома отдыха, спортивные залы, дачные поселки и др. Благодаря этому обеспечивалась не только социальная защищенность рабочих, но и долговременность существования самих предприятий, так как они приобретали характер градообразующих.

Не менее важной причиной длительного существования в СССР крупных промышленных предприятий была нацеленность многих из них на обеспечение нужд армии. Причем объемы производства вооружений определялись не военными потребностями, а тем, какие производственные мощности были ранее созданы [Гайдар, 2007, с. 202]. Их сохранение являлось принципиальным вопросом. Помощник Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева Г. Х. Шахназаров приводит в своих воспоминаниях дискуссию с начальником Генерального штаба Вооруженных сил СССР С. Ф. Ахромеевым. На вопрос Г. Х. Шахназарова «Зачем надо производить столько вооружений?», С. Ф. Ахромеев ответил: «Потому что ценой огромных жертв мы создали первоклассные заводы, не хуже, чем у американцев. Вы что, прикажете им прекратить работу и производить кастрюли? Нет, это утопия» (Шахназаров, 2001, с. 355).

Согласно Д. Норту и его коллегам, в естественных государствах элементы верховенства права для элит возникают, когда аспекты закона относятся в равной степени ко всем элитам и применяются беспристрастно. Элита защищена от произвола «первого лица» и его «гвардии», решение об использовании вооруженных сил внутри страны и за рубежом принимается коллективно, что снижает риски гибели представителей элиты и перераспределения ресурсов между группировками.

В послевоенном СССР произошли важные изменения с точки зрения положения людей, находящихся на руководящих должностях. В конце 1930-х гг. И. В. Сталин ликвидировал большую часть членов Центрального Комитета. В 1957 г. «антипартийная группа», а затем Н. С. Хрущев в начале 1960-х гг. потерпели поражение, когда попытались отодвинуть ЦК партии от принятия важнейших решений. В 1960-е – первой половине 1980-х гг. интересы элиты возобладали, что обеспечило высшему составу советских руководителей беспрецедентный уровень личной безопасности и стабильности служебного положения, ставшего практически бессрочным [Модсли, Уайт, 2011, с. 389].

Ситуаций, способных поколебать эту систему, в 1970-е – первой половине 1980-х гг. практически не было. Громкие судебные процессы касались отдельных фигур, разоблачения нарушений социалистической законности не приобретали характера масштабных чисток.

В последний год жизни Л. И. Брежнева и особенно после его смерти борьба с коррупцией активизировалась, количество дел против взяточников в 1983–1986 гг. выросло почти в два раза, в том числе были организованы громкие расследования коррупции в системе торговли («Рыбное дело», «Краснодарское дело», арест директора гастронома № 1 Ю. К. Соколова), в системе МВД (снятие с поста министра Н. А. Щелокова), «Хлопковое дело» в Узбекистане. Подобная активизация борьбы со взяточничеством позволяла удовлетворить справедливое недовольство населения дефицитом и «блатом», при этом не угрожала основам номенклатурной системы, так как застрагивала главным образом региональных руководителей и чиновников на местах.

Важным условием зрелости «естественного государства» является роль личных отношений среди элиты. В хрупких и базовых «естественных государствах» личные отношения внутри правящей коалиции имеют принципиальное значение – власть и ресурсы распределяются в узком кругу родственников, соплеменников, друзей, сослуживцев, которые хорошо знают друг друга. В зрелых «естественных государствах», в которых функционируют «бессрочные» организации, обеспечивается защита прав элиты, развивается система договоров, соглашений и бюрократических правил, соответственно личные связи утрачивают значение.

Поздний СССР был государством, где личные отношения внутри элиты не имели принципиального значения. Более того, советское государство было построено на стремлении полностью обезличить отдельного человека, в том числе представителей номенклатуры. Как писал М. Джилас, «коммунисты не делают различия между чиновниками и нечиновниками; все граждане считаются чиновниками» [1961, с. 117].

В советской элите на протяжении истории происходили существенные изменения. Старую гвардию большевиков в 1930-е гг. путем кровавых чисток сменили сталинские бюрократы, которые, в свою очередь, постепенно вытеснялись хрущевскими и брежневскими технократами. Тем самым происходило «функциональное развитие» элиты, в ходе которого терялось значение личных отношений и более важными факторами становились профессиональные качества.

Более того, члены советской элиты в 1970–1980-е гг., как следует из воспоминаний, являлись довольно разобщенной группой. В этой среде не возникало устойчивых семейно-клановых или даже крепких дружеских связей [Модсли, Уайт, 2011, с. 366]. Л. И. Брежнев вел довольно уединенный образ жизни и редко приглашал друзей на дачу. Когда ему требовались консультации, то это происходило обычно за обедом, где присутствовали Ю. В. Андропов, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинов и К. У. Черненко. На них никогда не бывали ни А. Н. Косыгин, ни значительно более молодой М. С. Горбачев. Представители партийного руководства совсем перестали ходить друг к другу в гости к концу правления Л. И. Брежнева, когда вопрос о том, «кто с кем пьет», приобрел политическое значение. Более того, выработалось твердое правило избегать подобных визитов, чтобы не порождать домыслов о заговорах. Например, М. С. Горбачев, став в 1979 г. членом Политбюро ЦК КПСС, пригласил Ю. В. Андропова с женой к себе на обед, желая укрепить дружеские отношения, сложившиеся между ними в Ставрополе, но Андропов твердо отказался, подчеркнув, что «завтра же пойдут сплетни и вопросы, кто, где, зачем встречался, что они обсуждали...» (Горбачев, 1995, кн. 1, с. 189).

Вместе с этим Центральный комитет партии в брежневские годы, как считает ряд исследователей, работал скорее как орган по выработке «консенсуса» между его членами, нежели как инструмент реализации политической воли Генерального секретаря. Можно даже предположить, что в те годы в СССР был выработан ряд «неписанных конституционных ограничений», подобных тем, что существуют в Великобритании, и эти ограничения проявлялись в способности ЦК предупреждать попытки руководства партии действовать вопреки интересам главных социальных групп или ключевых общественных институтов [Модсли, Уайт, 2011, с. 273].

В период перестройки роль ЦК КПСС и его Политбюро заметно возросла. С избранием М. С. Горбачев на пост Генерального секретаря ЦК КПСС увеличилось количество постановлений Политбюро и время его заседаний, которые порой длились до 11 часов. В свою очередь, на Пленумах ЦК рассматривались ключевые вопросы перестройки, они ознаменовали поворотные этапы преобразований: начало ускорения, гласности, демократизации, десталинизации, экономической реформы. Однако ни Политбюро, ни ЦК КПСС не превратились в единую команду реформ. Видимость единства и сплоченности сохранялась до октября 1987 г., когда на пленуме ЦК КПСС с критикой недочетов и упущений партийного руководства выступил первый секретарь Московского горкома КПСС Б. Н. Ельцин и серьезно за это поплатился. В марте 1988 г. публикация письма Н. А. Андреевой «Не могу поступаться принципами» обозначила идеологические противоречия между консерваторами и реформаторами на высшем партийном уровне. В последующие годы недоверие между Генеральным секретарем, членами Политбюро и ЦК КПСС только усугублялось, сопровождаясь публичной критикой, вылившейся в требование отставки руководителя партии на апрельском Пленуме ЦК КПСС в 1991 г., а затем и в попытку государственного переворота в августе 1991 г. Таким образом, преобразования второй половины 1980-х гг. спровоцировали недоверие, идейно-политическое размежевание, а затем и полноценный раскол политической элиты, что стало важным фактором краха политического режима.

Принципиальное значение для стабильности «естественного» государства имеет обуздание насилия. Эффективный контроль над аппаратом государственного насилия обеспечивает сохранение созданного порядка и его постепенный прогресс.

Большевики фактически с нуля создали армию, милицию и спецслужбы, которые со времен Гражданской войны стали их важнейшими инструментами в установлении и поддержании однопартийной диктатуры в стране. Партия никогда не ослабляла контроль над армией, спецслужбами и милицией, руководство которых неоднократно подвергалось чисткам, будучи заподозренными в нелояльности или возрастающем влиянии.

Важнейшим показателем подчиненного положения армии и спецслужб в СССР являлось отсутствие с их стороны серьезных антиправительственных заговоров. Руководители партии успешно ставили на место «людей в погонах», добиваясь необходимых политических целей, которые вызывали их несогласие.

В период перестройки М. С. Горбачев развернул деятельность по сокращению ракетных ядерных вооружений, что вызвало серьезное беспокойство у генералитета, видевшего в этом угрозу достигнутому длительными и тяжелыми усилиями ядерному паритету с НАТО. По свидетельству работника аппарата ЦК В. М. Фалина, «генеральный искал в ту пору безотказный предлог, позволявший ему взнудать и засупонить военных. Генералы и адмиралы – не партсекретари в регионах и отчасти в республиках. Здесь перевыборы не назначишь, чтобы “демократически” избавиться от неудобных. И вдруг как “манна небесная” – М. Руст. Нежданный и столь желанный подарок» (Фалин, 1999, с. 127).

28 мая на Васильевском спуске Красной площади в Москве приземлился легкомоторный самолет, пилотируемый гражданином ФРГ М. Рустом. М. С. Горбачев воспользовался возникшим скандалом от выходки воздушного хулигана и отправил в отставку министра обороны СССР С. Л. Соколова и командующего ВВС А. И. Колдунова, с которыми у него были разногласия по вопросам сокращения вооружений. Кроме того, с постов были сняты полторы сотни офицеров, некоторые были отданы под суд [Шубин, 2005, с. 291].

Однако в ходе перестройки в системе контроля над аппаратом государственного насилия произошли важные изменения. В 1990 г. на фоне стремительно нараставших проблем в экономической и политической сферах между М. С. Горбачевым и частью высшей партийной элиты всё больше разрасталось недоверие. В этот период КГБ выдвинулся на первый план как опора Генерального секретаря. Формировался консервативный блок между КГБ, догматиками в КПСС, депутатами-«патриотами» и частью генералитета советской армии. Председатель КГБ В. А. Крючков играл в этом блоке важную роль, постоянно предупреждая

М. С. Горбачева о «кознях» демократов, призывая к наведению порядка путем введения чрезвычайных мер (Бакатин, 1992, с. 14). На этом этапе руководство СССР в качестве действенного варианта борьбы с нарастающими кризисными процессами стало рассматривать введение чрезвычайного положения.

Первые шаги по введению чрезвычайных мер были сделаны осенью 1990 г., когда М. С. Горбачев лично отдал приказ разработать мероприятия по введению чрезвычайного положения. С этой целью 28 марта 1991 г. был создан неофициальный комитет. В нем среди прочих состояли будущие путчисты – вице-президент СССР Г. И. Янаев, министр обороны СССР Д. Т. Язов, председатель КГБ СССР В. А. Крючков и министр внутренних дел СССР Б. К. Пуго (Бакатин, 1992, с. 14).

С апреля 1991 г. М. С. Горбачев сосредоточился на работе над Союзным договором, а введение чрезвычайного положения рассматривал как ответ на тяжелый продовольственный кризис или массовые беспорядки. В свою очередь, другие руководители союзных органов государственной власти относились к введению чрезвычайного положения как к единственной возможности, позволявшей развернуть политическую ситуацию в пользу союзного центра и предотвратить распад страны (Бакатин, 1992, с. 14).

Планировал и организовывал введение чрезвычайного положения председатель КГБ В. А. Крючков. Ему удалось заручиться поддержкой руководства армии, МВД, союзного правительства и Верховного Совета СССР. Организации КПСС важной роли в путче не сыграли, большинство партийных руководителей как в центре, так и на местах заняли выжидательную позицию [Котляров, 2011, с. 194–203].

Путчистам, однако, не удалось заручиться поддержкой М. С. Горбачева, находившегося на отдыхе в Форосе, поэтому они не имели лидера и действовали нерешительно, в то время как демократическое, оппозиционное движение находилось на подъеме, особенно в столице и крупных городах страны. Путчисты готовились, но не решились применить силу против главного противника в Москве – Б. Н. Ельцина, а также не пошли на прямое подавление протестного движения. В результате российское руководство во главе с Б. Н. Ельциным смогло опереться на быстро возникшее сопротивление путчистам и вышло победителем в противостоянии.

Важно подчеркнуть, что в руководстве СССР в период перестройки не было единства в отношении применения насилия для удержания власти, поскольку памятли были кровопролитные события в Новочеркасске в 1962 г. и массовые беспорядки в Польше в 1970, 1976 и 1980 гг. Даже в ГКЧП формальный «лидер» Г. И. Янаев и ключевые «силовики» Д. Т. Язов и В. А. Ачалов были решительными противниками применения насилия. 21 августа 1991 г. Д. Т. Язов приказал вывести войска из Москвы, что фактически решило исход борьбы во время путча.

Поражение ГКЧП привело к быстрому демонтажу советской политической системы. Провал путча был использован Б. Н. Ельциным в первую очередь для устранения КПСС. Объявленная Указом Президента РСФСР Б. Н. Ельцина 23 августа 1991 г. приостановка деятельности коммунистической партии на территории РСФСР не встретила сопротивления миллионов коммунистов, которые были политически расколоты и деморализованы. 6 ноября 1991 г. Указом Президента РСФСР Б. Н. Ельцина деятельность КПСС на территории РСФСР была запрещена.

Неудавшийся переворот породил «парад суверенитетов». На второй день путча объявила о своей независимости Эстония, на третий – Латвия. Большинство остальных республик сделали это в течение следующих четырех недель. Позднее всего независимость была объявлена Туркменией – 27 октября и Казахстаном – 16 декабря 1991 г. Республики бывшего СССР начали получать признание в качестве самостоятельных государств на международной арене.

После путча руководители ключевых союзных структур были арестованы. Новые назначения М. С. Горбачев был вынужден согласовывать с Б. Н. Ельциным. Российский президент

добился выгодных для себя кадровых решений в Министерстве обороны, КГБ и МВД, руководители союзных структур теперь не могли помешать руководству РСФСР, часть из них была ему лояльна. В результате победа над ГКЧП позволила Б. Н. Ельцину резко ослабить власть М. С. Горбачева. К концу 1991 г. руководители ведущих иностранных государств, которые ранее взаимодействовали в первую очередь с М. С. Горбачевым, стали признавать Б. Н. Ельцина в качестве ключевого политика на постсоветском пространстве. 25 декабря 1991 г. М. С. Горбачев заявил о прекращении своей деятельности на посту президента СССР и подписал указ о передаче управления стратегическим ядерным оружием президенту РСФСР Б. Н. Ельцину.

Подводя итоги, отметим, что применение теории институционального насилия позволяет концептуализировать завершающий период советской истории. В 1980-е гг. СССР представлял собой зрелое «естественное государство», для которого были характерны долговременно существующие организации, обезличенная, дисциплинированная элита, которая чувствовала себя в безопасном положении за счет эффективного контроля над аппаратом государственного насилия. Тем самым в СССР сложились объективные предпосылки для перехода к порядку «открытого доступа». Руководство СССР начало перестройку системы, поскольку чувствовало себя в безопасности и было уверено, что внедрение элементов открытости и конкуренции принесет пользу советскому государству и обществу.

Перестройку, таким образом, можно рассматривать как начало движения советского общества к «порядку открытого доступа». Стартовые условия перехода были относительно успешными. Несмотря на череду погромов и вооруженных столкновений в советских республиках в конце 1980-х – начале 1990-х гг. (Алма-Ата, Крым, Карабах, Сумгаит, Абхазия, Приднестровье, Фергана, Вильнюс и др.), политические реформы в огромной милитаризованной державе произошли без бойни между представителями политической элиты.

Роковое значение для политической судьбы СССР имело не столько формирование в республиках реальной политической оппозиции, сколько потеря контроля над аппаратом насилия летом 1991 г. в самом центре государства. Организованный председателем КГБ СССР В. А. Крючковым провальный путч ГКЧП полностью дискредитировал союзную власть и предоставил лидерам советских республик, в первую очередь Б. Н. Ельцину, широкие возможности для дезавуирования союзных структур.

Августовские события 1991 г. привели к политической революции: большая часть политического и военного руководства СССР была арестована, завершилось господство коммунистической идеологии, многомиллионной КПСС, аппарата политического насилия в лице КГБ, памятник его основателю был свергнут. Сразу после путча большинство республик объявило о независимости, их начали признавать на международной арене [Лозо, 2014, с. 382–383]. И, как показали последующие годы, политическое разделение между республиками, бывшими когда-то частью одного государства, только разрасталось.

Таким образом, теория институциональных изменений Д. Норта, хотя и построенная на анализе экономических процессов в евро-атлантических странах, является продуктивным методологическим инструментом для понимания в том числе советской истории. Ценность теории Д. Норта базируется на удачном синтезе известного вебирианского тезиса о государстве как форме господства, основанном на монополии на насилие и относительно новых достижений в истории экономики. В результате даже такое уникальное политическое образование, как Советский Союз поддается концептуальному анализу, а причины его распада отчетливо проявляются не в личных качествах и промахах последних Генеральных секретарей ЦК КПСС, а в специфике его политических и экономических институтов.

Список литературы

Алексеев В. В., Алексеева Е. В. Распад СССР в контексте теорий модернизаций и имперской эволюции // Отечественная история. 2000. № 5. С. 3–18.

- Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2007. 448 с.
- Джилас М. Новый класс. Нью-Йорк: Прегер, 1961. 243 с.
- Дробышев Т. А., Мау В. А., Шахрай С. М., Яник А. А. История экономики СССР и России в конце XX века (1985–1999) / Под общ. ред. А. А. Клишаса. М.: Изд-во МГУ, 2011. 272 с.
- Котляров М. В. Институциональные изменения и идейно-политические процессы в организациях КПСС Западной Сибири в период перестройки: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. 224 с.
- Крыштановская О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51–65.
- Лозо И. Августовский путч 1991 года. Как это было. М.: РОССПЭН, 2014. 462 с.
- Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный комитет и его члены, 1917–1991 гг. М.: РОССПЭН, 2011. 431 с.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. 480 с.
- Пастухов В. Б. От номенклатуры к буржуазии: «новые русские» // Политические исследования. 1993. № 2. С. 49–56.
- Полынов М. Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940 – первая половина 1980-х гг. СПб.: Алетейя, 2010. 512 с.
- Согрин В. В. Теоретические подходы к российской истории XX века // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 124–135.
- Станкевич З. А. История крушения СССР: политико-правовые аспекты. М.: Изд-во МГУ, 2001. 320 с.
- Фроянов И. Я. Погружение в бездну. М.: Алгоритм, 2002. 607 с.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. 603 с.
- Шубин А. В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М.: Вече, 2005. 480 с.
- Encausse Helene Carrere d'. The End of the Soviet Empire: The Triumph of the Nations. New York, BasicBooks, 1993, 292 p.

Список источников

- Бакатин В. В. Избавление от КГБ. М.: Новости, 1992. 288 с.
- Горбачев М. С. Жизнь и реформы. М.: Новости, 1995. Кн. 1. 656 с.
- Фалин В. М. Конфликты в Кремле. Сумерки богов по-русски. М.: Центрполиграф, 1999. 394 с.
- Шахназаров Г. Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М.: Зевс, 1993. 623 с.

References

- Alekseev V. V., Alekseeva E. V. Raspad SSSR v kontekste teorii modernizatsii i imperskoi evo-lyutsii [The Collapse of the USSR in the Context of the Theories of Modernization and Imperial Evolution]. *Otechestvennaya istoriya [Russian History]*, 2000, no. 5, pp. 3–18. (in Russ.)
- Drobyshev T. A., Mau V. A., Shakhrai S. M., Yanik A. A. Istoriya ekonomiki SSSR i Rossii v kontse XX veka (1985–1999) [History of the Economy of the USSR and Russia at the End of the 20th Century (1985–1999)]. Ed. by A. A. Klishas. Moscow, Moscow State Uni. Press, 2011, 272 p. (in Russ.)
- Djilas M. Novyi klass [The New Class]. New York, Preger, 1961, 243 p. (in Russ.)
- Encausse Helene Carrere d'. The End of the Soviet Empire: The Triumph of the Nations. New York, BasicBooks, 1993, 292 p.

- Froyanov I. Ya.** Pogruzhenie v bezdnu [Dive into the Abyss]. Moscow, Algoritm, 2002, 607 p. (in Russ.)
- Gaidar E. T.** Gibel' imperii. Uroki dlya sovremennoi Rossii [Collapse of an Empire. Lessons for Modern Russia]. Moscow, ROSSPEN, 2007, 448 p. (in Russ.)
- Huntington S.** Stolknovenie tsivilizatsii [The Clash of Civilizations]. Moscow, AST Publ., 2003, 603 p. (in Russ.)
- Kotlyarov M. V.** Institutsional'nye izmeneniya i ideino-politicheskie protsessy v organizatsiyakh KPSS Zapadnoi Sibiri v period perestroika [Institutional Changes and Ideological and Political Processes in the Organizations of the CPSU of Western Siberia during the Period of Perestroika]. Cand. Hist. Sci. Diss. Novosibirsk, 224 p. (in Russ.)
- Kryshchanovskaya O. V.** Transformatsiya staroi nomenklatury v novuyu rossiiskuyu elitu [The Transformation of the Old Nomenklatura into a New Russian Elite]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 1995, no. 1, pp. 51–65. (in Russ.)
- Lozo I.** Avgustovskii putch 1991 goda. Kak eto bylo [August Putsch of 1991. How it Was]. Moscow, ROSSPEN, 2014, 462 p. (in Russ.)
- Mawdsley E., White S.** Sovetskaya elita ot Lenina do Gorbacheva. Tsentral'nyi komitet i ego chleny, 1917–1991 [The Soviet Elite from Lenin to Gorbachev. The Central Committee and Its Members, 1917–1991]. Moscow, ROSSPEN, 2011, 431 p. (in Russ.)
- Nort D., Wallis J., Weingast B.** Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Trans. from Eng. by D. Uzlaner, M. Markov, D. Raskov, A. Raskova. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2011, 480 p. (in Russ.)
- Pastukhov V. B.** Ot nomenklatury k burzhuazii: "novye russkie" [From the Nomenklatura to the Bourgeoisie: "New Russians"]. *Politicheskie issledovaniya* [Political Studies], 1993, no. 2, pp. 49–56. (in Russ.)
- Polynov M. F.** Istoricheskie predposylki perestroiki v SSSR. Vtoraya polovina 1940 – pervaya polovina 1980-kh gg. [Historical Background of Perestroika in the USSR. The 2nd Half of 1940 – the 1st Half of the 1980s]. St. Petersburg, Aleteiya, 2010, 512 p. (in Russ.)
- Shubin A. V.** Paradoksy perestroiki. Upushchennyi shans SSSR [The Paradoxes of Perestroika. Missed Chance of the USSR]. Moscow, Veche, 2005, 480 p. (in Russ.)
- Sogrin V. V.** Teoreticheskie podkhody k rossiiskoi istorii XX veka [Theoretical Approaches to Russian History of the 20th Century]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 1998, no. 4, pp. 124–135. (in Russ.)
- Stankevich Z. A.** Istoriya krusheniya SSSR: politiko-pravovye aspekty [The History of the Collapse of the USSR: Political and Legal Aspects]. Moscow, Moscow State Uni. Press, 2001, 320 p. (in Russ.)

List of Sources

- Bakatin V. V.** Izbavlenie ot KGB [Getting Rid of the KGB]. Moscow, Novosti, 1992, 288 p. (in Russ.)
- Falin V. M.** Konflikty v Kremle. Sumerki bogov po-russki [Conflicts in the Kremlin. Twilight of the gods in Russian]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 1999, 394 p. (in Russ.)
- Gorbachev M. S.** Zhizn' i reformy [Life and Reforms]. Moscow, Novosti, 1995, book 1, 656 p. (in Russ.)
- Shakhnazarov G. Kh.** Tsena svobody. Reformatsiya Gorbacheva glazami ego pomoshchnika [Price of Freedom. Gorbachev's Reformation through the Eyes of his Assistant]. Moscow, Zevs, 1993, 623 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Максим Васильевич Котляров, кандидат исторических наук
WoS Researcher ID Q-9630-2019

Information about the Author

Maxim V. Kotlyarov, Candidate of Science (History)
WoS Researcher ID Q-9630-2019

*Статья поступила в редакцию 04.06.2022;
одобрена после рецензирования 17.08.2022; принята к публикации 12.09.2022
The article was submitted on 04.06.2022;
approved after reviewing on 17.08.2022; accepted for publication on 12.09.2022*

Научная статья

УДК 94(47).048(570)

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-122-132

Описание Забайкалья и Приамурья 1681 года

Андрей Сергеевич Зуев

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

zuev.nsu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2465-380X>

Аннотация

Публикуется описание Восточного Забайкалья и реки Амур, составленное в 1681 г. в Москве в Сибирском приказе на основе показаний сибирских казаков. По сравнению с ранее опубликованными документальными и нарративными источниками в данном описании приводится более подробная информация об указанном регионе: его природных ресурсах, расположении русских поселений, численности, жизнеобеспечении и вооружении русского населения, о сухопутных и речных путях сообщения, о местах обитания, образе жизни и степени лояльности к русской власти автохтонных жителей, о взаимоотношениях русских с «китайскими людьми». Описание хранится в Российском государственном архиве древних актов (Москва) в фонде Сибирского приказа.

Ключевые слова

история Сибири, Забайкалье, Приамурье, описание территории

Для цитирования

Зуев А. С. Описание Забайкалья и Приамурья 1681 года // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 122–132. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-122-132

Description of the Transbaikalia and the Amur Region in 1681

Andrey S. Zuev

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

zuev.nsu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2465-380X>

Abstract

The article contains the text of the source, described the Eastern Transbaikalia and the Amur River. It was compiled in 1681 in Moscow by the regional administrative office Sibirsky Prikaz, based on the testimony of Siberian Cossacks. Compared to other previously published documentary and narrative sources, this description provides more detailed information about the above-mentioned specific region, including its natural resources, the location of Russian settlements; the number, living conditions and armament of the Russian population; land and river routes, habitats, lifestyle and the degree of loyalty of the local people toward the Russian authorities, about the relationship between Russians and “Chinese people”. The source is stored in the Russian State Archive of Ancient Acts (Moscow) in the collection of documents from Sibirsky Prikaz.

Keywords

history of Siberia, Transbaikalia, Amur Region, description of territory

For citation

Zuev A. S. Description of the Transbaikalia and the Amur Region in 1681. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 122–132. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-122-132

© Зуев А. С., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 122–132

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 122–132

В 1640-х гг. отряды русских землепроходцев вышли в Забайкалье и Приамурье. Началось подчинение местного населения русской власти и хозяйственное освоение региона русскими людьми. На протяжении конца 1640-х – первой половины 1680-х гг. здесь были основаны русские поселения – остроги, слободы, деревни, заимки, в которых появилось постоянное русское население, представленное в основном служилыми людьми и отчасти крестьянами, промышленными и «гулящими» людьми. Русское продвижение на новые территории встретило вооруженное сопротивление халха-монголов и маньчжуров. Оно закончилось тем, что Россия вынуждена была отказаться от Приамурья, признав над ним по условиям Нерчинского договора 1689 г. власть маньчжурского Цинского Китая [Александров, 1984; Мазуров, Пастухов, 2009].

С самого начала появления русских в Забайкалье и Приамурье центральный орган управления Сибирью – Сибирский приказ всеми доступными способами собирал информацию о новоприобретенных «землицах» – об их природно-географических характеристиках, местном населении, природных ресурсах, строительстве русских поселений, хозяйственных занятиях русских колонистов и т. п. Эта информация, обычно краткая и отрывочная, содержалась в отписках (донесениях) руководителей землепроходческих отрядов, действовавших в Забайкалье и Приамурье, в отписках сибирских воевод и острожных приказчиков, организовывавших и координировавших действия землепроходцев (см., например: [Паршин, 1844, с. 145–147, 149–156]; (Дополнения..., 1848, с. 51–58, 102–104, 258–261, 346–348, 390–396; 1862, с. 325–327, 345–346; 1869, с. 73–74, 189; 1875, с. 214–216; Спасский, 1853, с. 37–41; Русско-китайские отношения..., 1969, с. 134–139, 141–142)). В случае прибытия в Москву из Забайкалья и Приамурья служилых людей, доставлявших ясачную казну, или представителей местных народов их, как правило, «распрашивали» в Сибирском приказе о ситуации в регионе. Эти «распросы» письменно фиксировались в виде так называемых «распросных речей» (см., например: (Дополнения..., 1848, с. 371–373); [Красноштанов, 2008, с. 356–357, 444]). В Москву поступали и «чертежи» (карты) отдельных забайкальских и приамурских территорий, выполненные землепроходцами (Дополнения..., 1875, с. 214); [Александров, 1984, с. 35]. Краткая информация об этих территориях содержалась также в «Чертеже всей Сибири» 1667 г. (Титов, 1890, с. V, 31–34), «Списке с чертежа Сибирские земли» 1672 г. (Список с Чертежа..., с. 4–6; Титов, 1890, с. VI, 47–49), в «статейном списке» русского посла Н. Г. Спафария, ездившего в 1675–1677 гг. в Китай (Спафарий, 1882, с. 138–149; Спафарий-Милеску, 1960, с. 115–122; Русско-китайские отношения..., 1969, с. 351–354), в «Описании новые земли Сибирского государства», составленном в середине 1680-х гг. (его авторство приписывают участнику посольства Н. Г. Спафария подьячему Посольского приказа Н. Д. Венюкову) (Титов, 1890, с. VII, 84–86, 88–92; Сибирские летописи, 1907, с. 385–386, 389–39); [Илюшечкина, 2011, с. 33]. Сведения о Забайкалье и Приамурье, правда, опять же весьма краткие и поверхностные, в 1660-х – начале 1680-х гг. появились в сочинениях иностранцев-европейцев, бывавших в России и даже в Сибири (Повествование о Сибири..., 1822, с. 31–42; Титов, 1890, с. 155–160, 211–216; Алексеев, 2006, с. 290–291, 319, 322, 360). Наконец, в рассматриваемое время было написано «Сказание о великой реке Амуре, которая разгорила русское селение с Китайцы». Оно представляет собой описание амурского речного бассейна с вкраплением незначительных сведений о ландшафте, природных ресурсах и народах Приамурья. Автором «Сказания» является Н. Г. Спафарий, который написал его в 1677 г. и в 1678 г. представил в Посольский приказ. Ряд исследователей считает «Сказание» частью обширного сочинения Спафария «Описание первья части вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его города и провинции» (Спасский, 1853, с. 15, 17–21; Арсеньев, 1882; Титов, 1890, с. VII, 105–113; Спафарий, 1910, с. XLVI–LVI; Baddeley, 1919, p. 237–241; Спафарий-Милеску, 1960, с. 13; Колумбы..., 1989, с. 86–91; Spătaru Milesu, 2002, p. 241–248).

Следует отметить, что в отписках, челобитных, распросных речах, «чертежах», «описаниях», а также в разного рода нормативно-распорядительных документах, исходивших из Си-

бирского приказа, территория Забайкалья и Приамурья с 1650-х гг. нередко называлась обобщенно Даурией (по имени одного из амурских народов – дауров).

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фонде Сибирского приказа (опись 3, столбец 720) уже давно было выявлено еще одно пространное и очень информативное по содержанию описание Даурии. Его обнаружил и указал на него в «Обзрении столбцов и книг Сибирского приказа» Н. Н. Оглоблин [1901, с. 181]. В дальнейшем к этому описанию для характеристики русского освоения Даурии обращался ряд историков [Шунков, 1956, с. 191, 203, 212; Александров, 1969, с. 28–30, 33, 34, 39, 40; 1984, с. 21, 39, 43–45, 48–50, 52, 54, 114; Христосенко, 1977, с. 156; Степанов, 2011, с. 55–56; Забияко, Трухин, 2021, с. 40, 43].

Указанное описание содержится в распросных речах нерчинского казака Федора Усольца и албазинского казачьего атамана Ивана Коркина, которые прибыли с ясачной казной в Москву и 19 января 1681 г. были «распрошены» в Сибирском приказе. Эти «речи», во-первых, дают ясное представление о том, какая именно конкретная информация о Даурии интересовала «интервьюеров» из Сибирского приказа и каким объемом знаний о регионе располагали их «респонденты», во-вторых, в них приводятся более подробные и информативные, по сравнению с вышеназванными документальными и нарративными источниками конца 1640-х – первой половины 1680-х гг., сведения о состоянии региона. Эти сведения можно сгруппировать в несколько тематических блоков.

Самыми объемными и содержательными являются данные о местных ресурсах и жизнеобеспечении русского населения. Они занимают примерно 37,4 % всего текста описания. При этом основное внимание уделяется продовольственным ресурсам (наличию рыбы, птицы, зверя, соли и способах их добычи, вероятности выращивания овощей и зерновых культур), возможности покупки продовольствия у коренных жителей – иноземцев, ценам на продукты питания, способам и путям доставки в Даурию «хлебных запасов», степени обеспечения служилых людей «государевым хлебным и денежным жалованьем», а также наличию распаханых и годных к пашне земель (эта информация составляет 32,5 %). Намного меньше места в описании отведено иным ресурсам – возможностям добычи пушных зверей – соболей, рысей, лисиц, белок и т. д. (1,0 %), наличию полезных ископаемых («железной», «золотой» и «оловяной» руды) (3,4 %) и строевого леса (0,5 %).

Следующей по объему (31,9 %) является информация о русском присутствии в регионе: обеспеченности острогов и служилых людей огнестрельным оружием (пищальями и пушками) и боеприпасами (свинцом и порохом) (21,4 %), местоположении русских поселений (прежде всего острогов), их фортификации и наличию в них построек разного типа (9,6 %), церковном строительстве и церковнослужителях (5,9 %), численности служилых людей (3,0 %), местах расселения крестьян (2,9 %).

Представлены в описании и показания «респондентов» о сухопутных и речных путях сообщения, пригодности местных рек для судоходства, способах и скорости передвижения между различными географическими пунктами (15,5 %).

Менее заметны по объему сведения о местах обитания, образе жизни, характере ясачного обложения и степени лояльности к русской власти иноземцев, проживавших в регионе (9,9 %). При этом большая часть этих сведений посвящена тунгусскому князю Гантимуру и подвластному ему населению.

Наконец, в заключительной части описания очень кратко сообщается о взаимоотношениях русских с «китайскими богдойскими людьми» и перспективах захвата «даурскими и албазинскими служилыми и охочими людьми» ближайшего к Амуру «китайского Наунского городка» (5,3 %).

Информативная насыщенность «распросных речей» Ф. Усольца и И. Коркина делает актуальной их публикацию в целях знакомства с ними широкого круга исследователей, изучающих историю Забайкалья и Приамурья второй половины XVII в. Публикация осуществляется согласно правилам издания исторических источников. Текст «речей» в соответствии

со смысловым наполнением разбит на предложения и абзацы и снабжен необходимой пунктуацией. В текст вставлены специальные значки, имеющие следующие значения: // – конец прежнего и начало нового архивного листа; (...) – номера листов архивного дела; [...] – вставки букв и слов, восстановленных по смыслу; ... – буквы и слова неразборчивы. Следует заметить, что часть листов архивного дела подгнила с правой стороны, вследствие чего отдельные слова в тексте совершенно невозможно прочитать¹.

**1681 г., января 19 – Запись в Сибирском приказе распросных речей
нерчинского казака Ф. Усольца и албазинского казачьего атамана И. Коркина**

(л. 15) 189 году¹ генваря в 19 день объявились в Сибирском приказе сибиряна даурских острогов казаки нерчинской Федька Усолец, албазинской Ивашко Коркин², а в допросе сказали.

– Присланы де они из даурских острогов из Нерчинского и из Албазинского з государевою соболиною казною. А из Нерчинского де отпускал государеву соболиную казну с нерчинским Федькою Усольцом приказной человек даурской сын боярской Микифор Парфенов, а велено де ему быть в Нерчинском на приказе по государеве грамоте енисейского головы стрелецкого на Ондреево место Строгонова. А из Албазинского де отпускал государеву соболиную казну с олбазинским казаком с Ывашком Коркиным приказной енисейской сын боярской Яков Евсеев. //

(л. 16) А церковь де в Нерчинском построена деревяная небольшая, трапеза четырех сажен, а церковь трех сажен трехарш[и]ных. А церковь во имя Воскресения да Николая Чюдот // (л. 17) ворца, а в церкви де иконы и утварь и книги есть. А у той де церкви был из Албазинского ис пустыни черной поп, и тот уехал по-прежнему в Албазин в пустыню, а ныне де попа в Нерчинском нет. Да при них же де ныне достраивают колокольную. А у церкви де пять колоколов небольших, а по сколько весом, того не ведают. А построено де в Нерчинском дворов с пять // (л. 18) десят. А в Нерчинском купили при нем, Федьке, пуд муки ржаные по рублю с полтиною, а рыбы и мяса пуд купили по рублю и дороже для того, что в Нерче и в Шилке реках рыбы добыть было не мочно, что вода была большая. А как де бывает вода малая, и рыбу в Нерче реке добывают летом неводами небольшими, а зимою езами. А рыба бывает лен и налимы, // (л. 19) а в Шилке реке стерляди и осетры и калушки небольшие, а иной рыбы никакой нет. А под Нерчинским де острогом Нерча река шириною сажень десять неглубока, местами омытиста, и впала в Шилку реку от острогу до устья десятины с три, место степное пешаное.

А Шилка река шириною сажень с тридцать, а в ыном месте и шире, не глубока, а быстра и местами омытиста ж, и впала в Амур реку. А по Шилке де реке промышляют соболи, рыси, лисицы, белку, розсамаки, волки. // (л. 20) А с вершины Шилки реки вниз воды плотами до Нерчинского острогу плуют сутки шестеры.

А по соль они ездят из Нерчинского на конях верхами ж летом около Петрова дни до Борзи реки, езду дни с четыре. А Борзя река шириною сажени в три. А от тое Борзи реки в степь в Китайскую сторону в Мунгалы до соляного озера верхами ж езду половина дни. А ездят де к тому соляному озеру из Нерчинского служилые люди охотники. А привозят де они на лошадях от соляного озера в Нерчинской в сумах соли пуд по пяти и по шти, да и на быках привозят же соли пуда по четыре. И как де соль с того озера в Нерчинской в привозе бывает, и покупают в Нерчинском соли пуд в пять алтын и в две гривны и в полполтины. // (л. 21) А которого де лета на том озере соль не сядет, и в то де время покупают в Нерчинском пуд соли по рублю.

¹ Автор благодарит консультанта Научного музея Амурского госуниверситета В. И. Трухина (Благовещенск) и канд. ист. наук, ведущего научного сотрудника Президентской библиотеки Е. А. Багрина (Санкт-Петербург) за советы, способствовавшие прочтению отдельных слов в тексте документа.

Да к тому ж де соляному озеру пригоняют мугалы-неясашные люди быки и коровы и овцы. И меняют де они у них, иноземцов, скот на кожи красные и на сукна и на соболи и на песцы, а дают за быка летчины³ аршина по четыре, а за корову соболя по два да по песцу. И только де на деньги корова приходит рубли ж по семи, а быка покупают меж себя рублей по пятнатцати, а в долг и по дватцати. А зверя де промышляют по рекам из Нерчинского соболи, рыси, лисицы красные, белку, а птицы де бывают годом лебеди, гуси и утка, и то перелетная. //

(л. 22) А китайского де богдыхана лутчей человек, по рускии боярин, Гайтимур живет от Нерчинского острогу в ближних местех и в Нерчинской приезжает сам почасту. А с ним кочует ево Гайтимуровых улусных людей человек с пятьдесят. Да под ним же де Гайтимуром ево роду ясашных тунгусов луков пятьсот. А платит он, Гайтимур, с улусными своими людьми и с родом великому государю ясак собольми. Да у него ж де Гайтимура по их вере семь жон, а прижито де у него, Гайтимура, с теми женами пол // (л. 23) третяцать сыновей, опричь дочер[ей]. А великого государя служилым от него, Гайтимура, и от ево улусных людей никакой обиды и задоров нет, и великому государю он, Гайтимур, во всем прямит. Да он же де, Гайтимур, жадает православной христианской веры, а только де ево,, Гайтимура дети и улусные ево люди крестить не дают. Да и к церкви де русской он, Гайтимур, подаяние присылает – деньги и соболи. И к церкви де ево в трапезу пускают, только в церковь не пускают. И в трапезе де по руские богу⁴. //

(л. 24) А из Ыркуцкого де привозят на Селенгу в Удинской хлебные запасы торговые люди, и то укратчи, для того что не дает провозить из Енисейского енисейской посадцкой человек Ивашко Ушаков Квасник, а Кривогорницын он ж. А у него де, Ивашка, в Ыркуцком квасная на откуп. И для ради той своей он квасной в Енисейском торговым людям хлеба купить и не дает и дорогу запер. И от той де ево Ивашковой квасной поморено голодом от непривозного хлеба вос[е]мь острогов даурских и селенгинских – Удинской, Селенгинской, Еравна, Иргень, Теленбинской, Нерчинской, Албазинской, Баргузинской.

А на Нерчинской де острог привозят государевы хлебные запасы служилым людям на жалование и аманатом на корм из Ыркуцкого ж в Удинской иркуцкие служилые люди дощаниками Ангарою рекою в Ворму реки до усть моря Байкалу своею силою ден по шти и по семи. А на усть де моря Байкала стоят те служилые люди и судовые припасы делают, на швы нашивают и весла тешут дни по два и по три. А через море в Селенгу реку парусным погодьем ходу день, а своею силою поспевают дни в четыре. А с усть Селенги реки вверх да Удинского острогу своею силою неделя, а парусным погодьем и скоряе. // (л. 25) А привозят де в Удинской те иркуцкие служилые люди хлебных запасов нерчинским служилым людям только по пяти пуд на человека, да аманатом на корм пудов по сту и меньши. А в Удинской де по те хлебные запасы ездят из Нерчинского нерчинские служилые люди. И из Удинского де те хлебные запасы возят на конях верхами на вершину Шилки реки и в том месте делают плоты. А из Нерчинского де до Удинского и из Удинского до вершины Шилки реки, где делают плоты, езды недель з двенатцать. //

(л. 26) А овощи де – капуста и репа и огур[цы] – родитца, когда лето бывает, не ж...

А блиско де Теленбинского Даурского есть гора – железная руда и роди[т] руды – уклад самой доброй, и пла[вят] в Теленбинском промышленные [и пла]тят в государеву казну десятой ... крицами. Да под тем же де Теленбинским острогом рыбная ловля – озеро Теленба [и] озеро ж Попово, и рыба де в тех озерах. [И ры]бу ловят – караси, шуки, окуни, [ези], и тою рыбою вместо хлеба и т[е] теленбинские жильцы – русские [и ино]земцы – питаютца. А овощей ... и хлеба нет, потому что ме[ста степ]ные. А лес в том месте листвяг да бер[езняк], а сосновой лес есть же, только далеко.

А под Иргенским острошком есть озеро ж И[рга] велико, а в нем рыба – шуки большие, окуни, ези. А промышляют зимою крюками, а летом неводом. Да под тем же де под Ирген[ским] есть о[зеро] от острошку верст с пять, да по[дле того] озера есть озеро ж прозвани-

ем ... [И в тех] // (л. 27) озерах рыба большая – шуки и иная рыба. Только де в тех озерах тою рыбу рыбные снасти не держат.

Да под Даурским же под Еравнинским есть озеро Еравна велико, а в нем шуки ж большие и ези и окуни. А ... озера пал в Витим реку, а Вити[м] в Лену реку, а шириною Вити[м] есть сажень со сто. А промышля[ют на] Витиме реке соболи добрые и зверь – изюбри и рыси, олени, во[лки].

А про серебряную де и золотую руду и пла... и про краски ничего он, нерчинской каз[ак] Федька Усолец, не ведает. А которую серебряную и оловяную [руду] при приказном при Павле Ш[ульгине] нашли от Нерчинского в степи, и т[а] руда привезена к Москве в Сибирской [приказ]. Привезли нерчинские казаки ... ой да Ивашко Чумичов. //

(л. 29)⁵ И в Нерчинском же де при нем, Федьке Усо[льце] в ясашных иноземцах никакой [ша]тости не было, и ис Китайского [государства] никаких людей и вестей не быва[ло], толь[ко] де хотели служилые люди [из Нерчинского и из Албазинского розбрестись врознь, для того что им в тех даурских острогах [без] денежного и хлебного жало[ванья жить] не в мочь и для збору государева [ясака] посылают их, служилых [людей], в дальные посылки безпрестан[но, и для] той де ясашной посылки п[окупают в Нер]чинском коня рублей по д... и больши, а ездят де они, слу[жилые] люди, для ясашного збору [человек] по шти и по семи, а питают[ца] кобыльим и тарбаганьим [мясом]. А осталось де после ево, Федьки, в Н[ерчинском] служилых людей двесте двенат[цать] человек. И будучи в Нерчинском при[каз]ной, голова стрелецкой Андрей Стро[го]нов, видячи их нужу и скудость [боль]шую и чтоб их удержать, ро[здал] тем нерчинским служи[лым] людям государевых присыльных де[нег] тысячу рублей, которые д[еньги присла]ны были с Москвы нерчинск[им слу]жилым людям на жалова[нье], [а без на]казу давать их не велено. // (л. 30) И ту де тысячу рублей на нем де Анд[рее] ныне правят по енисейской отписке.

А в Нерчинском же и в Теленбинском [Даур]ском и в Еравнинском острога[х] [у каза]ков мелкое ружье есть и только ... а порохом и свинцом скудно. А большого наряду в Нерчинском ... пушек, в том числе две [пушки] медные длиною сажени по полутора, ... пушки железные, а по сколько вес[ом] или мерою, того не ведает. В Теленбинском две пушки медны[е] невелики, длиною аршин по полутора. А в Ыргенском де и в Еравнинском [остро]гах большого наряду нет. А которые де три пушки посла[ны] с Москвы в Дауры и те пушки [на Се]ленге в Удинском острошке, [потому] что их из Удинского в Дауры сух[им] путем перевезть не на чем – подвод нет. А те де пушки весом одна д[ватцать] один пуд с полупудом, а д[ругая] дватцать один пуд тр[еть] пуд с четью. //

(л. 31) А албазинской казак Ивашко [Кор]кин сказал.

– В Албазинском сл[ужилых] людей осталось от него, Ивашка, дв[ести] дватцать два человека. Да из Удинска привезено в Албазинской во 187-м году⁶ пятнатцать пуд пороху, пятнатцать пуд свинцу, да московского дела дв[ести] пятьдесят пищалей гладких. А х[леба] де купили в Албазинском ржи пуд по ш[ес]десят алтын, мяса пуд по рублю, а [сала] говяжья по четыре рубли. И рыбы де [в про]шлом году ничего не бы[ло], потому что де была вода больш[ая], николи такой воды не бывало.

А церковь де построена во [имя] Воскресения ж да Николая Чюдо[творца], а церковной де утвари и книг и риз на... ле, да у той же церкви три коло[кола] небольшие.

А острог де Албазинской во все четыре стены по дватцати сажень и обламам покрыт, да три башни. А кругом острогу выкопан ров в [ши]рину три сажени, а глубин[ой] // (л. 32) полторы сажени. За рвом чеснок⁷ бит по обе стороны в шесть ставов, а позад чесноку надолобы в два яруса. А жилецких де дворов в Албазинском пятьдесят три двора. Пашенных крестьян пятьдесят человек, а сколько государевы пашни пашут, про то не ведает, потому что селятца вновь // (л. 33)

Да он же де, Ивашко Коркин, от Албазинского вверх по Амуру реке на левой стороне на китайской границе на Лапкаевском лугу построил слободу и пашенных крестьян на государеву пашню поселил девять человек своими пожитками ис присыльных и ис прихожих лю-

дей. // (л. 34) И напахивают де ныне те крестьяня в государеву казну хлеба – ржи и овса – чети по сту и больши. И около де того Лапкаевского лугу порозжих пашенных мест много. Да под тем же де Лапкаевским лугом два рыбные озера и рыбы и птицы и всякого зверя много. Да в той же де Лобкаевской слободке построена часовня да мельница // (л. 35) у крестьян, а жерновы де они тут дел[али] сами и жернового де камени [в том] месте много. А ходу от Албазинско[го] до Лабкаева лугу три дни.

Да блиско ж де Албазинского вн[из] по Амуру с версту на Брусеном кам[ени] построена пустыня и в т[ой] пустыни церковь во имя Спа[са] Нерукотворенного. А старцов де в т[ой] пустыни четыре человека и хлеб пахали на себя наемными людьми. И в той же де пустыни пост[ро]ены две мельницы и от тех мельниц помольными деньгами они и п[ропи]тались. А ныне де те мельницы и пашн[я] и сенные покосы от той пуст[ыни] взята на великого государя по [ево] государеве грамоте и поселено государевых пашенн[ых] крестьян четыре человека. //

(л. 36) А во 187-м году⁸ посылал из Алб[азин]ского приказной человек нерчинско[й] сын боярской Григорей Лоншаков в[низ] по Амуру на Зию реку ставить вновь острогу албазинских служилых людей Федьку Евсевьева с товарищи дватцать человек. А ходу от Албазинского до тог[о] нового Зийского острогу вниз по [Аму]ру плыть в судах до Зийско[го] устья восмеры судки, а вв[ерх] по Зии реке ходу три недели и бо[лее]. А как де в тот новой острог на З[ию] подымались служилые люди из [Ал]базинского, и приказной де Григорей Лоншаков свинцу и пороху государев[ых] не дал, только дал государева за[пасу] по шти пуд ярицы, а порох и свинец имали у торговых люд[ей] в долг дорогою ценою. И от тех долгов те албазинские служилые люди разорились вконец и ныне стоят на правеже, а окупитца нече[м]. [А тот де] //

(л. 37) Новозийской острог поставл[ен] по край Зии реки подле большого оз[е]ра по нижнюю сторону озера вв[ерх] идучи по Зие реке на левой стороне, на той же, где стоит Нерчинской и Албазинской, по сю сторону китайского режу⁹. А на усть де Зии реки Зийский ост[рог] поставить было ево нельзя, потому что место степное и блиско лесу и иноземцов нет. А Зийской острог мерою в одну сторону пятнатцать сажень, а в другую сторону десять сажень, да две башн[и]. И поимано в тот острог а[м]анатов четыре человека, а ясак[у] нынешнаго году из-за тех аманатов взято с ыноземцов семь сороков дватцать семь соболей. А служилых д[е] // (л. 38) людей в том Зийском ос[троге] из Албазинского живут перемелячась погодно по дватцати и по тритцати человек.

А во 188-м году¹⁰ по той же Зие реке, недошед от Албазина до Зийского острогу за три дни, вверх по Селинбе реке, а Селимба река впала в Зию реку, и по той Селинбе вверх идучи, на правой стороне поставили новой Селинбенской острог. А ско[ль]ко с устья Селинбы до того нового Селинбенского острогу ходу, про то он, Ивашко, не ведает. А по гра // (л. 39) моткам де от тех служилых людей: шли с усть Селинбы до того нового Селинбенского ос[трогу] в судах с Петрова дни д[о] заморозу. А ходили те ж албазинские и зийские служилые люди Гаврилко Фролов с товарищи тритцать два человека и в тот Селинбенской острог аманатов неясашных людей взяли дву человек. И из-за тех де аманатов дву человек взято с ыноземцов ясаку четыре сорока соболей. И те де четыре сорока в Албазинской // (л. 40) привезены, а к отпуску де с ним, Ивашком, не успели, пот[ому] что зийская казна приходи[т] в Албазинской зимним пут[ем] рано. А ходу от Зии до Албазинс[кого] горою нартами по три и по четыре недели.

А что де привезено в Албазинско[й] двести пятьдесят пищалей московского дела и из Удинского пятнатцать пуд пороху, пятнатцать пуд свинцу, и того де ружья и пороху приказные служилым людям без указу великого государя не дают, а на государевы де // (л. 41) службы поднимаютца они ружьем и зельем и свинцом своим. А государевых де хлебных запасов в Олбазинской ниоткуль не приходит, только де в Нерчинском, приезжая, покупают у торговых¹¹. //

(л. 42) А под Албазинской де приходят китайских богдойских людей тысячи по две и больши и промышляют соболи ...¹² у русских людей и у ясашных иноземцов ис кулем соболи вынимают, ис лабазов мяса и сало говяжье и муку увозят, а их де, русских людей и ясашных иноземцов, побивают¹³. А они де, албазинские служилые люди, с теми китайскими людьми без указу великого государя противитца и войною на них ходить не смеют, и от того де им чинитца великое разоренье и великого государя ясаку недобор большой.

А от Албазинского ж де до китайского Наунского городка за Амур через камень и до первой реки Комару итти два дни, а подле Комары реки день, до Дубкуру реки вверх день же, а подле Дубкуру реки вверх три дни, через камень до Гану реки итти день, а Дубкур и Ган пали устьями в Шингал, а з Гану реки итти до Наунского городка день, а Наун пал в Аргуню реку. //

(л. 43) И только б де великий государь указал на тот китайской Наунской городок итти войною, и мочно б де ево взять одними даурскими и албазинскими служилыми и охочими людьми. А в том де китайском Наунском городке всякие запасы китайского богдыхана и лебеди и гуси и яйца и иные многие птицы.

РГАДА. Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 3. Стб. 720. Л. 15–43. Оригинал.

Примечания

¹ 1681 год.

² О том, что И. Коркин был атаманом, сообщается в другом документе того же архивного дела (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 720. Л. 71).

³ Летчина – сорт сукна.

⁴ Так в тексте. Должно быть: богу *молится*.

⁵ За листом с номером 27 сразу следует лист с номером 29. Из этого следует, что либо один лист был утерян, либо была допущена ошибка при нумерации листов.

⁶ 1678/79 год.

⁷ Чеснок – элемент фортификационного укрепления.

⁸ 1678/79 год.

⁹ Так в тексте. Должно быть: китайского *рубежу*.

¹⁰ 1679/80 год.

¹¹ Так в тексте. Должно быть: у торговых *людей*.

¹² Зачеркнута фраза «и воруя». Вместо нее над строкой вписаны неразборчиво несколько слов.

¹³ Так в тексте. Должно быть: *побивают*.

Список литературы

- Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М.: Наука, 1969. 240 с.
- Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаров. кн. изд-во, 1984. 272 с.
- Забияко А. П., Трухин В. И. Албазинской Спасский монастырь: основные вехи истории и результаты исследований // Религиоведение. 2021. № 1. С. 34–50.
- Илюшечкина Т. Н. «Описание Сибири Никифора Венюкова» в рукописных сборниках: русский и голландский контексты // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 8. С. 33–43.
- Красноштанов Г. Б. Ерофей Павлович Хабаров: документальное повествование. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 752 с.

- Мазуров И. В., Пастухов А. М.** Очерки истории Российского Дальнего Востока. Хабаровск: Изд-во ДВАГС, 2009. Кн. 1. 383 с.
- Оглоблин Н. Н.** Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М.: Унив. тип., 1901. Ч. 4. 288 с.
- Паршин В. П.** Поездка в Забайкальский край. М.: Тип. Н. Степанова, 1844. Ч. 2. 208 с.
- Степанов Д.** Албазин в XVII веке: военная и духовная крепость Приамурья // Родина. 2011. № 12. С. 53–57.
- Христосенко Г. А.** К истории заселения Нерчинского острога // История городов Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1977. С. 153–175.
- Шунков В. И.** Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 431 с.

Список источников

- Алексеев М. П.** Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв. Новосибирск: Наука, 2006. LXXII, 504 с.
- Арсеньев Ю. В.** О происхождении «Сказания о великой реке Амуре» // Изв. Имп. Рус. геогр. об-ва. 1882. Т. 18. С. 245–254.
- Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. Э. Праца, 1848. Т. 3. 539 с.; 1862. Т. 8. 350 с.; 1875. Т. 9. 353 с.; 1869. Т. 11. 312 с.
- Колумбы Земли Русской: Сб. док. описаний об открытиях и изучении Сибири, Дальнего Востока и Севера в XVII–XVIII вв. Хабаровск: Хабаров. кн. изд-во, 1989. 460 с.
- Повествование о Сибири. Латинская рукопись XVII столетия. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1822. VIII, 48 с.
- Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. М.: Наука, 1969. Т. 1. 614 с.
- Сибирские летописи. СПб.: Имп. Археогр. комиссия, 1907. XXXVIII, 397, 21 с.
- Спасский Г. И.** Сведения русских о реке Амуре в XVII столетии // Вестник Имп. Рус. геогр. об-ва. 1853. Ч. 7, вып. 2, отд. 2. С. 15–42.
- [**Спафарий Н. Г.**] Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1882. 214, 1 с.
- Спафарий Н. Г.** Описание первая части вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями. Казань: Типо-литография Имп. ун-та, 1910. [2], LVI, 271 с.
- Спафарий-Милеску Н. Г.** Сибирь и Китай. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1960. 516 с.
- Список с Чертежа Сибирских земель, заимствованный из рукописного сборника XVII века // Временник Имп. Моск. об-ва истории и древностей российских. М., 1849. Ч. 3, разд. II. С. I–XVI, 1–40.
- Титов А.** Сибирь в XVII веке: Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М.: Тип. Л. и А. Снегиревых, 1890. XI, 216, XXII, 1 с.
- Baddeley J. F.** Russia, Mongolia, China: Being Some Record of the Relations between them from the Beginning of the 17th Century to the Death of the Tsar Alexei Mikhailovich, A.D. 1602–1676. London, Macmillan and Company, 1919, vol. 2, 445 p.
- Spătaru Milescu N.** Descrierea Chinei. Chişinău, Litera, 2002, 272 p.

References

- Aleksandrov V. A.** Rossiya na dal'nevostochnykh rubezhakh (vtoraya polovina XVII v.) [Russia in the Far Eastern Borders (2nd Half of the 17th Century)]. Moscow, Nauka, 1969, 240 p. (in Russ.)

- Aleksandrov V. A.** Rossiya na dal'nevostochnykh rubezhakh (vtoraya polovina XVII v.) [Russia in the Far Eastern Borders (2nd Half of the 17th Century)]. Khabarovsk, Khabarovsk Book Publ., 1984, 272 p. (in Russ.)
- Ilyushechkina T. N.** "Opisanie Sibiri Nikifora Venyukova" v rukopisnykh sbornikakh: russkii i gollandskii konteksty ["Description of Siberia by Nikifor Venyukov" in Manuscript Collections: Russian and Dutch Contexts]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2011, vol. 10, no. 8, pp. 33–43. (in Russ.)
- Khrstosenko G. A.** K istorii zaseleniya Nerchinskogo ostroga [On the History of the Settlement of the Nerchinsk Fortress]. In: *Istoriya gorodov Sibiri dosovetskogo perioda* [History of the Siberian Cities in the Pre-Soviet Period]. Novosibirsk, 1977, pp. 153–175. (in Russ.)
- Krasnoshtanov G. B.** Erofei Pavlovich Khabarov: dokumental'noe povestvovanie [Yerofey Pavlovich Khabarov: Documentary Narration]. Khabarovsk, RIOTIP, 2008, 752 p. (in Russ.)
- Mazurov I. V., Pastukhov A. M.** Ocherki istorii Rossiyskogo Dal'nego Vostoka [Essays on the History of the Russian Far East]. Khabarovsk, FEASS Pubk., 2009, book 1, 383 p. (in Russ.)
- Ogloblin N. N.** Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.) [Review of Scrolls and Books of the Sibirsky Prikaz (1592–1768)]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1901, pt. 4, 288 p. (in Russ.)
- Parshin V. P.** Poezdka v Zabaikal'skii krai [A Trip to the Trans-Baikal Territory]. Moscow, Tipografiya N. Stepanova, 1844, pt. 2, 208 p. (in Russ.)
- Shunkov V. I.** Ocherki po istorii zemledeliya Sibiri (XVII vek) [Essays on the History of Agriculture in Siberia (17th Century)]. Moscow, AS USSR Publ., 1956, 431 p. (in Russ.)
- Stepanov D.** Albazin v XVII veke: voennaya i dukhovnaya krepost' Priamur'ya [Albazin in the 17th Century: The Military and Sacred Fortress of the Amur Region]. *Rodina*, 2011, no. 12, pp. 53–57. (in Russ.)
- Zabiyako A. P., Trukhin V. I.** Albazinskoi Spasskii monastyr': osnovnye vekhi istorii i rezul'taty issledovaniy [Albazin Spassky Monastery: Milestones in History and Main Results of Research]. *Religiovedenie*, 2021, no. 1, pp. 34–50. (in Russ.)

List of Sources

- Alekseev M. P.** Sibir' v izvestiyakh zapadno-evropeiskikh puteshestvennikov i pisatelei, XIII–XVII vv. [Siberia in the Writings of Western European Travelers and Writers, 13th – 17th Centuries]. Novosibirsk, Nauka, 2006, LXXII, 504 p. (in Russ.)
- Arsenyev Yu. V.** O proiskhozhdenii "Skazaniya o velikoi reke Amur" [About the Origin of "The Tale of the Great Amur River"]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society], 1882, vol. 18, pp. 245–254. (in Russ.)
- Baddeley J. F.** Russia, Mongolia, China: Being Some Record of the Relations between them from the Beginning of the 17th Century to the Death of the Tsar Alexei Mikhailovich, A. D. 1602–1676. London, Macmillan and Company, 1919, vol. 2, 445 p.
- Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei [Addendums to Historical Acts, Collected and Published by Archaeographic Commission]. St. Petersburg, Tipografiya E. Pratsa, 1848, vol. 3, 539 p.; 1862, vol. 8, 350 p.; 1875, vol. 9, 353 p.; 1869, vol. 11, 312 p. (in Russ.)
- Kolumby Zemli Russkoi: Sbornik dokumental'nykh opisaniy ob otkrytiyakh i izuchenii Sibiri, Dal'nego Vostoka i Severa v XVII–XVIII vv. [Columbuses of the Russian Land: A Collection of Documentary Descriptions of the Discoveries and Exploration of Siberia, the Far East and the North in the 17th – 18th Centuries]. Khabarovsk, Khabarovsk Book Publ., 1989, 460 p. (in Russ.)

- Povestvovanie o Sibiri. Latinskaya rukopis' XVII stoletiya [The Narration on Siberia. Latin Manuscript of the 17th Century]. St. Petersburg, Tipografiya Departamenta narodnogo prosveshzheniya, 1822, VIII, 48 p. (in Russ.)
- Russko-kitaiskie otnosheniya v XVII v.: Materialy i dokumenty [Russo-Chinese Relations in the 17th Century: Materials and Documents]. Moscow, Nauka, 1969, vol. 1, 614 p. (in Russ.)
- Sibirskie letopisi [Siberian Chronicles]. St. Petersburg, Imperatorskaya Arheograficheskaya komissiya, 1907, XXXVIII, 397, 21 p. (in Russ.)
- Spassky G. I.** Svedeniya russkikh o reke Amure v XVII stoletii [Information by Russians about the Amur River in the 17th Century]. *Vestnik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society], 1853, pt. 7, iss. 2, ch. 2, pp. 15–42. (in Russ.)
- Spătaru Milescu N.** Descrierea Chinei. Chişinău, Litera, 2002, 272 p.
- [**Spafarii N. G.**] Puteshestvie chrez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska i granits Kitaya russkogo poslannika Nikolaya Spafariya v 1675 godu. Dorozhnyi dnevnik Spafariya [Travel through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the Borders of China by the Russian Ambassador Nikolai Spathari in 1675. Travel Diary by Spathari]. St. Petersburg, Tipografiya V. Kirshbauma, 1882, 214, 1 p. (in Russ.)
- Spafarii N. G.** Opisanie pervyya chasti vselennyya, imenuemoy Asii, v nei zhe sostoit Kitaiskoe gosudarstvo s prochimi ego gorody i provintsii [Description of the First Part of the Universe, Called Asia, which also Includes the Chinese State with its Other Cities and Provinces]. Kazan, Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1910, [2], LVI, 271 p. (in Russ.)
- Spafarii-Milesku N. G.** Sibir' i Kitai [Siberia and China]. Kishinev, Karta moldovenyaske, 1960, 516 p. (in Russ.)
- Spisok s Chertezha Sibirskiya zemli, zaimstvovannyi iz rukopisnogo sbornika XVII veka [Copy from the Drawing of the Siberian Land, Borrowed from a Manuscript Collection of the 17th Century]. *Vremennik Imperatorskogo Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh* [Proceedings of the Imperial Moscow Society of Russian History and Antiquities]. Moscow, 1849, pt. 3, ch. II, pp. I–XVI, 1–40. (in Russ.)
- Titov A.** Sibir' v XVII veke: Sbornik starinnykh russkikh statei o Sibiri i prilezhashzhikh k nei zemlyakh [Siberia in the 17th Century: Collection of Old Russian Articles about Siberia and Contiguous Lands]. Moscow, Tipografiya L. & A. Snegirevykh, 1890. XI, 216, XXII, 1 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Андрей Сергеевич Зуев, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 56765493200

Information about the Author

Andrey S. Zuev, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 56765493200

Статья поступила в редакцию 15.07.2022;
одобрена после рецензирования 03.08.2022; принята к публикации 16.08.2022
The article was submitted on 15.07.2022;
approved after reviewing on 03.08.2022; accepted for publication on 16.08.2022

Научная статья

УДК 281.93 + 291.6(571.15) «1922»

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-133-141

Воззвания викарных архиереев Томской епархии о помощи голодающим в 1922 году (Бийское и Новониколаевское викариатства)

Станислав Геннадьевич Петров

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

petrov_istochnik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9842-3316>

Аннотация

Вводятся в оборот и публикуются ранее неизвестные экземпляры двух воззваний викарных архиереев Томской епархии – бийского и новониколаевского. Они посвящены участию духовенства и верующих Бийского, Змеиногорского и Новониколаевского церковных округов в оказании помощи голодающим в 1922 г. Данные воззвания выявлены в Государственном архиве Новосибирской области. Показана историческая канва происходивших тогда событий, на фоне которых составлялись воззвания викарных епископов. Установлено, что на содержание архиерейских посланий оказали влияние как иерархическая зависимость от духовной власти, так и антирелигиозный прессинг светской власти. Воззвания издаются с учетом современных научных норм эдичионной археографии.

Ключевые слова

Русская православная церковь, патриарх Тихон, изъятие церковных ценностей, помощь голодающим, Томская епархия, викарные епископы, воззвания

Для цитирования

Петров С. Г. Воззвания викарных архиереев Томской епархии о помощи голодающим в 1922 году (Бийское и Новониколаевское викариатства) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 133–141. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-133-141

Appeals of the Vicar Bishops of the Tomsk Diocese for Help to the Starving in 1922 (Vicariates of Biysk and Novonikolaevsk)

Stanislav G. Petrov

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

petrov_istochnik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9842-3316>

Abstract

Based on the local publication of episcopal appeals to the clergy and believers for help to the starving, the article considers the history of the campaign to confiscate church valuables in 1922 that rarely being in focus of research before. The mass famine of 1922 was a consequence of the severe drought and the social and economic experiments of the Bolsheviks. Under the guise of fighting hunger, a campaign was launched to confiscate church valuables. This campaign became a key moment in the relationship between the Soviet government and the Russian Orthodox Church.

© Петров С. Г., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 133–141
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 133–141

This paper publishes previously unknown copies of two appeals of the vicar bishops of the Tomsk diocese, addressed to the participation of the clergy and believers of the Biysk, Zmeinogorsk and Novonikolaevsk church districts in helping the starving in 1922. These appeals are stored in the State Archives of the Novosibirsk Region. The paper shows the historical outline underlay drawing up of appeals by vicar bishops. It analyzes the use of these sources in historiography, demonstrates examples of interpretations by researchers of the content of appeals. It establishes that the episcopal epistle was influenced by both hierarchical dependence on spiritual authority and anti-religious pressure of secular authorities. These sources are valuable in that they reflect the consolidated positions of the diocesan clergy and believers, their reaction to everything that was happening then in state-church relations. It is important to notice the features of the typographical set of the texts of these appeals since they were published in the form of leaflets in local printing houses. This article publishes the appeals taking into account modern scientific standards of editorial archaeography.

Keywords

Russian Orthodox Church, Patriarch Tikhon, confiscation of church valuables, help to the starving, Tomsk diocese, vicar bishops, appeals

For citation

Petrov S. G. Appeals of the Vicar Bishops of the Tomsk Diocese for Help to the Starving in 1922 (Vicariates of Biysk and Novonikolaevsk). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 133–141. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-133-141

Как известно, кампания по изъятию церковных ценностей 1922 г. была ключевым моментом в государственно-церковных отношениях XX в. Именно тогда большевики обратили свое внимание на Православную российскую церковь. Будущий председатель Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б)-ВКП(б) Е. М. Ярославский, находившийся во время проведения названной кампании в Сибири, образно писал: «Изъятие церковных ценностей – это не случайный эпизод в истории церкви. Это – частица русской революции, одно из ее слабых. ... Локомотив революции безжалостен, колесо истории назад не повернется»¹.

В истории кампании по изъятию церковных ценностей всё еще остается много неизученных и поверхностно освещенных страниц. Одной из таких страниц, представляющей исследовательский интерес, являются многочисленные воззвания и обращения архипастырей, иереев и мирян, появившиеся в ходе данной кампании. Эти повествовательные источники ценны тем, что отражают консолидированные позиции епархиального духовенства и верующих, реакцию их на происходившее тогда в государственно-церковных отношениях.

Давно уже стала актуальной, но всё еще, по большому счету, остается неосуществленной задача исследования и научной публикации не издававшихся ранее экземпляров воззваний, подписанных правящими и викарными архиереями азиатских епархий Православной российской церкви. В настоящей работе данная задача решается в отношении появившихся весной 1922 г. двух воззваний викарных епископов Томско-Алтайской епархии – бийского и новониколаевского, находящихся в Государственном архиве Новосибирской области².

Воззвания эти известны исследователям по экземплярам из Архива УФСБ по Новосибирской области (новониколаевское) и Государственного архива Алтайского края (бийское) [Симон (Истюков), иеромонах, 2020, с. 50–51; Религиозный ландшафт..., 2015, с. 67]. Тексты их никогда не публиковались, хотя фрагменты новониколаевского воззвания цитировались в тогдашней периодике³ и приводятся сегодня в литературе [Симон (Истюков), иеромонах, 2020, с. 50–51]. Интерпретации этих источников исследователями не всегда точны, не отражают их содержания. Например, считается, что бийский епископ в воззвании «благословил паству на передачу церковных предметов государству для спасения погибающих от голода», т. е. поддержал изъятие церковных ценностей. Утверждается также, что дата, стоящая под воззванием, – 7 апреля 1922 г. – это дата, когда оно было напечатано в типографии [Религиозный ландшафт..., 2015, с. 67].

¹ Ярославский Е. М. Дела церковные // Сов. Сибирь. 1922. 17 мая (№ 107).

² ГАНО. Ф. Д144. Оп. 1. Д. 41. Л. 30, 34, 36.

³ В. Л. Десятину голодающим. (Воззвание епископа Софрония) // Сов. Сибирь. 1922. 14 мая (№ 105).

Напомню, что одним из последствий Гражданской войны, социальных и экономических экспериментов большевиков первых лет советской власти стал массовый голод 1921–1922 гг., унесший миллионы жизней и породивший бытовую антропофагию. Руководители религиозных организаций с лета 1921 г. обращались в высокие государственные инстанции с просьбой разрешить верующим участвовать в помощи голодающим. Такое разрешение было получено в декабре 1921 г., когда голод достиг своего пика. Представителями ЦК Помгол при ВЦИК и предстоятеля Православной российской церкви были совместно разработаны соответствующие положение и инструкция (Архивы Кремля..., 1998, с. 8–10, 12–14), а патриарх Тихон подготовил и выпустил одобренное Политбюро ЦК РКП(б) воззвание от 6 февраля 1922 г. с призывом к духовенству и верующим передать храмовые небогослужебные драгоценные вещи на помощь голодающим (Архивы Кремля..., 1998, с. 10–12).

Однако власти предрешающие решили использовать сложившуюся ситуацию с максимальной пользой для себя. Под прикрытием мероприятий по оказанию помощи голодающим была намечена широкомасштабная операция по учету и сосредоточению всех накопленных в царской России ценностей. Частью этой операции стала кампания по изъятию церковных ценностей, начавшаяся в феврале 1922 г. [Петров, 2014, с. 53–55]. Одни события наложились на другие, и предстоятель Православной российской церкви счел себя введенным в заблуждение, выставленным властью перед верующими в роли «обманщиков, провокаторов», а достигнутые с большевиками договоренности перечеркнутыми в одностороннем порядке (Дело Патриарха Тихона, 1993). В этих условиях появилось новое воззвание патриарха от 28 февраля 1922 г., в котором он напомнил духовенству и верующим о канонических нормах, запрещавших сдачу ценных богослужебных предметов и влекущих для нарушителей суровые церковные наказания (Архивы Кремля..., 1997, с. 113–115). Воззвание это не было одобрено властью, признано «контрреволюционным», распространение и исполнение его стало поводом для судебного преследования духовенства и верующих.

В сложившихся обстоятельствах духовное начальство в епархиях Православной российской церкви оказалось в непростых условиях. Сибирские епархии здесь не были исключением. К сожалению, сведений о получении и распространении сибирскими архиереями патриаршего воззвания от 28 февраля 1922 г. крайне мало. Видимо, местные епископы заняли предельно осторожную позицию, находясь в иерархической зависимости от власти духовной и под жестким давлением власти светской.

Ведь в конце марта 1922 г. в совершенно секретном письме в Политбюро ЦК РКП(б) и руководству всероссийской и московской комиссий по изъятию церковных ценностей негласный глава кампании Л. Д. Троцкий сообщил: «На самом же деле попы выпускают общие бессодержательные призывы о помощи голодающим в противовес декрету об изъятии ценностей. Необходимо предписать местным органам не допускать в этом вопросе никакой двусмысленности. Попы должны отвечать не на вопрос о том, нужно ли помогать голодающим, а должны прямо и точно призывать к исполнению декрета от такого-то числа» (Архивы Кремля..., 1997, с. 159–160). Соответствующая партийно-государственная директива была отправлена на места, в губкомы и губисполкомы (Архивы Кремля..., 1997, с. 165–166).

В обширной Томско-Алтайской епархии, включавшей три викариатства – Барнаульское, Бийское и Новониколаевское, к началу кампании по изъятию церковных ценностей правящий архиерей отсутствовал, его обязанности временно исправлял викарный епископ Барнаульский Виктор (Богоявленский), который в июле 1922 г. будет арестован по обвинению в организации сопротивления изъятию церковных ценностей [Васильева и др., 2004]. Недавно учрежденную Священным синодом и патриархом Тихоном новониколаевскую викарную кафедру только что занял якутский епископ Софроний (Арефьев), который был мало знаком с местным духовенством и верующими [Лавринов, 2016, с. 526–527]. Бийскую викарную кафедру возглавлял опытный архиерей – Иннокентий (Соколов) [Павлова, 2010]. В ходе начавшейся в Сибири кампании по изъятию, не зная всех подробностей происходившего в Москве, каждый из них вынужден был выбрать свою тактику поведения, в том числе и при

подготовке разрешенных местными большевиками к печати воззваний о помощи голодающим.

Бийский владыка, следуя полностью за патриаршим посланием от 6 февраля 1922 г., посвятил свое воззвание призыву к духовенству и верующим Бийского и Змеиногорского церковных округов сдать власти небогослужебные храмовые ценности и утварь. Таким образом, архиерей поддержал разрешенный властью призыв патриарха и в то же время не высказал никаких суждений о постановлении ВЦИК об изъятии церковных ценностей от 23 февраля 1922 г. (Архивы Кремля..., 1998, с. 15–18). Как видим, он, как и первосвятитель Тихон, призвал сдать не все ценности из храмов, а только те из них, которые имели небогослужебный характер. Воззвание было датировано по старому и новому календарному стилю – 25 марта / 7 апреля 1922 г. и издано по правилам дореволюционной орфографии.

**Воззвание патриарха Московского
и всея России Тихона (Беллавина)
от 6 февраля 1922 г.**

Учитывая тяжесть жизни для каждой отдельной христианской семьи вследствие истощания средств их, мы допускаем возможность духовенству и приходским советам, с согласия общин верующих, на попечении которых находится храмовое имущество, использовать находящиеся во многих храмах драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления (подвески в виде колец, цепей, браслет, ожерельев и другие предметы, жертвуемые для украшения святых икон, золотой и серебряный лом), на помощь голодающим (Архивы Кремля..., 1998, с. 11).

**Воззвание vicарного епископа Бийского
Томской епархии Иннокентия (Соколова)
от 7 апреля 1922 г.**

В наших святых храмах хранятся: украшения из серебра, золота, драгоценных камней, другие ценные предметы, не имеющие Богослужебного употребления, и та церковная утварь, изъятие которой не поставит в затруднение правильное совершение Богослужения.

Эти ценности передадим Государственной Власти, которая на них купит у иноземных держав хлеба и накормит миллионы страдающих от голода ни в чем виновных людей⁴.

В отличие от него, новониколаевский vicарий выбрал совсем иной подход. Он следовал в своем воззвании к духовенству и мирянам Новониколаевской губернии за актуальными публикациями в советской периодике – видимо, за соответствующими тематическими материалами из главной партийно-государственной газеты региона – «Советской Сибири», в которой разбор его воззвания посвящена отдельная небольшая статья⁵. В данной статье приведено несколько цитат из архиерейского воззвания.

Отмечу, что весенние 1922 г. номера «Советской Сибири» переполнены различными материалами, связанными с развернувшейся борьбой с голодом. В газете печатались статьи и заметки о расширении посевных площадей, предпочтительных сельскохозяйственных культурах в условиях голода, особенно о просе и картофеле, о приеме и размещении голодающих беженцев, и в первую очередь детей, организации для них спецприемников, приютов, детских домов и т. д.⁶

⁴ ГАНО. Ф. Д. 144. Оп. 1. Д. 41. Л. 34, 36.

⁵ В. Л. Десятину голодающим (Воззвание епископа Софрония) // Сов. Сибирь. 1922. 14 мая (№ 105).

⁶ Например, см.: Волейко В. Ф. Расширяйте хозяйство // Сов. Сибирь. 1922. 27 апр. (№ 91); Волейко В. Ф. Весна год кормит // Там же; Ярославский Е. М. Торопитесь с посевной кампанией // Там же. 29 апр. (№ 93); Приют голодающим детям // Там же. 29 апр. (№ 93); Жданин В. К весенней кампании спасения детей // Там же. 4 мая (№ 96); Семена и площадь засева // Там же; Прибытие 3 000 детей // Там же; Напрягите усилия! // Там же. 5 мая (№ 97); Распределение голодающих детей // Там же; Организация приемников // Там же; Разбор участков под огороды и пахоты // Там же. 7 мая (№ 99); Детский дом // Там же; и др.

Поэтому, на мой взгляд, нет ничего удивительного в том, что в своем воззвании от 8 мая 1922 г. владыка Софроний призвал посеять лишнюю десятину хлеба и организовать детские приюты для помощи голодающим. Как следует из протокола его допроса после ареста в конце 1922 г., он и сам посадил на своем участке просо для голодающих Поволжья [Симон (Истюков), иеромонах, 2020, с. 51]. При этом вопросов сдачи церковных ценностей и выполнения постановления ВЦИК об изъятии, как и призывов из патриарших посланий, в своем воззвании епископ Софроний не затронул. Показательно, что, в отличие от бийского, оно датировано по григорианскому календарному стилю и напечатано по правилам новой орфографии.

В той же газете «Советская Сибирь», в которой этому посланию была посвящена статья, через несколько номеров после нее, Е. М. Ярославский всё же счел нужным рассказать о том, о чем умалчал новониколаевский владыка в воззвании от 8 мая 1922 г. – об отношении его к изъятию церковных ценностей. В статье «Дела церковные» он отметил, что Софроний – «один из наиболее умных епископов» – в газете «Красноармейская мысль» поддержал изъятие не всех церковных ценностей, а только тех, которые можно отдать без ущерба для богослужения, т. е. по сути повторил то же, что было в воззвании бийского епископа Иннокентия. Ярославский сделал следующее заключение о позиции Софрония да и других томских архиереев: «Не есть-ли это отрывка Тихоновской казуистики? ... Это скользкий опасный путь. Здесь не надо сделок, половинчатости. Здесь надо быть чистым, искренним, прямым: отдай всё голодающим»⁷.

В настоящей работе воззвания публикуются по выявленным мной экземплярам, сохранившимся в Государственном архиве Новосибирской области. Они представляют собой напечатанные с разрешения власти типографские листовки, одна из которых, новониколаевская, не имеет выходных данных, а в другой, бийской, указано, что ее напечатало государственное издательство в государственной типографии № 2 г. Бийска. В Новосибирском госархиве находятся один экземпляр новониколаевской листовки и два экземпляра бийской листовки.

Воззвания издаются с сохранением особенностей орфографии и пунктуации оригиналов. Сокращенные слова и пропущенные знаки препинания дописываются в квадратных скобках. Написание строчных и прописных букв передается без изменений. В подстрочнике отмечаются особенности шрифтового набора листовок в типографии.

**№ 1. Воззвание викарного епископа Бийского Томской епархии
Иннокентия (Соколова) к духовенству и мирянам о сдаче небогослужебных
храмовых ценностей и утвари для помощи голодающим**

7 апреля 1922 г.

ВОЗЗВАНИЕ^а.

ко всемъ пастырямъ и чадамъ Православной Христiанской церкви Бiйскаго
и Змѣиногорскаго округовъ^б.

ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА И СВЯТАГО ДУХА. Братья во Христѣ и священнослужители Православной Христiанской церкви. За грѣхи ли наши, во испытаніе ли отъ Господа Бога, доселе плодородная мѣстность нашего Государства Россійскаго Поволжье терпитъ ужасающій голодъ. Голодають десятки миллионѣвъ людей.

⁷ Ярославский Ем. Дела церковные // Сов. Сибирь. 1922. 17 мая (№ 107).

^{а-б} В воззвании полужирным крупным шрифтом;

Голодь настолько великъ, что люди, созданные БОГОМ по его образу и подобію, уподобились дикимъ-лутым звѣрямъ, поѣдаютъ трупы себѣ подобныхъ[,] умирающихъ отъ голода.

Матери убиваютъ своихъ дѣтей, чтобы не видѣть ихъ мученій, причиняемыхъ голодомъ.

Братья во Христѣ и священнослушатели святой православной церкви, голодные вопіють къ вамъ.

Можемъ-ли мы, исповѣдующіе православную вѣру Христа и проповѣдующіе его милосердіе, быть равнодушными въ это время, когда миллионы ближнихъ нашихъ гибнутъ отъ голода.

Можемъ-ли мы спокойно молиться Господу о прощеніи прегрѣшеній, о спасеніи погрязшихъ въ преступленіяхъ заблудшихъ душъ, когда доведенные голодомъ до отчаянія жители ПОВОЛЖЬЯ убійствами за кусокъ ХЛЕБА и съѣденіемъ ^в труповъ людей, совершаютъ тяжчайшія прегрѣшенія передъ ГОСПОДОМЪ.

Правительственная Совѣтская Власть «Государство Россійское», разоренное продолжительной войной и междуусобицами, не въ силахъ накормить миллионы голодающихъ.

Братья во Христѣ и священнослужители св[ятой] православной церкви. Въ нашихъ святыхъ храмахъ хранятся: украшенія изъ серебра, золота, драгоценныхъ камней, другие цѣнные предметы, не имеющіе Богослужебнаго употребленія[,] и та церковная утварь, изъятіе которой не поставитъ въ затрудненіе правильное совершеніе Богослуженія.

Эти ценности передадимъ Государственной Власти, которая на нихъ купить у иноземныхъ державъ хлѣба и накормить миллионы страдающихъ отъ голода ни въ чемъ невиновныхъ людей.

ИМЕНЕМЪ ГОСПОДА НАШЕГО ИСУСА ХРИСТА ПРИЗЫВАЮ И БЛАГОСЛОВЛЯЮ ВАС на дорогое достойное православнаго христіанина деяніе на передачу упомянутыхъ церковныхъ предметовъ Государству ради спасенія погибающаго отъ голода ПОВОЛЖЬЯ. Аминь.

Епископъ ^г Бийскій Иннокентій ^д.

7-го апреля / 25 марта 1922 года.

ГАНО. Ф. Д144. Оп. 1. Д. 41. Л. 34. Типографскій экземпляръ того времени. Внизу слева типографским наборомъ мелкимъ шрифтомъ выходные данные: «Государственное Издательство», внизу справа в этой же строке тем же шрифтомъ: «Гос[ударственная] тип[ография] № 2, в Бийске». Вверху справа оттискъ прямоугольнаго штампа Сибирскаго краеваго архивнаго бюро с указаніемъ фиолетовыми чернилами номеровъ архивнаго фонда – «235/2» и архивнаго дела – «424».

Там же. Л. 36 Такой же типографскій экземпляръ того времени. Внизу слева типографским наборомъ мелкимъ шрифтомъ выходные данные: «Государственное Издательство», внизу справа в этой же строке тем же шрифтомъ: «Гос[ударственная] тип[ография] № 2, в Бийске». Вверху справа фиолетовыми чернилами помета: «№ 18/235/1».

^в исправлено, в воззвании: съ'ѣденіе;

^{г-д} в воззвании полужирнымъ шрифтомъ.

**№ 2. Воззвание викарного епископа Новониколаевского Томской епархии
Софрония (Арефьева) к приходскому духовенству, членам приходским советам
и мирянам о посадке десятины хлеба и организации детских приютов
для помощи голодающим**

8 мая 1922 г.

К ^а О.О. НАСТОЯТЕЛЯМ, ПРИХОДСКИМ СОВЕТАМ И ВСЕМ ПРАВОСЛАВНЫМ
ХРИСТИАНАМ НОВНИКОЛАЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ ^б

При отсутствии личного знакомства с пастырями и приходами у меня, как у нового человека в церковном округе, нет нужной уверенности в письменном слове ¹. Нужно бы видаться, чтобы взяться за дело, но время не ждет, посему, восполните мою неуверенность силою Вашей отзывчивости и помогите слову превратиться в дело.

Господи, благослови.

Братья-пастыри, братья-православные, сестры-христианки, родные русские люди, братья по вере инородцы, об ужасах голода в Поволжье все Вы давно уже знаете, знаете, что голод в Сибири распространился уже до Омска, знаете, что голод свирепствует небывалый с небывалыми ужасами. Не ослабевайте, просим Вас, во всяких видах помощи голодающим, но особенно просим обратить внимание на ту форму помощи, которую мы предложим Вам и которую можно назвать срочной. Соберитесь в первое же воскресенье по получении сего воззвания в церковь и обсудите миром, нельзя ли в пользу голодающего населения Поволжья и Сибири засеять приходами хотя бы по одной десятине хлеба от каждого прихода. Семена Вы сами пожертвуете и соберете, пашню сами приготовите, – помочью вспашете и засеете. Как было бы хорошо, если бы крестьяне по ^в крестьянски ^г помогли своим братьям.

Пастыри и все вообще православные члены клира. Мы лично пока не знаем друг друга. Как было бы хорошо, если бы прежде всяких встреч и служебных отношений мы подошли друг ко другу на почве осязательной помощи голодающим – организацией по приходам «десятинной» помощи голодным. Тогда встречи наши были бы куда содержательнее и отраднее обычных встреч Епископа с духовенством. Тогда Христос поистине был бы посреди нас.

Родные крестьяне! Вы себя знаете хорошо: знаете, что, не поставивши свечки перед образом, крестьянин в поле не выезжает, знаете что, не, осенив себя крестным знаменем, он пашню пахать не начинает. Ведь, не потому-ли он и крестьянином ^д называется. Принесите же ныне, где это ^е возможно, Господу Богу по большой мирской свече – по десятине хлеба от каждого прихода, сами ^ж соберите жертву, сами своими ^з руками ^и ее и принесите, то есть ^к сами обработайте и уберите. Освятите этим делом и Ваш личный труд на полях, призовите на земледельческие труды Ваши благословение Божие. За Ваше добро Бог добром и воздаст.

Раньше бывало, предки наши, в години народных бедствий, посты на себя налагали, горячо по церквам Богу молились. Ныне к этому ^л Вы прибавьте от себя народную жертву – дружную приходскую благотворительность: возьмитесь за доброе, богоугодное дело поскорее, не медлите, спешите, ибо дело срочное.

^{а-б} В воззвании полужирным крупным шрифтом;

^{в-г} в воззвании полужирным шрифтом и с разрядкой;

^д в воззвании полужирным шрифтом;

^е исправлено, в воззвании: это;

^ж в воззвании полужирным шрифтом;

^{з-и} в воззвании полужирным шрифтом;

^к исправлено, в воззвании: есть;

^л исправлено, в воззвании: этому;

Теперь вторая просьба. Из голодных мест целыми поездами вывозят детей в урожайные места. Дети, оторванные от родных отцов и матерей, часто ^м осиротелые ^н, едут, не зная куда, не зная на чье попечение. В подвозе детей в Сибирь был временный перерыв, теперь в газетах пишут, что опять к нам, в Сибирь, будут подвозить детей целыми поездами, что к отправке предназначено уже до 20.000 детей ². Ужели православные приходы к этому народному, детскому горю не отнесутся отзывчиво!

Матушки – жены священников и других членов причта, учителя, учительницы, вся вообще сельская интеллигенция, способная к инициативной работе. Откликнетесь, усердно прошу Вас, на мой призыв и откройте, где можно, по приходам, приюты. Вам на местах сделать это легче, чем в городах, да и детям в Вашей родной обстановке будет теплее и приятнее. Пока огороды еще не посажены и у каждого жителя есть семена: – устройте сбор семян и начните организацию Ваших приютов с огородов, полей... ^о Где трудно будет посеять десятину на голодающих взрослых, там, может быть, легче будет посеять десятину на свой приходской приют. Используйте как можно выгоднее наступившее весеннее время и употребите его на Божье дело помощи жертвам страшного бича народного – голода.

Местами по селам уже организованы ^п государственные приюты. Там, где эти приюты есть и нуждаются в помощи, новые открывать излишне: – поддержите Вашими приходскими силами эти уже открытые. Пусть в районе прихода будет один общий хороший приют, и пусть будет вообще полнее единодушие всех групп сельского населения в деле помощи детям.

Да ^р благословит всех нас Господь на святое дело помощи голодающим.

Епископ САФРОНИЙ ^с.

8 ^т мая 1922 года ^у.

ГАНУ. Ф. Д144. Оп. 1. Д. 41. Л. 30. Типографский экземпляр того времени. Вверху слева оттиск круглой гербовой печати Западно-Сибирского краевого архивного бюро. Вверху справа фиолетовыми чернилами помета: «№ 18/274».

Примечания

¹ Находившийся в Новониколаевске епископ Якутский и Вилуйский Софроний (Арефьев) получил в марте 1922 г. указ из Священного синода при патриархе Тихоне о назначении его с 20 февраля того же года епископом Новониколаевским, викарием Томской епархии.

² Очевидно, имелись в виду следующие заметки в газете «Советская Сибирь» о приезде в ближайшее время в Сибирь из голодающего Поволжья 20 тыс. детей: Напрягите усилия! // Сов. Сибирь. 1922. 5 мая (№ 97); Распределение голодающих детей // Там же; Организация приемников // Там же.

Список литературы

- Васильева Н. Ю., Дмитриенко Н. М., Исаков С. А., Косик О. В.** Виктор (Богоявленский) // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 8. С. 433–436.
- Лавринов В., протоиерей.** Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М.: Об-во любителей церковной истории, 2016. 736 с.
- Павлова О. А.** Иннокентий (Соколов) // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 24–25.
- Петров С. Г.** Русская православная церковь времени патриарха Тихона (источниковедческое исследование). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 407 с.

^{м-н} исправлено, в воззвании: часто|осиротелые;

^о многоточие в тексте воззвания;

^п исправлено, в воззвании: с' организованы;

^{р-с} в воззвании полужирным шрифтом;

^{т-у} в воззвании мелким шрифтом.

Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии / Отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. Т. 2: XX в. 194 с.

Симон (Истюков), иеромонах. Новосибирская епархия в 1920-е – 1960-е гг.: проблемы внутреннего устройства и взаимоотношений с государством. М.: Спасское дело, 2020. 304 с.

Список источников

Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. / Изд. подгот. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. М.; Новосибирск: РОССПЭН; Сибирский хронограф, 1997. Кн. 1. 600 с.; 1998. Кн. 2. 648 с.

Дело Патриарха Тихона / Публ. М. И. Одинцова // Отечественные архивы. 1993. № 6. С. 53–55.

References

Dashkovskiy P. K. (ed.). *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii* [The Religious Landscape of Western Siberia and Adjacent Regions of Central Asia]. Barnaul, Altai State Uni. Press, 2015, vol. 2: XX v. [20th Century], 194 p. (in Russ.)

Lavrinov V., archpriest. *Obnovlenncheskii raskol v portretakh ego deyatelei* [Renovationist Schism in the Portraits of its Actors]. Moscow, Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii, 2016, 736 p. (in Russ.)

Pavlova O. A. *Innokenty (Sokolov)*. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2010, vol. 23, pp. 24–25. (in Russ.)

Petrov S. G. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' vremeni patriarkha Tikhona (istochnikovedcheskoye issledovaniye)* [Russian Orthodox Church of the Time of Patriarch Tikhon (Source Study)]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2014, 407 p. (in Russ.)

Simon (Istyukov), hieromonk. *Novosibirskaya eparkhiya v 1920-e – 1960-e gg.: problemy vnutrennego ustroystva i vzaimootnoshenii s gosudarstvom* [Novosibirsk Diocese in the 1920s – 1960s: Problems of Internal Organization and Relations with the Government]. Moscow, Spasskoe delo, 2020, 304 p. (in Russ.)

Vasilyeva N. Yu., Dmitrienko N. M., Isakov S. A., Kosik O. V. *Viktor (Bogoyavlensky)*. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2004, vol. 8, pp. 433–436. (in Russ.)

List of Sources

Odintsov M. I. (comp.). *Delo Patriarkha Tikhona* [Case of Patriarch Tikhon]. *Otechestvennyye arkhivy* [Russian Archives], 1993, no. 6, pp. 53–55. (in Russ.)

Pokrovsky N. N., Petrov S. G. (comp.). *Arkhivy Kremlya: Politbyuro i Tserkov'. 1922–1925 gg.* [The Kremlin Archives: The Politburo and the Church. 1922–1925]. Moscow, Novosibirsk, ROSSPEN, Sibirskii khronograf, 1997, vol. 1, 600 p.; vol. 2, 648 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Станислав Геннадьевич Петров, кандидат исторических наук, доцент
Scopus Author ID 57224200938

Information about the Author

Stanislav G. Petrov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor
Scopus Author ID 57224200938

*Статья поступила в редакцию 12.09.2022;
одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 19.10.2022
The article was submitted on 12.09.2022;
approved after reviewing on 03.10.2022; accepted for publication on 19.10.2022*

Список сокращений

Архив СПбИИ РАН	–	Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук
ГААК	–	Государственный архив Алтайского края, Барнаул
ГАНО	–	Государственный архив Новосибирской области, Новосибирск
ГАСО	–	Государственный архив Свердловской области, Екатеринбург
РГАДА	–	Российский государственный архив древних актов, Москва
РГИА	–	Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
ЦГА СПб	–	Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

Информация для авторов

В «Вестнике НГУ. Серия: История, филология» по направлению «История» публикуются материалы, соответствующие основным разделам журнала: «Всеобщая история», «Российская история», «Историография. Источниковедение», «Документальные страницы», «Рецензии», «Научная информация».

Сроки выхода журнала: январь – февраль (№ 1) и октябрь – ноябрь (№ 8) каждого календарного года. Прием материалов для публикации в № 1 осуществляется с мая по октябрь, в № 8 – с ноября по апрель каждого календарного года. Рукописи, поступившие в редколлегию после определенного в требованиях срока формирования выпуска, не принимаются к рассмотрению (о чем уведомляется автор) или, по желанию автора, передаются на хранение в редакционный портфель до наступления сроков формирования следующего выпуска.

С требованиями к оформлению текстов можно ознакомиться на официальном сайте издания: <https://nguhist.elpub.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>.

Материалы, предоставляемые для публикации, должны иметь следующий объем:

- *статья* – до 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами и учетом всех сносок), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков);
- *документальная публикация* – до 1 а. л., в том числе вводная статья – до 0,25 а. л. (10 тыс. знаков) и примечания. В примечаниях дается информация о встречающихся в тексте источника именах, неизвестных или малоупотребительных названиях и терминах специального характера;
- *рецензия и научная информация* – до 0,4 а. л. (16 тыс. знаков).

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после согласования с ответственным редактором, а к публикации – по решению редколлегии.

Материалы для публикации подаются в электронном виде. Все файлы необходимо загружать на официальный сайт журнала (<https://nguhist.elpub.ru/jour/index>), зарегистрировавшись в качестве автора, в соответствии с приведенной на сайте инструкцией. Там же можно ознакомиться с последними опубликованными номерами журнала.

К рукописи отдельным файлом необходимо приложить полное указание Ф. И. О., сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также номер контактного телефона, электронный адрес автора, ORCID, а также другие коды автора (Scopus, WoS, RSCI, SPIN), если есть.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии

Новосибирский государственный университет
ауд. 1260 нового учебного корпуса
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 26
E-mail: history@vestnik.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 11227 в каталоге «Пресса России»

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 1: History